

С. Е. ЯХОНТОВ

ДРЕВНЕ-
КИТАЙСКИЙ
ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1965

Очерки предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, преподавателей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

1. ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Китайский язык имеет более чем трехтысячелетнюю историю. В ней выделяют обычно три периода — древнекитайский, среднекитайский и современный. Уже в древнекитайский период, примерно во II в. до н. э., появляются различия между письменным, литературным китайским языком и устной речью. Письменный язык изменялся сравнительно медленно; вплоть до XX в. в Китае употреблялся письменный язык, остававшийся в своей основе древнекитайским, так называемый *вэньянь* (что дословно и значит 'письменный язык'). В истории живого, устного языка древнекитайский период кончается, скорее всего, около VI в. н. э.: во-первых, в VI—VII вв. появляется ряд служебных слов и местоимений, характерных для среднекитайского и современного китайского языка; во-вторых, в VII в. впервые становится ясно заметен разрыв между литературным и разговорным языком и писатели сознательно стремятся подражать языку памятников, написанных на несколько столетий раньше.

Авторы, писавшие на *вэньяне*, брали за образец преимущественно язык произведений V—III вв. до н. э. (конец эпохи Чжоу и эпоха Цинь) и частично — следующих четырех веков (эпоха Хань). Древнекитайский язык этого времени — с V в. до н. э. по II в. н. э. — можно назвать классическим, язык более ранних памятников — доклассическим. Язык III—VI вв. н. э. будем называть поздним древнекитайским. Он во многом отличается от классического, но все же стоит ближе к нему, чем к языку следующего, среднекитайского периода. Почти все грамматические явления, свойственные позднему древнекитайскому, встречаются уже в текстах эпохи Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.), только там они еще редки. *Вэньянь* в средневековом Китае также претерпел значительные изменения — хотя бы уже потому, что вобрал в себя всю позднейшую политическую, научную и техническую терминологию.

В этой книге при описании древнекитайской фонетики будет взят за основу язык VIII—VII вв. до н. э., так как основные источники наших сведений о фонетике древнекитайского языка относятся именно к этому времени. При изложении грамматики за основу берется язык ранних произведений классического периода (примерно 450—250 гг. до н. э.); если какое-нибудь грамматическое явление в разные периоды истории древнекитайского языка выглядело по-разному, описывается то состояние, которое имело место в 450—250 гг. до н. э.; если же рассказывается о явлениях, специфических для какой-нибудь другой эпохи, это каждый раз специально оговаривается.

Древнейшими памятниками китайского языка являются надписи на костях и черепаших панцирях, служивших для гадания (XIII—XI вв. до н. э.)¹, а также на бронзовых сосудах (наиболее ранние из них также относятся к концу II тысячелетия до н. э.). Среди литературных памятников самые старые — 書經 «Шу цзин» («Книга истории») и 詩經 «Ши цзин» («Книга стихов»). Первая содержит главным образом речи, приписываемые царям и героям древности, вторая — это собрание народных и обрядовых песен. Большая часть текстов, вошедших в состав этих книг, возникла не позже VII—VI вв. до н. э.

В V—III вв. до н. э. в Китае существовала обширная литература, преимущественно историческая и философская.

Наиболее известными произведениями ее являются: 左傳 «Цзо чжуань» («Комментарий Цзо»); 論語 «Лунь юй» («Суждения и изречения»), 孟子 «Мэн-цзы» и 莊子 «Чжуан-цзы» (последние две книги названы по имени их авторов). «Цзо чжуань» считался комментарием на официальную летопись государства Лу, принадлежащим историку Цзо Цю-мину; в действительности это совершенно самостоятельное историческое произведение, написанное в IV в. или в конце V в. до н. э. и лишь значительно позднее превращенное в комментарий к Луской летописи. «Лунь юй» — это записи разговоров или отдельных высказываний Конфуция (551—479 гг. до н. э.) и его учеников, частично сделанные еще при жизни Конфуция. «Мэн-цзы» — книга конфуцианского философа и государственного деятеля Мэн Кэ (около 372—289 гг. до н. э.),

¹ См. 夏鼐, 十年來的中國考古新發現, — 光明日報, 15. X. 1959, стр. 3. По традиционной хронологии гадательные надписи датируются XIV—XII вв. до н. э., однако ошибочность этой даты в настоящее время твердо доказана. Сводку существующих мнений по вопросам хронологии древнего Китая см. в кн.: Л. С. Васильев, *Аграрные отношения и община в древнем Китае*, М., 1961, стр. 221—230.

написанная им самим или его учениками. «Чжуан-цзы» важнейший памятник даосской философской школы; в качестве автора его называют Чжуан Чжоу (около 369—286 гг. до н. э.), но им написано лишь несколько глав этой книги, остальная часть была добавлена позднее. Поэзия этого времени представлена произведениями 屈原 Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.).

Памятники китайской литературы до III в. н. э. написаны на разных диалектах. Некоторые служебные слова встречаются только в определенной группе памятников, или одни и те же служебные слова в разных произведениях употребляются по-разному. По этому признаку можно выделить по крайней мере два диалекта. Один представлен текстами конфуцианской литературы («Лунь юй», «Мэн-цзы»), другой — памятниками исторического содержания («Цзо чжуань» и 國語 «Го юй»). Первый из них, вероятно, представляет собой диалект древнего государства Лу (в современной провинции Шаньдун), откуда был родом Конфуций; в каких местах говорили на «историческом» диалекте, пока неизвестно. В III в. до н. э. диалектные различия между отдельными памятниками почти исчезают. Все тексты этого времени содержат в общем одни и те же служебные слова.

После того как в 221 г. до н. э. одно из государств древнего Китая — Цинь — завоевало остальные и создало единую китайскую империю, по приказу первого императора в 213 г. до н. э. почти вся литература предшествующего периода была уничтожена. Позднее она была восстановлена по случайно сохранившимся экземплярам или со слов тех, кто знал отдельные произведения наизусть. Естественно, что подлинность ряда существующих сейчас текстов этой литературы вызывает сомнения. Так, например, доказано, что значительная часть «Шу цзина» (около трети всех его глав) является подделкой III в. н. э.

Среди обширной литературы эпохи Хань наиболее выдающееся место занимает первая сводная история Китая с древнейших времен — 史記 «Ши цзи» («Записки историка») Сыма Цяня (около 145—87 гг. до н. э.). После Хань широкое распространение получил новый жанр литературы — короткие рассказы, главным образом на фантастические и исторические темы. Самым известным сборником таких рассказов был 搜神記 «Соу шэнь цзи» («Записки о поисках духов») Гань Бао, составленный в первой половине IV в. н. э. Хотя начиная со II в. до н. э. постепенно появляется разрыв между разговорным и литературным языком, многие произведения эпохи Хань и после Хань (в том числе «Ши цзи» и рассказы) содержат элементы разговорного языка. Однако ближе всего к устной речи была не оригинальная китайская литература

этого времени, а переводы буддийских сутр, во множестве появлявшиеся в Китае с конца эпохи Хань.

В дальнейшем древнекитайский язык, вернее, его несколько видоизмененная форма — вэньян, продолжает употребляться в философской, исторической, научной литературе, в законодательстве, официальной и деловой переписке, а отчасти и в художественной литературе; параллельно существует (начиная с IX—X вв.) литература на разговорном языке, но жанры, где он господствовал, считались «низкими», не заслуживающими внимания образованного человека. Вэньян долгое время служил литературным языком не только для Китая, но и для ряда соседних стран — Кореи, Японии, Вьетнама. В Китае он сохранял свои позиции до начала 20-х годов XX в.

Китайский язык в древности был распространен на меньшем пространстве, чем теперь. В эпоху Чжоу Китай занимал территории современных провинций Хэбэй, Хэнань, Шаньдун, Шаньси, средней части Шэньси, северной части Аньхуэя и Цзянсу. Население государств Чу, У и Юэ, расположенных к югу и юго-востоку от этой территории, первоначально говорило не на китайском, а на каких-то других языках. По размерам армий китайских государств IV—III вв. до н. э. можно приблизительно подсчитать численность населения Китая в это время. Она составляла около 20 млн. человек (возможно, что в южных государствах часть населения по-прежнему еще говорила не по-китайски).

После объединения Китая к нему были присоединены обширные районы на юге и юго-западе. Во многих местах китайский язык вытеснил прежние языки местного населения, подобно тому как латинский вытеснил другие языки в Западной Римской империи. Население империи Хань в первых годах нашей эры, согласно переписи, составляло около 60 млн. человек, причем из этого количества менее одной десятой приходилось на недавно завоеванные территории.

В начале IV в. н. э. Северный Китай был завоеван гуннами и другими кочевыми народами. После этого более 250 лет (до конца древнего периода в истории китайского языка) Китай был разделен на Северный и Южный. В результате непрерывных войн население страны сильно сократилось (в 2—3 раза, если верить переписям). В годы первых вторжений кочевников много людей бежало на юг, за р. Янцзы; там возникли новые экономические и культурные центры. Тем временем на севере завоеватели постепенно смешались с местным населением, приняли китайские обычаи и язык.

Древнекитайский язык распался на ряд диалектов. Диалектные различия частично отражались в литературе до III в. до н. э.; но гораздо более обширный материал по древним

диалектам сохранил для нас словарь 方言 «Фан янь» («Местные слова»), составленный в первых годах нашей эры. В этом словаре при каждом слове указано, в каком районе (на территории каких древних государств) оно распространено. По тому, какие географические названия постоянно встречаются рядом, при одних и тех же словах, мы видим, в каких районах говорили на близких диалектах. В «Фан янь» чаще всего противопоставляются два больших диалектных района — «к западу от заставы» и «к востоку от заставы» (имеется в виду застава Ханьгу — горный проход около западной границы нынешней провинции Хэнань). Первый район включал в себя современные провинции Шаньси, Шэньси и Сычуань, второй — остальную часть Северного Китая. «К востоку от заставы» существовало несколько диалектов: на севере собственный диалект имели государства Янь и Дай, южнее, в современной провинции Шаньдун, — Ци и Лу, в Хэбэе — Чжао и Вэй (魏)², в центре (северная часть современной Хэнань) — Чжоу, Чжэн и Хань, на юге — Чэнь и Чу; государство Чу занимало огромную территорию в нынешнем Хубэе, Хунани, Хэнань и между рр. Хуайхэ и Янцзыцзян. Неясно положение маленьких государств Сун и Вэй (衛): названия их постоянно упоминаются в «Фан янь» рядом, но с другой стороны Сун имеет много общих слов с государствами Лу, Чэнь и Лян. Отдельно фигурируют в «Фан янь» диалекты некоторых периферийных районов — государств У и Юэ (на морском берегу южнее устья р. Янцзыцзян), а также областей «к югу от Чу» и «к востоку от Ци».

Некоторые сведения о фонетических особенностях китайских диалектов в эпоху Хань и позднее можно почерпнуть из наблюдений над рифмами поэтических произведений, написанных в разных частях Китая, и из отдельных замечаний китайских филологов того времени.

МЕСТО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ ЯЗЫКОВ МИРА

В китайском языке грамматические отношения между словами в предложении выражаются порядком их расположения, а также специальными служебными словами, например предлогами, но не изменением формы слов. В древнекитайском отсутствуют какие-либо формы склонения и спряжения. Только некоторые местоимения существуют в нем в двух-трех фонетических вариантах, каждому из которых свой-

² В древнем Китае было два государства Вэй (в то время их названия звучали неодинаково); то Вэй, которое имеется в виду здесь, известно также как Лян (по названию его столицы, нынешнего Кайфена).

ственные свои особые синтаксические функции (как английским формам вроде *I — me* или французским *je — me — moi*, но в китайском правила употребления их гораздо менее строги). Древнекитайский не знает агглютинативных словоизменительных аффиксов, вроде тех, которые в современном китайском языке образуют видо-временные формы глагола; время и залог глагола в древнекитайском тоже выражаются служебными словами. Только в области словообразования мы в нем находим довольно много элементов флексии (а также, может быть, агглютинации).

Языки, в которых грамматические отношения между словами выражаются с помощью порядка слов или служебных слов, в типологической классификации называют либо изолирующими, либо аналитическими (этим двум терминам — «изолирующие» и «аналитические» — дают совершенно одинаковое определение³, но первый употребляется только по отношению к языкам Азии и Африки, второй — преимущественно к европейским языкам). Итак, китайский язык является аналитическим или, что то же самое, изолирующим. К этому же языковому типу принадлежат многие другие языки Дальнего Востока, как, например, тибетский, таи (сиамский), вьетнамский, кхмерский, затем некоторые языки Африки (языки гвинейской группы в Западном Судане, например, эве, йоруба, иббо) и, наконец, отдельные языки Европы — английский, французский, скандинавские. Среди них аналитическим языкам Европы и классическому тибетскому частично свойственна также флексия и агглютинация. Отдельные элементы флексии и агглютинации можно найти и в других аналитических (изолирующих) языках.

Важной отличительной особенностью древнекитайского языка является его слоговой характер; все корни этого языка односложны. Односложность свойственна также всем аналитическим языкам Дальнего Востока и гвинейским языкам. Другая особенность древнекитайского — наличие музыкальных тонов; среди слоговых языков тоны есть также в таи, вьетнамском, современном тибетском и гвинейском языках, но они отсутствуют в кхмерском и классическом тибетском. В отличие от современного китайского языка (а также таи и вьетнамского), корень в древнекитайском не был совершенно неизменяемым — возможны были чередования звуков внутри корня, т. е. внутренняя флексия.

Языки Дальнего Востока, близкие по строю к китайскому, в генеалогической классификации образуют четыре основные семьи: тибето-бирманскую, тайскую, мяо-яо и мон-кхмер.

³ См., например, П. С. Кузнецов, *Морфологическая классификация языков*, Изд-во МГУ, 1954, стр. 13—14, 16 и 20.

Однако для некоторых языков, в том числе и для китайского, место их в этой классификации остается спорным. Неясно также, родственны ли между собой отдельные семьи.

В настоящее время существуют две основные точки зрения на эти спорные вопросы. Согласно первой из них, все языки, о которых выше шла речь, делятся прежде всего на две основные группы: имеющие музыкальные тоны и не имеющие их. Во вторую группу попадают только языки мон-кхмер, которые объединяют с малайско-полинезийскими; все остальные, имеющие тоны, включают в одну китайско-тибетскую (или сино-тибетскую) семью. В этой последней различают обычно две ветви — тибето-бирманскую и китайско-тайскую; основой этого деления служит порядок слов в предложении: в китайско-тайских языках дополнение стоит после глагола, в тибето-бирманских — перед ним. Между отдельными группами внутри китайско-тайской ветви (китайский язык, тайские, мяо-яо) граница проводится также по синтаксическим признакам. Эту классификацию защищал А. Масперо⁴; в настоящее время она является наиболее распространенной в КНР⁵.

Другое решение вопроса о родственных связях между языками Дальнего Востока было предложено П. Бенедиктом⁶. П. Бенедикт показывает родство тайских языков с малайско-полинезийскими, сближая далее с этими семьями языки мон-кхмер и мяо-яо; китайский язык оказывается при этом родственным только тибето-бирманским языкам. Сходных взглядов придерживаются многие лингвисты в Европе и Америке⁷.

В основе первой из этих классификаций лежат особенности строя языков — наличие тонов, порядок слов в предложении. Однако структурные признаки не могут служить основанием для отнесения языка к той или иной семье⁸; они учитываются только в типологической, но не в генеалогической классификации. Известно, что гвинейские языки обладают музыкальными тонами и порядок слов в них такой же, как и в китайском языке, но это не доказывает, что они родственны китайскому.

⁴ P. Maspéro, *Les langues*, — в кн.: «Un empire colonial français, l'Indochine», vol. I, Paris, 1929.

⁵ См., например, 王力, *漢語史稿*,上册,北京,1957年,第25—31頁.

⁶ P. K. Benedict, *Thai, Kadai and Indonesian: a New Alignment in Southeastern Asia*, — «American Anthropologist», vol. 44, 1942, № 4.

⁷ См., например, Г. Глисон, *Введение в дескриптивную лингвистику*, М., 1959, стр. 469—470.

⁸ См., например, А. Мейе, *Сравнительный метод в историческом лингвистике*, М., 1954, стр. 26—28.

Родство языков может быть доказано только на основании материальных совпадений между языками, т. е. случаев, когда морфемы с одним и тем же значением в разных языках связаны между собой регулярными фонетическими соответствиями⁹. При изучении флективных языков обычно главное внимание обращается на служебные морфемы — суффиксы и окончания; но для аналитических языков приходится довольствоваться сопоставлением слов (или корней). Правда, слова могут заимствоваться из одного языка в другой. Но есть некоторые области лексики, где заимствования почти невозможны, например: местоимения, названия частей тела, родственных отношений, важнейших явлений природы, некоторые наиболее употребительные глаголы и прилагательные и т. п. С другой стороны, слова, связанные с культурой или хозяйством, заимствуются сравнительно легко. Поэтому соответствия в лексике являются доказательством родства языков только в том случае, если они относятся преимущественно к ее «незаимствуемым» областям.

Среди аналитических языков Азии больше всего слов общих с китайским можно найти во вьетнамском языке (который, как это сейчас уже можно считать доказанным, родствен мон-кхмерской семье языков). Однако эти слова являются сравнительно недавними заимствованиями из китайского.

Иной характер имеют связи китайского с тибето-бирманской семьей. Тибето-бирманские языки сильно различаются между собой (вероятно, не меньше, чем языки индоевропейской семьи), но есть некоторое количество слов или корней, которые свойственны если не всем этим языкам, то по крайней мере большинству из них. Очень многим из этих общих тибето-бирманских элементов можно найти соответствия и в древнекитайском языке. Например¹⁰:

⁹ См., например, В. Георгиев, *Исследования по сравнительно-историческому языкознанию*, М., 1958, стр. 176—177.

¹⁰ Примеры из языка сани приводятся по кн.: 馬學良, 撒尼彝語研究, 上海, 1951 年. Тангутские примеры заимствованы у Н. А. Невского («Тангутская филология», М., 1960). Фонетика тангутского языка плохо исследована, поэтому здесь приведено просто чтение китайских иероглифов, которыми соответствующие тангутские слова транскрибируются в тангутско-китайском словаре «Чжан чжун чжу» (начальный согласный в некоторых случаях исправлен в соответствии с тибетской транскрипцией тех же слов). Для языков бирманского и сани в ряде случаев указаны не законченные слова, а корни, которые употребляются в речи только в сочетании с префиксом (образующим самостоятельный слог) или в составе сложных слов. Тибетские и бирманские слова приводятся в транслитерации. Тон обозначен римскими или арабскими цифрами; первый тон и тон слогов, кончающихся шумным согласным, не обозначаются.

Значение	Древне-китайский	Тибетский	Бирманский	Сани (группа II)	Тангутский
волнце	日 <i>niet</i>	<i>nyi</i>	<i>ne</i>	<i>n³</i> (день)	<i>ne, nə</i> (день) *nit
огонь	火 <i>s-mär^{II}</i>	<i>me</i>	<i>mī³</i>	<i>m⁴</i>	<i>mə</i> *mhəj?
вода	水 <i>s-djür^{II}</i>	<i>ču</i>	<i>re</i>	<i>z^{w3}</i>	<i>zə</i> *lhuj
собака	犬 <i>kh^{wi}än^{II}</i>	<i>khuyi</i>	<i>khwe³</i>	<i>tshz^{w4}</i>	<i>khjə</i> *khwin
рыба	魚 <i>ngiä</i>	<i>nya</i>	<i>ngä³</i>	<i>ngä</i>	<i>ñü²</i> *gä
глаз	目 <i>mjūk</i>	<i>myig</i>	<i>myak</i>	<i>ne²</i>	<i>mjai</i> *mjūk
ухо	耳 <i>njə^{II}</i>	<i>r-na</i>	<i>nä³</i>	<i>nä</i>	<i>nü</i> *nöl
хиост	尾 <i>mjər^{II}</i>	—	<i>mrī³</i>	<i>mä</i>	<i>me</i> *mröj?
имн	名 <i>mjeng</i>	<i>ming</i>	<i>mañ</i>	<i>mä²</i>	<i>me²</i> *miñ
умереть	死 <i>sjər^{II}</i>	<i>ši</i> (мертвый)	<i>se</i>	<i>sz^{w3}</i>	<i>si</i> *sjj?
близко	邇 <i>njär^{II}</i>	<i>nye</i>	<i>nī³</i>	<i>nä³</i>	<i>ne²</i> *niej?
горький	苦 <i>khä^{II}</i>	<i>kha</i>	<i>khä³</i>	<i>ghä⁴</i>	— *khä?
три	三 <i>sum</i>	<i>g-sum</i>	<i>sum³</i>	<i>sə</i>	<i>so</i> *som
пять	五 <i>ngä^{II}</i>	<i>l-nga</i>	<i>ngä³</i>	<i>ngä</i>	<i>ngu</i> *ga?
и	吾 <i>ngä</i>	<i>nga</i>	<i>ngä</i>	<i>ngä³</i>	<i>nga</i> *ga
но	無 <i>mjä</i> (нет)	<i>ma</i>	<i>ma</i>	<i>mä⁴</i>	<i>me, mə</i> *mä

В большинстве слов этого списка (как и в других словах, общих для китайского и тибето-бирманских) мы находим одинаковые или очень близкие начальные согласные и гласные, иногда и другие звуки. Там же, где эти звуки в разных языках различны, соответствия между ними носят регулярный характер, т. е. встречаются в целой группе слов. Например, можно привести ряд слов, в которых китайским начальным *d-*, *dhj-* соответствует в тибетском *d* или шипящие (восходящие к *dy-*, *thy-*), а в бирманском и многих других языках — *l*, иногда *r*.

Значение	Древне-китайский	Тибетский	Бирманский
лист	葉 <i>djöp</i>	<i>'-dab</i>	<i>rwak</i> *lap
вода	水 <i>s-djür^{II}</i>	<i>ču</i>	<i>re</i> *rjə *hijjə
четыре	四 <i>s-djə-s</i>	<i>b-zi</i>	<i>le³</i>
камень	石 <i>dhiäk</i>	<i>r-do</i>	— (сани <i>lu²</i> , цзинпо <i>n-lung</i>) *däk
язык	舌 <i>dhiüt</i>	<i>l-jag-s</i>	<i>hlyä</i> *lat
лизать	舐 <i>dhje^{II}</i>	<i>l-dag</i>	<i>lyak</i> *l?

Семантически слова, общие для тибето-бирманских языков и китайского, почти все относятся к числу «незаимствуемых». Все это доказывает, что тибето-бирманские языки и китайский следует рассматривать как члены одной китайско-тибетской семьи языков.

*g-wrät m^wjat Monat

В тайских языках можно найти довольно много слов, общих с китайским. Но слова эти в большинстве случаев связаны с культурой, поэтому могли быть заимствованы из одного языка в другой. Правда, в языках китайском и тайских совпадают также числительные, а общность числительных обычно считается важным доказательством родства языков. Но как раз на Дальнем Востоке можно найти примеры заимствования числительных (например, китайские числительные в японском или вьетнамском языках). Кроме того, по-видимому, не все тайские языки имеют одни и те же числительные: в языке ли на о. Хайнань числительные отличаются от китайских или сиамских. Поэтому не доказано, что названия чисел, близкие к китайским, являются исконными в тайской семье.

Слова, совпадающие в китайском и тайских языках, имеют во всех этих языках очень близкую, часто почти одинаковую фонетическую форму. Однако любопытно, что в ряде случаев тайское звучание слов приближается не к древнекитайскому произношению, а к среднекитайскому (или по крайней мере к произношению древнекитайского языка позднего периода). Например, слово ≡ 'три' в эпоху Чжоу звучало как *sum*, но в среднекитайском оно стало произноситься *sâm* (это его звучание появилось значительно раньше VII в., но неясно, когда именно). Между тем в тайских языках мы находим именно эту более позднюю форму — *sam*. Каждому китайскому тону в тайских языках есть регулярное соответствие; в том числе есть постоянное соответствие падающему тону, хотя этот тон появился в китайском языке только около III в. до н. э. В языке таи (сиамском) есть служебные слова *läu*² (показатель законченности действия) и *kuä*¹ (служит для выражения сравнения), которые соответствуют среднекитайским 了 *lieu*^{II} и 過 *kuä*^{III}, однако первое из этих китайских слов получило служебное значение только в среднекитайский период, а второе имеет те же функции, что и в языке таи, лишь в некоторых южнокитайских диалектах.

Короче говоря, связи китайского языка с тайскими установились сравнительно поздно и не являются результатом их общего происхождения. Родства между этими языками нет.

Что касается языков мяо и яо, то решить вопрос об их родстве с китайским пока трудно из-за того, что сама семья мяо-яо еще недостаточно изучена. Замечу только, что если для доказательства родства языков мяо-яо с мон-кхмерскими обычно указывают на общие для обеих семей лексические элементы, то сторонники включения мяо-яо в китайско-тибетскую семью ссылаются на сходство грамматического строя и фонетики, которое в действительности не может служить доказательством родства.

Таким образом, китайский язык и тибето-бирманские составляют одну семью языков — китайско-тибетскую. В эту семью входит, помимо китайского, тибетского и бирманского, также ряд менее известных, по большей части бесписьменных (или лишь совсем недавно получивших письменность) языков. Некоторые из них близко родственны тибетскому или бирманскому, другие образуют отдельные группы, как, например, группа и в Китае и Бирме, каренские языки в Южной Бирме, группа бодо-нага в Ассаме и другие. К группе языков и, возможно, относится и мертвый тангутский — язык государства Си-ся, существовавшего в XI—XIII вв. н. э. в районе нынешней китайской провинции Ганьсу. Сравнительное изучение языков китайско-тибетской семьи еще только начинается.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Изучение китайского языка в Китае возникло на основе комментирования памятников древней литературы, в особенности доклассической, которая уже в конце эпохи Чжоу не была вполне понятной. Первый китайский словарь 爾雅 «Эр я» (III в. до н. э.) представлял собой собрание толкований отдельных слов, расположенных по смысловым группам. Из двух наиболее известных словарей эпохи Хань один — 方言 «Фан янь» («Местные слова») Ян Сюна (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.) — был словарем диалектизмов; другой — 說文 «Шо вэнь» Сюй Шэня, составленный в 100 г. н. э., — объяснял не столько значения слов, сколько структуру и этимологию иероглифов. Начиная с III в. н. э. в Китае появляются словари рифм, в которых слова сгруппированы по фонетическому принципу, но наиболее ранние из них (III—VI вв.) до нас не дошли.

С этого времени главным направлением в китайском языкознании становится фонетика. Одновременно продолжается комментирование текстов и составление словарей. Словари были рассчитаны преимущественно на древнекитайский язык или вэньянь, а не на разговорный язык. Последним большим словарем этого типа, которым нередко пользуются и сейчас, был «Канси цзыдянь» [4, 1716]¹¹.

В XVII—XVIII вв. в китайском языкознании появляются некоторые новые направления. Во-первых, к этому времени относятся первые грамматические работы — словари так называемых «пустых слов» (к числу которых относили служебные

¹¹ В квадратных скобках указывается порядковый номер в списке литературы (стр. 111—112) и, где это необходимо, год написания или первого издания.

слова, а также местоимения, некоторые наречия и т. п.). Наиболее известна среди них книга Ван Инь-чжи [18, 1798]. Другой очень важной новой областью была историческая фонетика. К началу XIX в. китайские филологи в основном реконструировали фонетическую систему древнекитайского языка. Работы их сохраняют свое значение до настоящего времени; современные исследования в этой области в значительной степени представляют собой различные интерпретации ранее установленной системы.

В Европе описания китайского языка появляются с начала XVIII в. Долгое время в них не вполне четко различается древний и современный китайский язык, факты того и другого излагаются параллельно. Это можно сказать, в частности, о первой русской грамматике китайского языка, принадлежащей Н. Я. Бичурину (Иакинфу) [7]. Во второй половине XIX в. существовали уже теоретические работы, специально посвященные древнекитайскому языку; важнейшие из них — «Новый синтаксис китайского языка» Станислава Жюльена¹² и подробнейшая (1470 параграфов) «Китайская грамматика» Георга Габеленца, недавно переизданная в ГДР [12, 1881].

В 1898 г. в Китае впервые была составлена грамматика китайского (древнекитайского) языка, построенная по схеме, принятой в европейском языковедении — «Ма ши вэнь тун» Ма Цзянь-чжуна [10]. Автор ее в основном брал за образец школьную грамматику латинского языка, но в то же время его книга содержит большой раздел о значениях служебных слов, где Ма Цзянь-чжун следует китайской традиции.

Говоря об изучении древнекитайского языка в XIX в., нельзя не упомянуть о переводах важнейших памятников древнекитайской литературы на европейские языки, в особенности о «Китайских классических книгах» Джемса Легга¹³ и переводе труда Сыма Цяня, принадлежащем Эдуарду Шаванну¹⁴ (эта работа осталась незавершенной).

В начале XX в. для изучения древнекитайского языка (вернее, его поздней разновидности — вэньянь) составлялись уже не только научные описания, но и самоучители или практические пособия, в том числе и на русском языке¹⁵.

¹² Stanislas Julien, *Syntaxe nouvelle de la langue chinoise*, Paris, 1869—1870.

¹³ J. Legge, *The Chinese Classics, with a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena and Copious Indexes*, 5 vol., Hongkong, 1861—1872.

¹⁴ E. Chavannes, *Les mémoires historiques de Se-ma Ts'ien*, 5 vol., Paris, 1895—1905.

¹⁵ Я. Брандт, *Самоучитель китайского письменного языка*, т. I, Пекин, 1914.

Однако после того как вэньянь в 20-х годах вышел из практического употребления, интерес к древнекитайскому языку уменьшается. Важнейшие работы по древнекитайской грамматике, изданные в это время (не только в Китае, но и в Европе), по форме приближаются к традиционным китайским словарям служебных слов.

В 1915 г. в Китае вышли два важных словаря — «Большой китайский словарь» («Чжунхуа да цзыдянь») [5] и «Источник слов» («Цы юань») [3]. Первый содержит объяснения одиночных иероглифов; второй — это словарь-энциклопедия, где, в частности, можно найти описание реалий древнего Китая. В 1936 г. был составлен еще один словарь энциклопедического типа — «Море слов» («Цы хай») [2]. Эти три словаря были, кажется, последними, специально рассчитанными на древнекитайский язык или вэньянь. Переводные словари, ориентирующиеся на вэньянь, вообще редки; видное место среди них занимает китайско-русский словарь Палладия (П. И. Кафарова), изданный после смерти автора П. С. Поповым [1]. В настоящее время при составлении словарей берется за основу современный язык, но многие из них содержат и древнюю лексику, так что в общем пригодны для перевода любых китайских текстов.

После первой мировой войны начало быстро развиваться изучение исторической фонетики китайского языка. Наибольший вклад в эту область Китаеведения внес шведский ученый Б. Карлгрен. Сначала он реконструировал произношение китайского языка 500—600 гг. н. э., потом постепенно перешел к фонетике I тысячелетия до н. э. В работе по восстановлению китайской фонетики различных эпох приняли участие многие европейские и китайские ученые, в том числе в СССР — А. А. Драгунов. Результаты своих исследований Б. Карлгрен в 1940 г. обобщил в виде своеобразного словаря — «Китайские письмена» [21, 1940], в котором для каждого слова дается его древнее произношение (для обеих исследованных эпох), а также указываются тексты (до династии Цинь), в которых это слово встречается. Несколько позже в Китае Дун Тун-хэ опубликовал собственные реконструкции древнекитайской фонетики [20, 1944]. Основную часть его работы составляют таблицы, в которых слова расположены по фонетическому принципу в соответствии с их древним произношением. Новые системы реконструкции предложили затем Ван Ли [23] и совсем недавно Э. Дж. Пул-либлэнк [22]. Над отдельными вопросами древнекитайской фонетики работают сейчас У. Саймон, А. Г. Одриккур, Чжоу Цзу-мо и другие ученые; П. Серрейс в своих работах по древнекитайской диалектологии также постоянно обращается к фонетике.

Важной заслугой Б. Карлгрена является то, что он первый в китаеведении применил лингвистические методы для критики текста¹⁶. Его исследовательские приемы были развиты Ян Бо-цзюнем, применившим их для датировки текста «Ле-цзы» [24].

В 40-х годах в Китае вышло несколько больших теоретических трудов по грамматике. В одних из них рассматривается современный язык, в других описываются параллельно факты современного и древнего языка. Из этих последних наибольшее значение имеет книга Люй Шу-сяна¹⁷, переведенная на русский язык. После образования КНР был издан ряд грамматик древнекитайского языка, главным образом практического назначения. Непосредственное отношение к изучению древнекитайского имеют также исследования по истории китайского языка, в первую очередь «Очерк истории китайского языка» Ван Ли [23], — первая работа этого рода, охватывающая все основные аспекты языка — фонетику, грамматику и лексику. Очень интересна также монография Гуань Се-чу, посвященная грамматике древнейших китайских текстов — надписей на гадательных костях¹⁸.

В Европе Ж. Мюлли, опубликовавший в 1946—1949 гг. трехтомную грамматику древнекитайского языка [15], следует традиции Г. Габеленца. К совершенно иному направлению принадлежит канадский ученый Добсон; он применяет к древнекитайскому методы и термины дескриптивной лингвистики. Книги Добсона [13, 14] интересны еще и тем, что он едва ли не первый ставит своей целью описать не древнекитайский язык вообще, а язык определенной эпохи или определенной группы текстов, имеющих более или менее однородную грамматику.

Советские языковеды всегда уделяли главное внимание современному китайскому языку. Материалы древнекитайского привлекались обычно только для сравнения с современным состоянием или для объяснения тех или иных фактов современного языка. Однако в последнее время

было опубликовано несколько статей, специально посвященных древнекитайскому языку¹⁹.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Китайский язык пользуется идеографической письменностью; знаки китайской письменности называют иероглифами. В идеографической письменности, в отличие от фонетической, каждый знак соответствует не звуковой единице — звуку или слогу, а значимой — слову или морфеме. Слово (или морфема) записывается как единое целое, а не членится на составляющие его звуки. Разные слова пишутся по-разному, даже если звучат одинаково.

Из этого следует, между прочим, что одно и то же слово на всем протяжении истории китайского языка пишется одинаково, как бы ни менялось его произношение. Китайская письменность не дает нам никаких прямых свидетельств фонетических изменений, происходящих в языке, или сведений о фонетических различиях между китайскими диалектами. Слово «черный» 2500 лет назад звучало как *s-mak*, сейчас — как *zei*¹, но пишется оно все тем же иероглифом 黑. Слово «учиться» в Пекине читается как *sūā*², в Кантоне — как *hok*³, но пишется одинаково 學. И обратно: текст, записанный иероглифами, может быть прочитан вслух на любом из современных китайских диалектов, а также по-японски, по-корейски, по-вьетнамски — на любом языке, пользующемся китайской письменностью. Древние китайские тексты сейчас никто не читает с древним произношением (оно нам даже не вполне известно). Каждый китаец читает эти тексты на своем родном диалекте, т. е. произнося слова так, как они звучат в его диалекте в настоящее время, или же пользуется общепринятым пекинским произношением.

В этой книге древнее произношение приводится только в разделах, специально посвященных фонетике; в остальных же случаях при древнекитайских примерах указано пекинское чтение в обычной русской транскрипции.

¹⁶ В. Karlgren, *On the Authenticity and Nature of Tso-chuan*, — «Göteborgs Högskolas Årsskrift», XXXII, 1926, pp. 3—65; *The Authenticity of Ancient Chinese Texts*, — «The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», № 1, Stockholm, 1929, pp. 165—183; *Excursions in Chinese Grammar*, — «The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», № 23, 1951, pp. 107—133; *New Excursions in Chinese Grammar*, — «The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», № 24, 1952, pp. 51—80.

¹⁷ 呂叔湘, 中國文法要略, 1941—1944 年, 修訂本, 1956 年. Русский перевод — [8].

¹⁸ 管燮初, 殷虛甲骨刻辭的語法研究, 北京, 1953 年.

¹⁹ И. С. Гуревич, *Личные местоимения в китайском языке III—V вв.*, — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 68, 1964, стр. 90—98; Т. Н. Никитина, *Способы образования сложных предложений в древнекитайском языке*, — «Ученые записки ЛГУ», № 256, 1958, стр. 163—177; Т. Н. Никитина, *Службное слово цзэ в древнекитайском языке*, — «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 19—29; а также наши статьи: *Части речи в древнекитайском языке*, — «Вестник ЛГУ», 1960, № 14, стр. 113—124; *Фонетика китайского языка I тысячелетия до н. э.*, — «Проблемы востоковедения», 1959, № 2, стр. 137—147; 1960, № 6, стр. 102—115; *Сочетания согласных в древнекитайском языке*, — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. V, М., 1963, стр. 89—95.

Фонетически каждый иероглиф соответствует слогу. Морфологически неразложимые двухсложные слова, которых, впрочем, в древнекитайском языке немного, пишутся двумя иероглифами.

Первая классификация китайских письменных знаков, впервые подробно изложенная в словаре «Шо вэнь», до сих пор остается самой распространенной.

По этой классификации все знаки делятся прежде всего на простые (文 *вэнь*²) и сложные (字 *цзы*⁴). Сложные знаки состоят из двух или нескольких простых; но они имеют значение только взятые целиком, сложный иероглиф нельзя прочесть по составным частям так, как по-русски мы читаем слово по буквам.

Простых знаков существует несколько сотен. Они делятся на образительные и указательные. Первые представляют собой упрощенные рисунки обозначаемых предметов: 木 *му*⁴ 'дерево', 山 *шань*¹ 'гора', 日 *жи*⁴ 'солнце', 馬 *ма*³ 'лошадь', 犬 *цюань*³ 'собака', 鳥 *няо*³ 'птица', 目 *му*⁴ 'глаз', 耳 *эр*³ 'ухо', 手 *шю*³ 'рука', 刀 *дао*¹ 'нож', 門 *мэнь*² 'дверь'. Конечно, внешний вид их сейчас уже сильно изменился, и они почти совсем потеряли сходство с теми предметами, которые они должны обозначать. Указательные иероглифы — это символические значки, как, например: 一 *и*¹ 'один', 二 *эр*⁴ 'два', 三 *сань*¹ 'три' или 上 *шан*⁴ 'наверху' и 下 *ся*⁴ 'внизу'.

Сложные знаки тоже делятся на две категории. Первая — это идеограммы (в узком смысле слова; в широком смысле идеограммой называют любой китайский иероглиф). Эти знаки представляют собой сочетания двух или более простых знаков, по смыслу в той или иной степени связанных со значением знака в целом. Например, идеограмма 男 *нань*² 'мужчина' состоит из простых иероглифов 田 *тянь*² 'поле' и 力 *ли*⁴ 'сила'; 吠 *фэй*⁴ 'лаять' — из 口 *коу*² 'рот' и 犬 *цюань*³ 'собака'; 坐 *цзо*⁴ 'сидеть' — из 人 *жэнь*² 'человек', повторенного дважды, и 土 *ту*³ 'земля'. Надо сказать, что объяснения структуры идеограмм часто бывают довольно натянутыми. Во всяком случае, догадаться о точном значении иероглифа по его составным частям невозможно.

Вторая категория сложных знаков, самая многочисленная, это так называемые фонетические иероглифы, или фонограммы. Иероглифы этой категории состоят из двух частей, из которых одна (фонетический знак или фонетическая часть) указывает на приблизительное чтение иероглифа в целом, а другая (ключ) — на смысловую категорию, к которой относится значение слова, обозначаемого иероглифом. Например, иероглиф 聞 *вэнь*² 'услышать' состоит из 門 *мэнь*² 'дверь' и 耳 *эр*³ 'ухо'. 門 *мэнь*² 'дверь' — фонетический знак: он указывает, что иероглиф 聞 читается приблизительно как *мэнь*²; 耳 *эр*³

'ухо' — ключ: значение иероглифа 聞 имеет какое-то отношение к уху. Другой пример: 柏 *бай*³ 'кипарис' состоит из ключа 木 *му*⁴ 'дерево' и фонетического знака 白 *бай*² 'белый'. Фонетический знак сам может представлять собой сложный иероглиф. Например, в иероглифе 湖 *ху*² 'озеро' нетрудно выделить ключ 氵 (сокращение иероглифа 水 *шуй*³ 'вода') и фонетический знак 胡 *ху*² 'подгрудок быка', который в свою очередь содержит ключ 月 (сокращение иероглифа 肉 *жоу*⁴ 'мясо') и фонетический знак 古 *гу*³ 'древний'; но и этот последний тоже является сложным знаком (идеограммой).

Фонетические иероглифы занимают особое место в китайской письменности, так как их состав отражает не только значение, но и звучание слова. Тем не менее было бы неправильно рассматривать их как подобие фонетической, буквенной письменности. В них по-прежнему нет деления слова на чисто фонетические, не имеющие значения единицы. Употребление одного иероглифа как фонетического знака в составе другого означает лишь, что звучание одного слова целиком сравнивается со звучанием другого.

В классификации, приводимой Сюй Шэнем, различаются еще две категории иероглифов — иероглифы заимствованные и «взаимно поясняющие». Заимствованным считается иероглиф, употребляющийся не в своем первоначальном значении, а для записи омонимичного или близкого по звучанию слова. Например, местоимение 3-го лица 'его' обозначается иероглифом 其 *ци*². Этот знак представляет собой изображение корзины и первоначально действительно служил для записи слова 其 *ци*¹ 'корзина для веяния зерна', но позже был «заимствован» для близкого по звучанию слова 'его'. Таким же образом для местоимения 3-го лица «заимствуется» иероглиф 汝 *жу*³ (название реки в нынешней провинции Хэнань). Сущность другой категории не совсем ясна. В древности, по-видимому, «взаимно поясняющими» называли иероглифы, имеющие один и тот же ключ и одинаковое значение. Так или иначе, обе эти категории связаны не со структурой иероглифов, а с их употреблением или отношением друг к другу. Каждый иероглиф, входящий в одну из них, одновременно принадлежит к одной из первых четырех категорий.

Из всех категорий иероглифов фонетическая — самая молодая. В надписях на костях и на бронзе фонетических иероглифов очень мало; зато в них широко распространено заимствование иероглифов, употребление одного знака для нескольких сходно звучащих слов. Но иероглифы литературных памятников эпохи Чжоу по структуре мало отличаются от тех, которые употребляются в настоящее время.

Создание фонетических иероглифов шло несколькими разными путями. Чаще всего они образовывались путем присоединения ключа к заимствованному знаку. Например, служебное слово (связка) доклассического языка *вай*² в надписях на костях и на бронзе писалось иероглифом 隹 *чэюй*¹ 'птица'; позднее для него появился специальный иероглиф 唯 *вай*². Нередко ключом отмечалось не заимствованное, а старое, первоначальное значение иероглифа. Например, знак 云 *юнь*² сначала значил 'облако' и был изображением облака; затем им стали записывать другое слово с тем же звучанием — *юнь*² 'сказать', а для слова 'облако' присоединили к нему ключ 雨 *юй*³ 'дождь' — 雲. В составе этого нового иероглифа знак 云 *юнь*² (исторически рисунок облака) воспринимается как его фонетический знак. Наконец, в ряде случаев ключ присоединялся, чтобы выделить одно из значений слова или одно из двух родственных слов, которые прежде записывались одним иероглифом. Например, слово 娶 *цюй*⁴ 'жениться' пишется иероглифом, состоящим из 取 *цюй*³ 'взять', к которому присоединен ключ 女 *нюй*³ 'женщина'. Слово 娶 *цюй*⁴ родственно слову 取 *цюй*³, но имеет более узкое значение, на что и указывает ключ. Такие иероглифы, как 雲 *юнь*² 'облако' и 娶 *цюй*⁴ 'жениться', кажутся принадлежащими одновременно и к фонетической, и к идеографической категориям: в них обе части связаны с их значением, но одна, кроме того, указывает и на чтение.

Общее число фонетических иероглифов сейчас во много раз превышает число иероглифов любой другой категории. Но в тексте они составляют меньше половины, потому что наиболее распространенные слова пишутся, как правило, простыми знаками.

Внешняя форма китайских иероглифов в III в. до н. э. и позднее претерпела сильные изменения, вызванные главным образом изменением техники письма. В I в. н. э. впервые появился тот стиль письма, который сохранился до настоящего времени («кайшу» — образцовое или уставное письмо). Он отличается от существовавших ранее, в частности, тем, что все знаки в нем строятся из небольшого числа одних и тех же основных графических элементов (горизонтальная черта, вертикальная черта, крюк, точка и т. д.). Они окончательно потеряли всякое сходство с рисунками, от которых произошли.

II. ФОНЕТИКА

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИКИ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Древнекитайский язык принадлежал к числу слоговых языков, т. е. таких, в которых фонетические границы между слогами служат одновременно границами между значимыми элементами — словами или частями слов. За очень немногими исключениями, слова древнекитайского языка были односложными или представляли собой повтор однослога. Как и в других слоговых языках, слог в древнекитайском имел постоянную структуру, элементы которой могли занимать в его составе только строго определенное место.

В слоговых языках Дальнего Востока, в том числе и в китайском, основными элементами слога являются инициаль, финаль и тон. Инициаль представляет собой начальный согласный звук (в ряде языков это может быть и сочетание согласных), финаль — слогаобразующий гласный, дифтонг или же сочетание гласного и конечного согласного. Например, слог *ko* имеет инициаль *k* и финаль *o*, слог *klong* — инициаль *kl* и финаль *ong*. Наконец, тоном называется мелодическая характеристика слога (точнее, финали). Тон является такой же неотъемлемой частью фонетического облика слова, как и входящие в его состав звуки.

Между инициалью и финалью может находиться медиаль — промежуточный (неслогаобразующий) гласный или полугласный звук.

Звуки, предшествующие слогаобразующему гласному (т. е. составляющие инициаль и медиаль), если их несколько, располагаются в порядке возрастания звучности: шумный согласный, сонорный согласный, полугласный (или неслогаобразующий гласный). Число возможных конечных согласных очень невелико; почти всегда они являются импловивными.

В некоторых слоговых языках, в том числе в древнекитайском (а также в классическом тибетском), в составе слога могли быть еще так называемые «суффиксы» и «префиксы» — согласные звуки, присоединявшиеся к слогам любого состава и не входившие в основную структуру слога (не включавшиеся в состав инициали или финали). Между суффиксом или префиксом и остальной частью слога могла проходить морфологическая граница, и тогда они были подлинными аффиксами в обычном смысле этого слова — грамматическими элементами, служившими для словообразования (в тибетском — и для словоизменения); но чаще они не составляли отдельных морфем.

Важнейшими материалами, по которым мы можем судить о фонетике древнекитайского языка, являются рифмы древ-

ней китайской поэзии и иероглифы фонетической категории. Большая часть песен «Ши цзина» возникла около 800—600 гг. до н. э.; в это же время или несколько раньше была создана основная масса фонограмм, встречающихся в древнекитайских текстах классического периода. В китайском языке рифмуются между собой слова с одинаковой финалью и тоном; инициаль и медиаль на рифму не влияют. Что же касается иероглифов фонетической категории, то несколько слов могли писаться иероглифами с одним и тем же фонетическим знаком, если в них был один и тот же основной гласный и похожие (но не обязательно совершенно одинаковые) начальный и конечный согласные звуки; тон и медиаль безразличны. (Совокупность слов, пишущихся иероглифами, имеющими в своем составе один и тот же фонетический знак, условимся в дальнейшем называть «графической группой»).

Пользуясь этими материалами, китайские филологи еще в XVII—XIX вв. выделили в древнекитайском языке группы слов, имевших одинаковую финаль, и определили общее число финалей. По отдельным неточным рифмам было установлено, какие финали были близки между собой, и это дало возможность восстановить общую систему финалей. Хуже обстоит дело с инициалами, так как употребление фонетических знаков иероглифов не отличается большой правильностью и регулярностью. Мы можем лишь утверждать, что чем меньше различие между двумя согласными звуками, тем чаще они встречаются внутри одних и тех же графических групп. К счастью, согласные в китайском языке изменялись сравнительно медленно, и в области инициалей древнекитайский не так сильно отличается от среднекитайского, как в области гласных. Поэтому при реконструкции древнекитайских инициалей обычно отталкиваются от среднекитайского и вносят в его систему необходимые «поправки»: если, рассматривая среднекитайское чтение иероглифов, мы видим, что какие-нибудь два звука, имеющие между собой очень мало общего, тем не менее регулярно встречаются в словах одних и тех же графических групп, из этого можно сделать вывод, что в период создания китайской письменности соответствующие слова имели какое-то другое произношение, не такое, как в среднекитайском.

ФИНАЛИ И ТОН

Конечных согласных в древнекитайском языке было семь:

<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ng</i>
<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>
	<i>r</i>	

Шесть из них в большинстве случаев сохранились без изменения в современных южнокитайских диалектах. Только звук *r* еще до начала новой эры перешел в *-i* или исчез. Этот звук был, например, в таких словах, как 雷 *lur* 'гром', 衣 *ʔar* 'одежда', 坐 *dzhor*^{II} 'сидеть'.

Гласных тоже было семь; они образовывали следующую систему:

	Передние	Задние
Закрытые	<i>e, ü</i>	<i>ə, u</i>
Открытые	<i>ä</i>	<i>â, o</i>

Вот примеры слов с этими гласными: 雞 *ke* 'курица', 歌 *kü* 'петь', 土 *thâ*^{II} 'земля', 來 *lə* 'прийти', 口 *kho*^{II} 'рот', 老 *lu*^{II} 'старый', 高 *kü* 'высокий'.

Относительно звука *ü* можно сомневаться, правильно ли он реконструирован. Несомненно только, что этот звук был близок к *u*. Довольно рано, не позже II в. до н. э., он перешел в дифтонг *ou* или *äu* (с этого времени слоги с бывшим *ü* начинают иногда рифмоваться со слогами, имевшими гласный *o* или *â*).

Все семь гласных различались только в открытом слоге. Перед конечными согласными возможно было разное число гласных — от шести (перед *k*) до двух (перед *m, p*). В целом система финалей древнекитайского языка выглядела следующим образом:

<i>â</i>	<i>âk</i>	<i>âng</i>					
<i>ä</i>			<i>är (?)</i>	<i>ät</i>	<i>än</i>	<i>är</i>	<i>äm</i>
<i>ə</i>	<i>ək</i>	<i>əng</i>	<i>ər</i>	<i>ət</i>	<i>ən</i>		
<i>e</i>	<i>ek</i>	<i>eng</i>		<i>et</i>	<i>en</i>		
<i>o</i>	<i>ok</i>	<i>ong</i>	<i>or</i>	<i>ot</i>	<i>on</i>		
<i>u</i>	<i>uk</i>	<i>ung</i>	<i>ur</i>	<i>ut</i>	<i>un</i>	<i>ur</i>	<i>um</i>
<i>ü</i>	<i>ük</i>						

Как видно из этого списка, передний *ä* и задний *â* противопоставлялись только в открытом слоге. В закрытом слоге был возможен только один из этих звуков — либо *ä*, либо *â*, в зависимости от конечного согласного. Передний *ü* и задний *u* противопоставлялись только в открытых слогах и перед *k*.

Финаль *är* встречается в крайне незначительном числе слов (важнейшее из них — 火 *s-mär*^{II} 'огонь'); возможно, что произношение их восстановлено неверно, и этой финали вообще не существовало.

Не вполне ясно, какой гласный был в финалях с конечными согласными *p* и *m*; может быть, эти финали правильнее восстанавливать как *är*, *äm* и *ər*, *əm*.

НАЧАЛЬНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Система начальных согласных древнекитайского языка имела следующий вид:

<i>p</i>	<i>t</i>	<i>ts</i>	<i>k</i>	<i>k^w</i>	<i>ʔ</i>	<i>ʔ^w</i>
<i>ph</i>	<i>th</i>	<i>tsh</i>	<i>kh</i>	<i>kh^w</i>		
<i>bh</i>	<i>dh</i>	<i>dzh</i>	<i>gh</i>	<i>gh^w</i>		
	<i>d</i>		<i>g</i>	<i>g^w</i>		
<i>m</i>	<i>n</i>		<i>ng</i>	<i>ng^w</i>		
		<i>s</i>	<i>x</i>	<i>x^w</i>		
	<i>l</i>					

Характерной особенностью древнекитайской фонетики были лабиовелярные согласные (заднеязычные огубленные, как *k^w*, *x^w*, *ng^w*). Гортанная смычка также могла быть чистой (*ʔ*) и огубленной (*ʔ^w*). Огубленные согласные довольно рано (еще в классический период) перешли в сочетания обычных заднеязычных или гортанной смычки с промежуточным *u*.

Согласные, которые обозначены выше как *d*, *g*, *g^w*, обычно считают звонкими непридыхательными. Однако вполне возможно, что на самом деле это были звонкие щелевые (*ð*, *ɣ*, *ɣ^w*) или даже сонорные (*r*, *j*, *w*). После согласных этой группы всегда следовала медиаль *l* или *i*. В среднекитайском языке звуки *d*, *g*, *g^w* либо исчезли (перед *i*), либо перешли в *z* (перед *i*). Их можно восстановить в древнекитайском благодаря тому, что слова, начинающиеся с этих согласных, входят в одни и те же графические группы со словами, содержащими другие смычные неносовые инициалы, причем *d* объединяется с переднеязычными, *g* — с заднеязычными, а *g^w* — с лабиовелярными. Например:

余 *diá* 'я': 徐 *diá* 'медленно': 途 *dhá* 'дорога'
 楊 *diáng* 'тополь': 湯 *thâng* 'кипяток'
 羊 *giáng* 'баран': 祥 *giâng* 'счастливое предзнаменование':
 羌 *khiáng* (название народа)
 王 *g^wiáng* 'царь': 狂 *gh^wiáng* 'сумасшедший'
 穗 *g^wiá-s* 'колос': 惠 *gh^wiá-s* 'добрый'

Помимо исчезновения звонких непридыхательных к концу древнекитайского периода в системе китайских согласных произошли и некоторые другие изменения. В частности, переднеязычные взрывные перед медиалью *l* перешли в мягкие шипящие (*t_i → t_li* и т. п.); звук *gh*, напротив, сохранился только перед *i*, а в остальных случаях перешел в щелевой *ɣ*.

В качестве инициалы в древнекитайском языке мог выступать не только отдельный согласный звук, но и сочетание двух согласных: любой согласный мог иметь после себя звук *l*. Инициаль, состоящая из двух согласных, была, на-

пример, в словах 家 *klá* 'семья', 瓜 *k^wlá* 'тыква', 白 *bhlák* 'белый', 馬 *mlá^{II}* 'лошадь', 山 *slán* 'гора'. Звук *l* после согласного выпал довольно рано (в эпоху Хань), однако он вызвал некоторые изменения следовавшего за ним гласного. Иногда *l* воздействовал и на предшествующий согласный: сочетания свистящих согласных с *l* перешли в твердые шипящие (например, *sl → s*).

В начале слога перед сонорными инициалами, а также перед *d* и *g^w* мог находиться префикс *s-*, например: 黑 *s-mák* 'черный', 退 *s-nu-s* 'отступить', 許 *s-ngiá^{II}* 'разрешить', 使 *s-liá^{II}* 'послать', 世 *s-diá-s* 'поколение', 護 *s-g^wián* 'обмануть'. В классическую эпоху произношение префикса изменилось под влиянием следующего согласного, а сам этот согласный в дальнейшем выпал. Древнекитайским сочетаниям с префиксом *s-* в среднекитайском соответствуют:

<i>sm</i>	— <i>x^w</i> , <i>x</i>	<i>sl</i>	— <i>s</i>
<i>sn</i>	— <i>th</i>	<i>sng</i>	— <i>x</i>
<i>sn(i)</i> , <i>sd(i)</i>	— <i>s</i>	<i>sng^w</i> , <i>sg^w(i)</i>	— <i>x^w</i>

Кроме того, почти каждому из древнекитайских сочетаний с префиксом *s-* может соответствовать среднекитайское *s*; вероятно, как и в случае с *z* из звонких непридыхательных согласных, разные соответствия одного и того же сочетания объясняются характером медиали в древнекитайском.

Слоги с префиксами и соответствующие слоги без префиксов обычно входили в одни и те же графические группы; поэтому если в одной и той же графической группе оказываются, с одной стороны, слова, начинавшиеся с сонорного или звонкого шумного согласного, а с другой стороны — слова, в среднекитайском имевшие глухой щелевой начальный согласный, то этот последний в них восходит к сочетанию сонорного или звонкого согласного с префиксом *s-*. Так же обстоит дело, если в одной графической группе оказываются слова с инициалами *n* и *th* в среднекитайском: здесь *th* восходит к древнекитайскому сочетанию *sn*.

Надо думать, что первоначально префикс *s-* мог находиться перед любым начальным согласным, а не только перед сонорным или звонким. Не исключено, что одна из серий взрывных согласных восходит к сочетаниям префикса *s-* с шумными инициалами (например, согласные *bh*, *dh* и т. п. происходят от сочетаний типа *sp*, *st* или *sph*, *sth*).

Префикс *s-* мог присоединяться не только к одиночным согласным, но и к инициалам, состоявшим из двух согласных. Поэтому слово в древнекитайском иногда, хотя и очень редко, могло начинаться с трех согласных звуков, например 花 *s-ng^wlä* 'цветок'.

Между начальным согласным и основным гласным в древнекитайском языке могли находиться различные неслогообразующие звуки типа *i*. Их можно насчитать до четырех. Они имели большое значение в истории китайской фонетики: в одних случаях они вызывали изменение гласного, в других — начального согласного, в третьих — того и другого. Сравним среднекитайское чтение нескольких слов, имевших в древнекитайском языке одну и ту же инициаль и финаль, но разные медиали: 豬 *t'í^{uo}* 'свинья', 諸 *t'í^{uo}* 'все', 者 *t'í^{uo}* 'тот, кто'. В древнекитайском языке (до начала нашей эры) все эти слова начинались с *t* и имели гласный *â*. Мы видим, что в двух случаях медиаль вызвала переход *t* в мягкий шипящий, причем в одном случае этому переходу сопутствует и необычное изменение гласного.

Принято считать, что различия между этими словами в гласном и согласном существовали уже в древнекитайском языке. Но ни иероглифы фонетической категории, ни рифмы не дают нам для этого никакого основания. В древнекитайском они могли различаться только медиалью, которая не влияла ни на рифму, ни на употребление фонетических знаков.

Чем объясняется такое обилие и разнообразие медиалей в древнекитайском? Не исключено, что один из видов медиалей представляет собой следы существовавших некогда словообразовательных префиксов. Мы часто встречаем пары родственных слов, различающихся между собой наличием или отсутствием медиали, например: 入 *n'ip* 'войти' и 納 *nip* 'впустить', 亡 *mîng* 'погибнуть' и 荒 *s-mîng* 'пустынный', 'заброшенный'. Возможно, что в словах 'входить' и 'погибнуть' первоначально был какой-то звонкий префикс, например *d*: 入 *d-nip*, 亡 *d-mîng*. Мы уже знаем, что звонкому непридыхательному согласному всегда сопутствовала медиаль; звонкий префикс мог вызвать появление медиали в корне, к которому он присоединялся. Таким образом *d-nip* превращается в *d-n'ip* и далее в *n'ip*. Аналогичным образом обстояло дело и со словом 亡 (*d-mîng* → *d-m'îng* → *m'îng*).

Выше медиали везде транскрибировались упрощенно: все они, как правило, записывались как *i*; только если медиаль вызывала в среднекитайском переход основного гласного в *e* или необычное изменение начального согласного, она транскрибировалась как *i*.

В классический период в китайском языке появилась новая медиаль — *u*, возникшая в словах, в которых либо прежде имелись лабиовелярные согласные, либо гласные *u*, *o* перешли в *iu*, *iu*.

Мы почти ничего не знаем о фонетических явлениях древнекитайского языка, охватывающих единицы большие, чем слог.

Можно только утверждать, что ряд служебных слов и местоимений древнекитайского языка в связной речи произносился без ударения.

Это видно, во-первых, из того, что если одно из этих слов оказывается в конце строки в стихотворном тексте, то и рифме нередко участвуют не они одни, а еще и предшествующие им слоги. Например, в «Ши цзине» («Сяо я», VIII, 4) рифмуются сочетания 藏之 *dzhâng tî* 'храню его' и 忘之 *mîng-s tî* 'забуду его': последнее слово — местоимение 之 *tî* 'его' — в обоих сочетаниях одинаковое, но вместе с тем рифмуются и слова, предшествующие местоимению и этих сочетаниях — 藏 *dzhâng* и 忘 *mîng-s*.

Кроме того, довольно часто бывает, что два служебных слова или местоимения, следующих друг за другом, сливаются в один слог (причем в большинстве случаев это происходит со словами, не связанными между собой грамматически, а лишь случайно оказавшимися рядом), например:

之 *tî* 'его' + 乎 *ghâ* (вопросительная частица): 諸 *tî*
不 *pî^u* 'не' + 之 *tî* 'его': 弗 *pî^u*
何 *ghâ* 'почему' + 不 *pî^u* 'не': 盍 *ghâp*

Вероятно, такое слияние происходило в тех случаях, когда одно из двух стоящих рядом слов, или оба они, были фонетически ослаблены, т. е. не имели ударения.

При столкновении двух безударных служебных слов одно из них могло быть и просто опущено.

В поздний период древнекитайского языка многие безударные слова начинают все чаще и чаще опускаться и, наконец, вообще исчезают из языка.

III. ЛЕКСИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Древнекитайский язык уже в эпоху Чжоу характеризуется богатой и разнообразной лексикой. Его словарь в ряде специальных областей, как, например, военное дело, государственное устройство, дипломатия, этикет, обладал обширной разветвленной терминологией. Например, для обозначения военного нападения или похода помимо наиболее обычного глагола 伐 *fa²* 'напасть' (который употреблялся, если речь шла об открытом нападении одного государства на другое) существовали слова 侵 *чинь²* 'напасть без барабанного боя' (т. е. без объявления войны), 襲 *си²* 'напасть врасплох', 征

чжэн¹ 'напасть на взбунтовавшегося вассала', 攻 гун¹ 'напасть на город или армию' и другие. Часто для одного и того же понятия существовало несколько слов с различным социальным или эмоциональным оттенками; например, говоря о смерти человека, выбирали разные глаголы в зависимости от того был ли это царь всего Китая, князь, вельможа, ученый или простой человек. Не только термины, но и обычные слова разговорного языка часто имеют очень узкое, конкретное значение. Так, согласно словарю «Шо вэнь», колосья или зерна хлебных злаков назывались 稼 *цзя*⁴, а все растения вместе со стеблем — 禾 *хэ*²; птичье гнездо на дереве называлось 巢 *чао*², а гнездо в норе — 窠 *кэ*¹. В словаре «Эр я» перечисляется больше двадцати названий гор, различающихся по форме или как-нибудь иначе, около тридцати обозначений масти лошадей и т. п. Разумеется, наряду с этими в древнекитайском существуют и слова с общим значением (например, название горы или лошади вообще).

Почти все слова древнекитайского языка односложны. Исключением являются слова, образованные с помощью полного или частичного повтора (мы их подробнее рассмотрим ниже): они, естественно, всегда бывают двухсложными. Кроме того, в древнекитайском языке есть некоторое (совершенно незначительное) количество подлинных двухсложных слов (возможно, имеющих иностранное происхождение) — например название сказочного животного цилиня (麒麟 *ци*² *минь*²). Впрочем, те же слова можно встретить в текстах и в односложной форме (например, 麟 *минь*² 'цилин'), а в словарях нередко каждому слогу двухсложного слова искусственно приписывается самостоятельное значение. Таким образом, двухсложные слова явно воспринимаются как необычное явление.

В древнекитайском встречаются также сочетания однослогов, значение которых не выводится (или не целиком выводится) из значения их составных частей и которые при переводе должны рассматриваться как единое смысловое целое, например: 天下 *тянь*¹ *ся*⁴ 'весь мир' (досл. '[все, что] под небом'); 先生 *сянь*¹ *шэнь*¹ 'учитель' (досл. 'раньше родившийся'). Сюда же можно отнести довольно многочисленные названия людей по их занятиям, состоящие из слова 人 *жэнь*² 'человек' (или 夫 *фу*¹ 'муж', 父 *фу*³ 'старик') и определения к нему: 弓人 *гун*¹ *жэнь*² 'мастер, изготовляющий луки' (弓 *гун*¹ 'лук'), 漁父 *юй*² *фу*³ 'рыбак' (漁 *юй*² 'ловить рыбу') и т. п. Такие сочетания не представляют собой единых слов; их скорее можно сравнить с русскими устойчивыми сочетаниями слов вроде *железная дорога* или *летучая мышь*. Некоторые из них могут быть разделены служебным словом; например, в «Ши цзине» («Сяо я», VI, 1) употреблено выражение 溥天之下

тун¹ *тянь*¹ *чжи*¹ *ся*⁴ 'весь мир', 'во всем мире' (досл. 'под всем небом'), где сочетание 天下 *тянь*¹ *ся*⁴ оказывается разделенным, хотя оно явно сохраняет единое значение 'мир', и составные части его не обладают смысловой самостоятельностью. Во всяком случае такие сочетания не обладают никакими формальными (фонетическими или морфологическими) особенностями, по которым их можно было бы отличить от обычных свободных словосочетаний.

Итак, единственным распространенным видом двухсложных слов в древнекитайском языке были слова, образованные с помощью повтора. Повтор корня является не столько способом словообразования, сколько определенным структурным типом слов: слова-повторы вовсе не обязательно образуются от каких-то других, уже имеющих в языке слов; часто бывает, что удваиваемый элемент иначе как в составе повтора в языке не встречается.

Если слово представляет собой полный повтор одного и того же слога без всяких фонетических изменений, оно употребляется в предложении только как сказуемое или как определению к сказуемому. После него часто (но не всегда) стоят служебные слова 然 *жань*², 如 *жу*², 焉 *янь*¹ или 爾 *эр*³. Трудно сказать, является ли такой повтор глаголом, прилагательным или какой-то совершенно особой частью речи. Во всяком случае он не может иметь дополнений или каких-нибудь других зависимых слов. Значение таких повторов довольно неопределенное, они не обозначают конкретного действия или качества, а скорее описывают, какое впечатление производит предмет, какие ощущения вызывает; они имеют скорее образную и эмоциональную, чем логическую природу. Например: 皇皇 *хуан*² *хуан*² 'торжественный', 'пышный'; 巍巍 *вэй*³ *вэй*³ 'кажущийся огромным и высоким'; 洋洋 *ян*² *ян*² 'производящий впечатление полноты, обилия, довольства'. Часто употребление повтора ничего не добавляет к логическому содержанию предложения.

Такое же значение, как и повторы, имеют и односложные слова, после которых стоят служебные слова, обычно сопутствующие повторам, например: 油然 *ю*² *жань*² 'имеющий вид надвигающейся тучи', 莞爾 *вань*³ *эр*³ 'улыбающийся'.

Кроме полного повтора корня в древнекитайском языке широко распространен частичный повтор, при котором один или несколько звуков слога повторяются. С помощью частичного повтора могут быть образованы слова того же типа, что и с помощью полного повтора, например 躊躇 *чоу*² *чу*² 'колебаться', 'быть в нерешительности'. Однако форму неполного повтора имеют и многие существительные — названия растений, мелких животных (особенно насекомых), драгоценных камней, вещей различного назначения и т. п., на-

пример: 芍藥 *шао¹ яо⁴* 'пион', 蜘蛛 *чжи¹ чжу¹* 'паук', 琵琶 *пи² па²* 'лютня'. Так же бывают построены личные имена людей и некоторые географические названия, например: 胡亥 *Ху² хай²* (имя второго императора династии Цинь), 崑崙 *Кунь¹ лунь²* (название легендарной горы).

Существительные, образованные с помощью частичного повтора, употребляются так же, как и обычные односложные существительные. Они не имеют какого-либо особого эмоционального оттенка.

Древнекитайское слово не имело форм словоизменения. Однако слово не было вполне тождественно корню, так как встречались пары или группы слов, образованных от одного и того же корня путем чередования звуков или с помощью аффиксов (не составлявших отдельного слога). Слова, образованные от одного корня, иногда писались одним и тем же иероглифом, но могли существовать и специальные иероглифы для каждого из них. Смысловые отношения между такими словами могли быть довольно разнообразными. Легче всего выделить следующие виды отношений:

1. Одно слово имеет каузативное (побудительное) значение по отношению к другому:

食 <i>диэк</i> 'есть'	:	餵 <i>диэк-х</i> 'кормить'
視 <i>дхя^{II}</i> 'смотреть'	:	示 <i>дхя^{II}-с</i> 'показывать'
入 <i>нйуп</i> 'войти'	:	納 <i>нйуп</i> 'впустить'
至 <i>тйе-с</i> 'прийти'	:	致 <i>тйе-с</i> 'сделать так, чтобы кто-то пришел'

2. Одно слово обозначает действие, другое — предмет или качество, создающееся в результате действия:

分 <i>пйан</i> 'делить'	:	份 <i>пйан-с</i> 'доля'
斷 <i>дхон^{II}</i> 'разрубить', 'перерезать'	:	段 <i>дхон-с^{II}</i> 'кусок'
張 <i>тианг</i> 'натянуть (тетиву лука)'	:	長 <i>дхианг</i> 'длинный'
亡 <i>мианг</i> 'погибнуть', 'исчезнуть'	:	荒 <i>с-манг</i> 'пустынный', 'заброшенный'

3. Одно слово обозначает предмет, другое — действие, которому он подвергается или которое совершается с его помощью:

衣 <i>йя¹</i> 'одежда'	:	衣 <i>йя-с</i> 'надевать'
田 <i>дхен</i> 'поле'	:	佃 <i>дхен-с</i> 'обрабатывать поле'
背 <i>пак-х</i> 'спина'	:	背 <i>пак-х</i> 'повернуться спиной'
妻 <i>тшя¹</i> 'жена'	:	妻 <i>тшя-с</i> 'женить'

Возможны были и другие отношения, например, предмет и свойственное ему качество (墨 *тэк* 'тушь': 黑 *с-тэк* 'черный'), качество и вызываемое им чувство (威 *йя¹* 'страшный').

и *йя-с* 'бояться'), но каждый такой случай представлен всего двумя-тремя примерами. Наконец, часто родственные слова означают просто близкие понятия, без того чтобы одно из них могло быть логически выведено из другого, или просто означают совершенно одно и то же, например:

夕 *диэк* 'вечер' : 夜 *диэк-х* 'ночь'
 答 *туп* 'ответить' : 對 *ту-с* 'ответить'

Как видно из всех этих примеров, для словообразования в древнекитайском языке могли служить: 1) суффикс *-s(-h)* и иногда сопутствующее ему отпадение конечного согласного; 2) префикс *s-*; 3) промежуточный полугласный *i* (или чередование *i:i*); 4) чередование глухого согласного со звонким придыхательным (*p:bh, t:dh*); 5) чередование звонкого придыхательного и чистого звонкого согласного (*dh:d*). Мы уже знаем, что промежуточный *i*, возможно, в ряде случаев восходит к какому-то древнему префиксу, а звонкие придыхательные согласные — к сочетаниям типа *sp-, st-*. Таким образом, можно думать, что чередование звуков при словообразовании есть явление вторичное, возникшее на месте существовавших когда-то аффиксов.

Отдельные способы словообразования не были связаны с определенными смысловыми отношениями между основным и производным словом; слова с одинаковым грамматическим значением могли быть образованы различными способами, и наоборот, один и тот же аффикс (или один и тот же тип чередования звуков) мог иметь различные значения. По-видимому, флективное словообразование в древнекитайском языке представляло собой пришедшие в беспорядок остатки некогда более богатой системы.

В общем словообразовательные возможности древнекитайского языка довольно ограничены. Близкие понятия, которые в русском языке обозначаются словами, образованными от одного корня, в древнекитайском обычно передаются совершенно разными словами, не связанными между собой этимологически; сравним 入 *жю¹* 'войти' и 出 *чу¹* 'выйти', 聽 *тин¹* 'слушать' и 聞 *вэнь²* 'услышать', 光 *гуан¹* 'свет' и 明 *мин²* 'светлый' и т. п. В других случаях родственные понятия обозначаются одним и тем же словом; например, одинаково называются какой-нибудь вид деятельности и человек, занимающийся этой деятельностью: 陶 *тао²* 'гончарное дело' и 'гончар', 農 *нун²* 'земледелие' и 'земледелец'. Значения многих русских суффиксов и приставок (многократность или однократность действия, уменьшительность и т. п.) могут быть переданы в древнекитайском языке только описательно.

IV. ГРАММАТИКА

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС

В древнекитайском языке отсутствует морфология в том смысле, в каком мы употребляем этот термин по отношению, например, к русскому языку, потому что древнекитайское слово не имело форм словоизменения, описание которых составляет основную часть русской морфологии.

Естественно, что важнейшей частью древнекитайской грамматики является синтаксис, рассматривающий строение словосочетаний и предложений. Однако грамматика древнекитайского языка не исчерпывается синтаксисом. В состав словосочетания определенного типа могут входить не любые слова языка, а только слова определенных классов; грамматические отношения между стоящими рядом словами могут быть различными в зависимости от того, в какие классы входят эти слова. Поэтому изложению синтаксиса должна предшествовать классификация слов, описание свойств отдельных классов.

Все слова древнекитайского языка прежде всего делятся на две основные группы, которые в китайском языкознании называются «полными словами» и «пустыми словами» (таков обычный перевод соответствующих китайских терминов; правильное было бы переводить их как «реальные слова» и «мнимые слова»). Первая группа — это знаменательные слова, вторая — служебные слова и местоимения. Число полных слов практически неограниченно; напротив, пустых слов сравнительно немного, они могут быть подсчитаны. В то же время к числу пустых слов принадлежат наиболее употребительные слова древнекитайского языка, поэтому в обычных текстах около четверти или даже трети всех слов составляют пустые.

Служебные слова и местоимения имеют в древнекитайском языке некоторые общие признаки; например, и те и другие иногда могут быть лишены ударения. Однако между ними есть и существенные различия. Местоимения не обозначают непосредственно лиц или предметы. Они получают конкретное значение только в контексте, заменяя названия упомянутых раньше конкретных лиц или предметов; некоторые из них (вопросительные местоимения) заменяют названия лиц и предметов, еще не известных говорящему. Служебные же слова вообще не обозначают самостоятельных предметов, действий, качеств, а служат для связи слов в предложении или для выражения дополнительных грамматических значений, добавляющихся к основному лексическому значению слова (например, значений времени или

рода глагола). Местоимения, как и знаменательные слова, могут выполнять в предложении различные функции, сочетаясь со словами разных групп, иногда даже употребляясь самостоятельно как отдельное неполное предложение. Из служебных же слов каждое входит в состав очень ограниченного числа грамматических конструкций или даже только одной какой-нибудь конструкции. Одни служебные слова всегда стоят в конце предложения, другие — в начале, третьи могут иметь перед собой только существительное, четвертые всегда предшествуют глаголу, и т. п.

Между служебными и знаменательными словами нет совершенно четкой границы. Есть некоторые группы слов, которые по своей малочисленности, или широкой распространенности, или по способности употребляться только в одной определенной конструкции приближаются к служебным словам, но не являются ими безоговорочно. Таковы, например, модальные глаголы, числительные, наречия.

Служебные слова выражают в древнекитайском языке те значения, которые в языках флективных свойственны формам слов (например, специальные служебные слова указывают время или залог глагола, предлоги соответствуют русским *над* и т. п.). Поэтому в древнекитайской грамматике по возможности рассматриваются значения каждого из пустых слов в отдельности. Значения полных слов грамматика не изучает, да это было бы и невозможно практически.

Итак, вот три главных раздела древнекитайской грамматики: изучение классов слов, изучение словосочетаний и предложений и изучение значений пустых слов.

Грамматическая роль разных служебных слов не одинакова. Одни из них служат для связи слов в предложении или для связи частей сложного предложения (например, предлоги и союзы). Если их удалить из предложения, оно может распасться, стать бессмысленным. Другие служебные слова (например, показатели залога или частицы) присоединяются к какому-нибудь одному слову или предложению в целом, но не меняют основной структуры предложения. Первым удобнее рассматривать вместе с соответствующими грамматическими конструкциями, т. е. в синтаксисе. Остальную часть грамматики, т. е. описание классов знаменательных слов (частой речи) и значений пустых слов, не входящих в синтаксис, можно было бы тогда не то же содержание, что в русском языке. Что же касается словообразования, которое обычно рассматривается как часть морфологии, то в древнекитайском языке его едва ли целесообразно включать в грамматику.

Мы уже знаем, что отношения между словами в предложении могут быть выражены в древнекитайском языке либо с помощью служебных слов, либо одним лишь порядком слов. В последнем случае отношения между двумя стоящими непосредственно одно за другим словами зависят главным образом от того, к каким частям речи принадлежат эти слова.

Части речи представляют собой классификацию знаменательных слов по их грамматическим признакам. Для китайского языка такими признаками является способность слова употребляться в составе тех или иных грамматических конструкций и сочетаться с другими знаменательными или служебными словами.

В древнекитайском языке существует три важнейших вида грамматических отношений, выражаемых с помощью порядка слов: первое слово может быть подлежащим, а второе — сказуемым к нему; первое слово может зависеть от второго и быть его определением; второе слово может зависеть от первого и быть его дополнением: 鳥飛 *няо³ фэй¹* 'птица летит'; 大國 *да⁴ го²* 'большое государство'; 伐木 *фа² му⁴* 'рубить дерево'.

По способности употребляться в составе этих основных конструкций все знаменательные слова делятся на два основных класса: ими (существительное) и предикатив. Имена употребляются главным образом как подлежащее и дополнение и могут иметь различные определения; могут также вместе со связкой быть сказуемым. Следует еще добавить, что имена часто сочетаются с предлогами и послелогом (например, 以劍 *и³ цзянь⁴* 'мечом', 木下 *му⁴ ся⁴* 'под деревом'). Предикативы чаще всего ставятся после имени и относятся к нему как сказуемое к подлежащему, не нуждаясь в наличии связки. Они могут стоять и перед именем, либо определяя его, либо управляя им как дополнением, сами же они редко получают определения. Некоторые предикативы, будучи сказуемым, как правило, имеют дополнение; функция определения для них не характерна. Другие свободно употребляются как сказуемое без дополнения и как определение, причем между их сказуемостью и определительной функцией существует тесная связь: от сочетания, в котором предикатив стоит после существительного как сказуемое, всегда можно образовать сочетание, где он стоит перед тем же существительным как определение, и наоборот, ср.: 鳥飛 *няо³ фэй¹* 'птица летит' и 飛鳥 *фэй¹ няо³* 'летающая птица'; (其)國大 *(ци²) го² да⁴* '(Его) государство большое' и 大國 *да⁴ го²* 'большое государство'.

По значению имена представляют собой названия предметов в широком смысле этого слова — людей, животных,

растений, вещей, веществ, явлений природы (父 *фу⁴* 'отец', 鳥 *няо³* 'птица', 木 *му⁴* 'дерево', 劍 *цзянь⁴* 'меч', 水 *шуй³* 'вода', 雷 *лэй²* 'гром' и т. п.), а также отвлеченных понятий (國 *го²* 'государство', 名 *мин²* 'имя', 法 *фа³* 'закон' и т. п.). Однако среди древнекитайских имен совершенно отсутствуют отвлеченные названия действий и качеств, вроде русских *учение, любовь, мудрость, высота*. Встречаются, правда, такие существительные, как 財 *чай²* 'богатство' или 食 *сы⁴* 'еда'. Но словом 財 *чай²* обозначается какое-то реальное имущество, а названием качества может служить только прилагательное (富 *фу⁴* 'богатый'). 食 *сы⁴* означает пищу, какие-то предметы, предназначенные для съедения; сам процесс еды всегда обозначается глаголом 食 *ши²* 'есть'.

Предикативы суть названия действий (имеющих объект или лишенных его), состояний, чувств, качеств, количеств (伐 *фа²* 'рубить', 飛 *фэй¹* 'летать', 危 *вэй¹* 'находиться в опасности', 怨 *юань⁴* 'быть недовольным', 大 *да⁴* 'большой', 三 *сань¹* 'три'). Иначе говоря, в эту категорию входят слова, которые принято считать глаголами и прилагательными, а также немногочисленная группа числительных.

Прилагательные обозначают качества, например: 大 *да⁴* 'большой', 重 *чжун⁴* 'тяжелый', 白 *бай²* 'белый', 賢 *сянь²* 'мудрый'. Относительных или притяжательных прилагательных в древнекитайском языке нет. Прилагательные чаще, чем глаголы, бывают определением к имени (многие глаголы вообще не могут быть определением); как правило, они не имеют дополнения (при наличии дополнения их грамматическое значение резко меняется). Наконец, они образуют ряд конструкций, связанных с выражением сравнения. Таким образом, прилагательные несомненно образуют особый, достаточно четко очерченный класс. Труднее указать общие признаки глаголов: глаголы распадаются на ряд меньших групп, имеющих неодинаковые синтаксические свойства. Может быть, предикативы в древнекитайском языке удобнее делить не на две, а сразу на три основные группы: переходные глаголы, непереходные глаголы и прилагательные. О глаголах в целом можно сказать только, что они гораздо чаще, чем прилагательные, имеют дополнение и гораздо реже служат определением к имени.

Итак, подлежащим и дополнением в древнекитайском языке бывали обычно имена, сказуемым — предикативы, однако среди этих последних дополнением управляли чаще всего глаголы; функция определения к имени была наиболее обычной для прилагательного. Но это только наиболее обычные, наиболее распространенные функции каждой части речи. Древнекитайский язык резко отличается от большинства других языков тем, что основная масса слов в нем может иметь и

другое, необычное употребление, каждая часть речи может выполнять функции почти любого члена предложения.

Когда слово употребляется в необычной для него функции, его временное грамматическое значение, обусловленное его синтаксической ролью, приходит в противоречие со значением этого слова как определенной части речи. Например, слово, которое само по себе, вне контекста, обозначает предмет, может по своему месту в предложении указывать лишь на признак другого предмета; слово со значением качества может получить предметное значение и т. п. Однако при этом не происходит ни образования нового слова, ни перехода слова из одной части речи в другую.

НЕОБЫЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Рассмотрим подробнее важнейшие необычные функции отдельных частей речи (по-прежнему имеются в виду синтаксические функции, выражаемые порядком слов, без помощи каких-либо служебных элементов). Существительное, как мы знаем, обычно употребляется как подлежащее и дополнение; но оно может быть также определением, а некоторые существительные — и бессвязочным сказуемым.

Существительное как определение к другому существительному чаще всего соответствует русскому относительному прилагательному, например: 海魚 хай³ юй² 'морская рыба', 竹林 чжу² линь² 'бамбуковая роща', 月光 юэ⁴ гуан¹ 'лунный свет', 王宮 ван² гу¹ 'царский дворец'.

Существительные, обозначающие людей (названия профессий, должностей, титулов, родственных отношений и т. п.), могут быть бессвязочным сказуемым, получая значение «выполнять обязанности такого-то» или «вести себя как подобает тому-то», например:

乃命魯公，俾侯于東 («Ши цзин», «Лу сун», 4) Най³ мин⁴ Лу³ гу¹, би⁴ хой² юй² дун¹ 'Тогда [царь] приказал Лускому герцогу быть князем на востоке';

蔡侯...淫而不父 («Цзо чжуань», 28-й год Сян-гуна) Цай⁴ хой²... инь² эр² бу⁴ фу⁴ 'Цайский князь... развратен и ведет себя [по отношению к своему сыну] не так, как должен вести себя отец'.

Существительное со значением орудия может быть употреблено как сказуемое с дополнением и означает тогда действие, совершаемое с помощью этого орудия, например:

鞭之見血 («Цзо чжуань», 8-й год Чжуань-гуна) Бянь¹ чжи¹ цзянь⁴ сюэ⁴ 'Он избил его кнутом до крови';

是罔民也 («Мэн-цзы», Ia, 7) Ши⁴ ван³ минь² е³ 'Это значит расставлять сети [своему] народу'.

Существительное как бессвязочное сказуемое может иметь и другие значения, но каждое из них наблюдается только у небольшого числа слов.

Будучи употреблено в функции определения или бессвязочного сказуемого, существительное само почти никогда не получает определений.

Хотя существительное, таким образом, может иметь синтаксические функции, свойственные обычно предикативу, но у него никогда не наблюдается той тесной связи между значениями его как определения и как сказуемого, которая, как было показано выше, характерна для предикатива; поэтому между этими двумя основными классами слов все же сохраняется достаточно ясная граница.

В свою очередь и предикативы могут иметь функции, обычно свойственные имени, т. е. быть подлежащим или дополнением, или же сочетаться с предлогом. В этом случае они могут иметь два различных значения.

Во-первых, они могут обозначать предмет по его признаку, подобно русским субстантивированным прилагательным или причастиям (слабое, раненый и т. п.):

小固不可以敵大 («Мэн-цзы», Ia, 7) Сяо³ гу⁴ бу⁴ кэ³ и³ ди² да⁴ 'Малое безусловно не может меряться силами с большим';

道不拾遺 («Ши цзи», 68) Дао⁴ бу⁴ ши² и² 'На дорогах не подбирали потерянного';

子以四教 («Лу^{нь} юй», VII, 25) Цзы³ и³ сы⁴ цзяо⁴ 'Конфуций учил четверем [вещам]'.

Во-вторых, предикативы, употребленные как подлежащее или дополнение, могут обозначать отвлеченное название действия или качества; тогда они переводятся на русский язык существительным, образованным от соответствующего глагола или прилагательного:

未知生，焉知死? («Лу^{нь} юй», XI, 12) Вэй⁴ чжи¹ шэн¹, янь¹ чжи¹ сы³? '[Ты] еще не знаешь жизни, откуда [тебе] знать о смерти?';

富，人之所欲也 («Цзо чжуань», 28-й год Сян-гуна) Фу⁴, жэнь² чжи¹ со³ юй⁴ е³ 'Богатство — это то, чего желают люди'.

Есть небольшая группа предикативов (прилагательных), обозначающих главным образом моральные и умственные качества человека, которые в этом последнем значении (отвлеченное название качества) употребляются по крайней мере так же часто, как в своих обычных функциях — сказуемого и определения. Таковы, например, 忠 чжун¹ 'преданный', 'преданность', 智 чжи⁴ 'мудрый', 'мудрость', 勇 юн³ 'мужественный', 'мужество'.

Два значения, которые могут иметь предикативы при необычном употреблении их (название предмета по его признаку и отвлеченное название действия или качества), фор-

мально никак не различаются. Выше был приведен пример, где слова 生 *шэнь*¹ 'жить' и 死 *сы*³ 'умереть' значили соответственно 'жизнь' и 'смерть'. Это — второе из упомянутых двух значений. Но в других сочетаниях те же самые слова могут иметь и первое значение, например: 養生喪死 («Мэн-цзы», Ia, 3) *ян*³ *шэнь*¹ *сан*¹ *сы*³ 'кормить живых и оплакивать мертвых'.

Предикативы, употребленные как подлежащее или дополнение, сохраняют при этом некоторые отличия от существительного. Например, они никогда не принимают перед собой прилагательного-определения (и вообще редко имеют определение).

Прилагательные, как и глаголы, свободно могут быть сказуемым, но при этом обычно не управляют дополнением. Если прилагательное получает дополнение, оно приобретает необычное грамматическое значение — «считать таким-то», «относиться как к такому-то», «(мне) то-то и то-то кажется таким-то»:

孔子賢之 («Мэн-цзы», IVб, 29) *Кун*³ *цзы*³ *сянь*² *чжи*¹ 'Конфуций считал его (легендарного императора Юя) мудрым';
彼長而我長之 («Мэн-цзы», VIa, 4) *Би*³ *чжан*³ *эр*² *во*³ *чжан*³ *чжи*¹ 'Так как он старший, я отношусь к нему, как надо относиться к старшим';

孔子登東山而小魯 («Мэн-цзы», VIIa, 24) *Кун*³ *цзы*³ *дэн*¹ *Дун*¹ *шань*¹ *эр*² *сяо*³ *Лу*³ 'Когда Конфуций поднялся на Восточную гору, государство Лу показалось ему маленьким'.

Для глагола, как и для существительного, необычной является функция определения к имени. Глагол как определение обозначает действие или состояние, присущее предмету, либо назначение предмета, например: 飛鳥 *фэй*¹ *няо*³ 'летающая птица', 鬥雞 *доу*⁴ *цзи*¹ 'дерущиеся петухи' (т. е. предназначенные для петушиных боев), 攻械 *гун*¹ *се*⁴ 'оружие для нападения [на крепость]'. Словосочетание, в котором переходный глагол определяет существительное, выглядит так же, как сочетание глагола с дополнением: 殺人 *ша*¹ *жэнь*² обычно имеет значение 'убить человека', но может значить и 'убитый человек', 賜邑 *сы*⁴ *и*⁴ — 'пожаловать город', но также и 'пожалованный город' и т. п.

Существительное, прилагательное и числительное могут быть определением к глаголу, и для них всех эта функция является необычной. Существительное при этом может иметь значение сравнения, иногда орудия или места действия, например: 蛇行 *шэ*² *син*² 'передвигаться как змея' (т. е. ползком), 楚歌 *Чу*³ *гэ*¹ 'петь по-чуски' (т. е. так, как поют в государстве Чу), 火食 *хо*³ *ши*² 'есть [пищу, приготовленную] на огне', 水戰 *шуй*³ *чжань*⁴ 'сразиться на воде'. Прилагательные и числительные перед глаголом переводятся наречиями: 高飛 *гао*¹ *фэй*¹ 'высоко летать', 飽食 *бао*³ *ши*² 'сытно есть', 三拜 *сань*¹ *бай*⁴ 'трижды поклониться'.

Наконец, все слова, которые могут быть сказуемым без связи, кроме переходных глаголов, могут иметь каузативное (побудительное) значение, например:

乃渡伍胥 («Ши цзи», 66) *Най*³ *ду*⁴ *У*³ *Сюй*¹ 'Тогда он переправил У Сюя через реку';

欲富國者, 務廣其地 («Чжань го цэ», «Цинь цэ», I, 6) *Юй*⁴ *фу*⁴ *го*² *чжэ*³, *у*⁴ *гуан*³ *ци*² *ди*⁴ 'Тот, кто хочет сделать государство богатым, старается расширить его территорию';

孰能一之? («Мэн-цзы», Ia, 6) *Шу*² *нэн*² *и*¹ *чжи*¹? 'Кто может объединить его (Китай)?';

魯欲將吳起 («Ши цзи», 65) *Лу*³ *юй*⁴ *цзян*⁴ *У*² *Ци*³ 'Государство Лу хотело сделать У Ци главнокомандующим'.

Глагол 渡 *ду*⁴ значит обычно 'переправляться через реку', но здесь (в первом примере) он обозначает не собственное действие субъекта, а воздействие на другое лицо (переправлять через реку кого-то другого). В этом и состоит каузативное значение. То же самое мы видим и в остальных примерах, где так употреблены прилагательные 富 *фу*⁴ 'богатый', 廣 *гуан*³ 'широкий' (второй пример), числительное — *и*¹ 'один' (третий пример) и существительное 將 *цзян*⁴ 'главнокомандующий' (четвертый пример). Слова, употребленные каузативно, всегда имеют дополнение.

Прилагательное, когда после него есть дополнение, может иметь два разных значения: одно — побудительное, свойственное и другим предикативам; другое, о котором говорилось выше («считать таким-то»), — специфическое для прилагательного и невозможное у других частей речи. Эти значения никак формально не различаются, т. е., например, такое сочетание, как 小之 *сяо*³ *чжи*¹, одинаково может значить и 'считать его маленьким', и 'сделать его маленьким'.

Мы уже знаем, что каузативное значение в древнекитайском языке часто бывает выражено не просто особым употреблением слова, но и изменением его формы, сравним:

入 *нйр* 'войти': 納 *пир* 'впустить', 'дать возможность войти'.

Значения «войти» и «впустить» относятся друг к другу так же, как значения «переправляться» и «переправлять», но первые представлены двумя разными словами, а вторые — одним словом 渡 *ду*⁴. Можно предположить, что первоначально для выражения побудительного значения всегда образовывалось новое слово, но позднее словообразование с помощью чередования звуков, префиксов и суффиксов перестало быть продуктивным, и вместо двух разных слов начали пользоваться одним и тем же для выражения двух разных значений.

Употребление слова в необычной функции — не исключение, а вполне регулярное явление. Оно осуществляется так же свободно, как в русском языке, например, любое прилагательное может быть субстантивировано, т. е. употреблено в функ-

циях, свойственных обычно существительному. Значение слова в необычной функции по определенным правилам выводится из его основного значения, и, зная это последнее, мы в большинстве случаев легко можем понять слово в любом его употреблении. Если известно, например, что 美 *мэй*³ есть прилагательное 'красивый', то встретив фразу, в составе которой это слово имеет дополнение, мы по общему правилу переводим его как 'считать красивым' или (в зависимости от контекста) 'сделать красивым', или там, где 美 *мэй*³ само является дополнением, переводим его как 'красота' или ('нечто) красивое', хотя все эти значения вовсе не обязательно указаны в словаре.

Необычное употребление слова, как правило, не приводит к образованию нового слова. 死 *сы*³ в значениях 'умереть', 'мертвый', 'смерть' — это не три разных слова, а одно и то же слово в разных функциях. О разных словах можно говорить только в том случае, если изменению функции сопутствует изменение звучания слова (как у 入 *жу*⁴ 'входить' и 納 *на*⁴ 'впускать') или если сильно меняется лексическое значение: например, 書 *шу*¹ 'писать' и 書 *шу*¹ 'книга' должны рассматриваться как два разных слова (значение «книга» не выводится целиком из «писать» по общим правилам). Необычное употребление не означает также перехода слова из одной части речи в другую, так как принадлежность к определенной части речи есть постоянное свойство слова, не зависящее от его конкретного употребления.

Из всего этого следует, что в древнекитайском языке одно слово является, скажем, существительным, а другое — глаголом не потому, что первое всегда обозначает предмет, а второе — действие, а потому, что для первого значение предмета — основное, а значение действия встречается реже и является производным по отношению к предметному значению, а для второго — наоборот. По одному какому-нибудь примеру нельзя еще судить, какой частью речи является то или иное слово; надо знать все возможные (или по крайней мере самые распространенные) его функции.

ПЕРЕХОДНЫЕ И НЕПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ

В древнекитайском языке каждый глагол может иметь дополнение. Больше того, дополнение может иметь и прилагательное, а иногда и другие части речи, хотя они меняют при этом свое грамматическое значение. Поэтому здесь нельзя делить глаголы на переходные и непереходные просто по наличию или отсутствию дополнения. Различие между переходными и непереходными глаголами в древнекитайском языке

состоит в том, что первые обычно имеют дополнение, подчиненное глаголу непосредственно, без помощи предлога, а при отсутствии такого дополнения меняют свое значение; вторые же могут в одном и том же значении употребляться и с дополнением, и — чаще — без него.

Когда переходный глагол непосредственно (без предлога) управляет дополнением, он имеет свое основное, активное значение, а дополнение обозначает объект действия. Если же дополнение убрать или вставить перед ним предлог 於 *юй*¹, значение глагола меняется на пассивное; дополнение с 於 *юй*¹ при пассивном значении глагола обозначает не объект, а действующее лицо. Сравним: 殺人 *ша*¹ *жэнь*² 'убил человека' и 殺於人 *ша*¹ *юй*¹ *жэнь*² 'был убит человеком'. Глагол в пассивном значении обозначает действие, которому подвергается лицо, обозначенное подлежащим.

Переходный глагол может употребляться без дополнения со значением объекта только в некоторых особых условиях. Во-первых, это уже упоминавшаяся выше конструкция, где после переходного глагола стоит дополнение с предлогом 於 *юй*¹, например:

勞力者治於人...治人者食於人 («Мэн-цзы», IIIa, 4) *Лао*² *ли*⁴ *чжэ*³ *чи*² *юй*¹ *жэнь*²... *Чи*² *жэнь*² *чжэ*³ *сы*⁴ *юй*¹ *жэнь*² 'Те, кто трудится физическим трудом, управляются [другими] людьми... Те, кто управляет [другими] людьми, кормятся от [других] людей'.

Далее, переходный глагол может не иметь дополнения, если перед ним стоит служебное слово 已 *и*³, выражающее перфект, например:

周章軍已破矣 («Ши цзи», 48) *Чжоу*¹ *Чжан*¹ *цзюнь*¹ *и*³ *по*² *и*³ 'Армия Чжоу Чжана разбита'.

Очень часто мы находим переходный глагол без дополнения в различного рода сложных предложениях, а также в следующих подряд нескольких фразах с параллельной грамматической структурой.

玉不琢, 不成器 («Ли цзи», XVIII, 2) *Юй*⁴ *бу*⁴ *чжо*² *бу*⁴ *чэн*² *ци*⁴ 'Если яшму не отшлифовать, [из нее] нельзя сделать вещь';

直木先伐, 甘井先竭 («Чжуан-цзы», XX, 4) *Чжи*² *му*⁴ *сянь*¹ *фа*²; *гань*¹ *цзин*³ *сянь*¹ *цзе*² 'Прямое дерево первым срубают, сладкий колодезь (т. е. со свежей, не тухлой водой. — С. Я.) первым вычерпают до дна'.

Есть, кажется, и другие случаи, когда возможно отсутствие дополнения; но, так или иначе, употребить переходный глагол без дополнения можно далеко не всегда. Возможно, что некоторым глаголам этой группы вообще не свойственно такое употребление.

Переходные глаголы обозначают действия, которые как-то

изменяют состояние объекта, например: 伐 *фа*² 'срубить', 破 *по*⁴ 'разбить', 成 *чэн*² 'построить', 閉 *би*⁴ 'закрывать', 得 *дэ*² 'получить'.

Непереходные глаголы, строго говоря, тоже имеют два значения — основное и каузативное. При каузативном употреблении они всегда имеют дополнение. В основном же своем значении они могут употребляться без дополнения в любых условиях, без каких-либо ограничений; могут иметь и дополнение, причем дополнение без предлога и дополнение с предлогом 於 *юй*¹ обычно имеет при них одинаковое значение. Сравним: 入 *жу*⁴ 'вошел', 入室 *жу*⁴ *ши*⁴ 'вошел в комнату', 入於室 *жу*⁴ *юй*¹ *ши*⁴ 'вошел в комнату'.

По значению непереходные глаголы образуют две основные группы. Во-первых, это — глаголы, обозначающие движение или пребывание на месте: 行 *син*² 'идти', 飛 *фэй*¹ 'летать', 入 *жу*⁴ 'войти', 反 *фань*³ 'вернуться', 坐 *цзо*⁴ 'сидеть', 在 *цзай*⁴ 'находиться', 'иметься налицо' и т. п. Дополнение при них имеет значение места. Другая группа — глаголы, обозначающие чувства или их внешнее проявление: 畏 *вэй*⁴ 'бояться', 恥 *чи*³ 'стыдиться', 樂 *лэ*⁴ 'радоваться', 哂 *шэнь*³ 'усмехаться', 哭 *ку*¹ 'плакать' и т. п. Дополнение с 於 *юй*¹ они принимают редко; дополнение с предлогом при них может иметь то же значение, что и дополнение без предлога, но иногда (например, при глаголе 哭 *ку*¹ 'плакать') обозначают и место действия.

Некоторые слова занимают промежуточное положение между переходными и непереходными глаголами, так же как существуют слова, занимающие промежуточное положение между глаголами и прилагательными; но и тех и других сравнительно немного.

Независимо от основного деления глаголов на переходные и непереходные, в древнекитайском языке выделяются еще некоторые небольшие группы глаголов, дополнению при которых имеет те или иные особенности.

Так, существует группа глаголов, которые могут иметь в качестве дополнения целое предложение. Это — глаголы со значением чувства, о которых уже говорилось выше, и глаголы, обозначающие умственную деятельность или чувственное восприятие, как 知 *чжи*¹ 'знать', 忘 *ван*⁴ 'забыть', 見 *цзянь*⁴ 'увидеть', 聞 *вэнь*² 'услышать' и т. п. Эти последние скорее являются переходными, так как почти никогда не встречаются без дополнения. Однако по значению в них нет ничего активного, обозначаемые ими действия не могут как-то повлиять на состояние объекта.

Как и во всех предложениях, выполняющих функции какого-нибудь члена предложения, в предложении-дополнении подлежащее обычно имеет после себя служебное слово 之

*жи*¹; если подлежащим предложения-дополнения является местоимение 3-го лица, оно имеет форму 其 *ци*². Например:

吾見師之出而不見其入也 («Цзо чжуань», 32-й год Си-гуна) *У*² *цзянь*⁴ *ши*¹ *чжи*¹ *чу*¹ *эр*² *бу*⁴ *цзянь*⁴ *ци*² *жу*⁴ *е*³ 'Я видел, как армия вышла [из ворот города], но не увижу, как она войдет'.

Предложение-дополнение при глаголах со значением чувства (или выражения чувств) имеет несколько иное значение, чем при остальных глаголах рассматриваемой группы: подлежащее этого предложения обозначает лицо, на которое направлено чувство, а остальная часть предложения — причину, вызвавшую чувство. Например:

天下固畏齊之彊也 («Мэн-цзы», 1б, 11) *Тянь*¹ *ся*⁴ *гу*⁴ *вэй*⁴ *Ци*² *чжи*¹ *цян*² *е*³ 'Весь мир и так уже боится государства Ци из-за того, что оно [слишком] сильное';

寡君...敢拜鄭君之不貳也 («Цзо чжуань», 26-й год Сян-гуна) *Гу*³ *цзюнь*¹ ... *гань*³ *бай*⁴ *Чжэн*⁴ *цзюнь*¹ *чжи*¹ *бу*⁴ *эр*⁴ *е*³ 'Наш государь... осмеливается благодарить Чжэнского государя за то, что тот не нарушил договора'.

Поскольку существительное, стоящее после глаголов 畏 *вэй*⁴ 'бояться' и 拜 *бай*⁴ 'благодарить' (досл. 'кланяться'), имеет после себя служебное слово 之 *чжи*¹, оно формально несомненно является подлежащим предложения-дополнения. Если мы захотим отразить китайскую конструкцию в русском переводе, мы должны будем перевести: '... боится того, что государство Ци [слишком] сильно'; '... осмеливается выразить свою благодарность в связи с тем, что Чжэнский государь...'

Очень похожую конструкцию образуют глаголы, управляющие названием предмета и названием действия, которые, однако, не относятся одно к другому как подлежащее и сказуемое (勸 *цюань*⁴ 'посоветовать', 命 *мин*⁴ 'приказать', 許 *сюй*³ 'разрешить' и т. п.). Порядок слов при этом такой же, как и при глаголах предыдущей группы: после главного глагола стоит сначала название предмета, затем название действия, так же как в предложении-дополнении сначала ставится подлежащее, а потом сказуемое. Но если два слова, подчиненных глаголу, не составляют предложения, между ними никогда не ставится служебное слово 之 *чжи*¹. Кроме того, местоимение 3-го лица, когда оно является не подлежащим предложения-дополнения, а дополнением главного глагола, имеет форму 之 *чжи*¹, а не 其 *ци*² (местоимение 之 *чжи*¹ 'его' не следует смешивать со служебным словом 之 *чжи*¹, о котором говорилось выше, хотя они и пишутся одним и тем же иероглифом):

故勸之城其賜邑 («Цзо чжуань», 5-й год Си-гуна) *Гу*⁴ *цюань*⁴ *чжи*¹ *чэн*² *ци*¹ *сы*⁴ *и*⁴ 'Поэтому он посоветовал ему укрепить пожалованный ему город'.

По смыслу эта конструкция явно отличается от предыдущей; главный глагол (勸 цюань⁴ 'советовать' и т. п.) в ней обозначает побуждение.

Особую группу образуют глаголы давания. Они управляют двумя дополнениями, из которых одно является названием лица, другое — предмета. Оформлены они могут быть двояким образом: либо название лица остается без предлога и тогда название предмета вводится предлогом 以 *и*³, либо название предмета не имеет предлога и тогда название лица получает перед собой предлог 於 юй¹ (于 юй²), например:

堯以天下與舜 («Мэн-цзы», Va, 5) Яо² и³ тьянь¹ ся⁴ юй³ Шунь⁴ 'Яо отдал [власть над] миром Шуню';

獻車於季武子 («Цзо чжуань», 28-й год Сян-гуна) Сянь⁴ цзюй¹ юй¹ Цзи⁴ У³ цзы³ 'Он подарил Цзи У-цзы колесницу'.

Кроме глаголов со значением «дать», «подарить» и т. п. к глаголам давания относятся слова 示 ши⁴ 'показать', 告 гао⁴ 'сказать', 'сообщить' и некоторые другие. Дополнения к этим глаголам тоже могут оформляться двояким образом; сравним:

或以告王良 («Мэн-цзы», IIIб, 1) Хо⁴ и³ гао⁴ Ван² Лян² 'Кто-то сказал об [этом] Ван Ляну';

是以告情于子也 («Гунъян чжуань», 15-й год Сюань-гуна) Ши⁴ и³ гао⁴ цин² юй² цзы³ е³ 'Поэтому я сказал вам правду'.

Дополнение с 以 *и*³ может стоять либо перед глаголом, либо после беспредложного дополнения, дополнение с 於 юй¹ — только после беспредложного дополнения. Конструкция с 於 юй¹ вообще встречается значительно реже, чем конструкция с 以 *и*³.

Если оба дополнения стоят одно за другим после глагола, предлог при втором из них часто опускается (особенно после местоимения), и тогда глагол имеет два беспредложных дополнения:

陽貨... 歸孔子豚 («Лунь юй», XVII, 1) Ян² Хо⁴... гуй¹ Кун³ цзы³ тунь² 'Ян Хо... подарил Конфуцию поросенка'.

Обычно в таких случаях сначала идет название лица, а потом название предмета, хотя бывает и наоборот.

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Особое место среди предикативов занимают модальные глаголы. Их особенность состоит в том, что они требуют после себя другого глагола. Этот второй глагол сохраняет почти все обычные глагольные свойства, в частности способность иметь дополнение, например:

王欲伐宋 («Цзо чжуань», 13-й год Ай-гуна) Ван² юй⁴ фа² Сун⁴ 'Царь хотел напасть на государство Сун'.

Глагол, стоящий после модального глагола, по некоторым признакам может рассматриваться как дополнение последнего. Он может заменяться местоимением (вопросительным или личным), например:

子曰: «婦人何能?» 永曰: «能織» («Соу шэнь цзи», 1) Чжу³ юэ¹: «Фу⁴ жэнь² гэ² нэн²?» Юн³ юэ¹: «Нэн² чжи¹» 'Хозяин сказал: «Что умеет [эта] женщина?» [Дун] Юн сказал: «Она умеет ткать»'.

Однако есть конструкции, в которых модальный глагол и глагол, следующий за ним, выступают как единое целое, как бы один сложный глагол. Например, некоторые местоимения, будучи дополнением, ставятся не после глагола, а перед ним; при этом, если перед глаголом стоит модальный глагол, местоимение ставится перед обоими глаголами, а не между ними:

吾誰敢怨? («Цзо чжуань», 27-й год Чжао-гуна) У² шуй² гань³ юань⁴? 'На кого я осмелюсь роптать?'

Наиболее употребительными модальными глаголами являются 能 нэн² 'мочь', 'уметь', 欲 юй⁴ 'хотеть', 敢 гань³ 'смечь'. Некоторые модальные глаголы употребляются и как обычные; например, 欲 юй⁴ может управлять предложением-дополнением (и значит тогда 'хотел бы, чтобы...').

Очень близко к модальным глаголам стоит группа слов, которые можно назвать модальными прилагательными: 可 кэ³ 'можно', 足 цзу² 'достаточно', 'стоит того, чтобы...'; 易 и⁴ 'легко', 難 нань² 'трудно'. Все они могут употребляться как сказуемое без дополнения, подобно обычным прилагательным. Однако в большинстве случаев за ними, как и за модальными глаголами, следует глагол. Отличие их от модальных глаголов состоит в их пассивном значении: подлежащее при них указывает не субъект, а объект действия, обозначенного следующим за ними словом. Например:

王可弑也 («Цзо чжуань», 27-й год Чжао-гуна) Ван² кэ³ ши⁴ е³ 'Царя можно убить';

此甚易解 («Ши шо синь юй», XXV) Цы³ шэнь⁴ и⁴ цзе³ 'Это очень легко объяснить';

子之道...奚足論哉? («Чжуань-цзы», XXIX, 1) Цзы³ чжи¹ дао⁴... си² цзу² лунь⁴ цзай¹? 'Разве ваши принципы... стоят того, чтобы о них рассуждать?'

Между модальным прилагательным и следующим глаголом может быть вставлен предлог (чаще всего 以 *и*³ — показатель орудия или 與 юй³ — показатель совместности); тогда подлежащее обозначает уже не прямой, а косвенный объект действия, например:

他山之石, 可以攻玉 («Ши цзинь», «Сяо я», III, 10) То⁴ шань¹ чжи¹ ши², кэ³ и³ гун¹ юй⁴ 'Камнями с других гор можно обтачивать яшму';

三國之力...足以拔鄭 («Чжань го цэ», «Чжао цэ», I, 6) Сань¹ го² чжи¹ ли⁴... цзу² и³ ба² Чжэн¹ 'Сил [наших] трех государств... достаточно, чтобы ими захватить государство Чжэн';

互鄉難與言 («Лунь юй», VII, 29) Ху⁴ сяи¹ нань² юй³ янь² С [людьми из] Хусяна трудно разговаривать'.

Глагол, стоящий после модального прилагательного, не имеет дополнения, так как объект в этом случае уже обозначен подлежащим. Если же после модального прилагательного вставлен предлог, глагол сохраняет свои обычные свойства.

Сочетание 可以 кэ³ и³ еще в классическом языке часто употребляется как единый модальный глагол 'мочь', по значению близкий к 能 нэн² (в отличие от 能 нэн², он обозначает возможность, зависящую от объективных условий, а не от способностей или силы действующего лица).

Модальные прилагательные могут стоять только перед такими словами, которые могут иметь дополнение без предлога. Если они стоят перед обычным прилагательным, последнее получает то значение, которое оно имеет, когда после него стоит дополнение («считать таким-то» или «делать таким-то»).

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Числительные в древнекитайском языке являются предикативами, т. е. обычно бывают в предложении сказуемым или определением к имени. Если именно количество чего-то является тем новым, о чем сообщается в предложении, числительное всегда делается сказуемым. Говоря о размерах войска какого-нибудь древнего князя, мы скажем: «У него [было] 3000 колесниц». В древнекитайском языке эта фраза должна была быть построена иначе: 其車三千 («Ши цзин», «Сяо я», III, 4) Ци² цзюй¹ сань¹ цянью¹, досл. 'Его колесниц [было] 3000'. Сравним еще: 城之不拔者二耳 («Ши цзи», 82) Чэн² чжи¹ бу⁴ ба² чжэ³ эр⁴ эр³ 'Не были захвачены только два города' (досл. 'Городов, которые не были бы захвачены, было только два').

Будучи определением, числительное, подобно прилагательному, просто ставится перед существительным; сочетание 三人 сань¹ жэнь² 'три человека' построено так же, как 老人 лао³ жэнь² 'старый человек'.

Как и все предикативы, числительные могли употребляться и в других синтаксических функциях; примеры уже приводились выше.

Простых (т. е. состоящих только из одного слова) числи-

тельных в древнекитайском языке было немного: девять первых чисел, затем названия разрядов — 十 ши² 'десять', 百 бай³ 'сто', 千 цянью¹ 'тысяча' и 萬 вань⁴ 'десять тысяч', кроме того — слова 兩 лян³ 'оба', 再 цзай⁴ 'дважды', 半 бань⁴ 'половина' и 倍 бэй⁴ 'вдвое больше', наконец 數 шу⁴ 'несколько'. Были и еще некоторые числительные, мало употребительные. Слово 再 цзай⁴, в сущности, было лишь вариантом слова 二 эр⁴ 'два': оно употреблялось вместо 二 эр⁴ в функции определения к глаголу.

Все остальные числа обозначались сочетаниями простых числительных. Сочетания эти строились примерно так же, как в русском языке (или в современном китайском). Число единиц разряда ставилось перед названием разряда: 三千 сань¹ цянью¹ 'три тысячи', 四萬 сы⁴ ванью⁴ 'сорок тысяч' (досл. 'четыре десятка тысяч'). Меньшие разряды следовали за большими; перед единицами (а иногда и между всеми разрядами) часто вставлялось слово 有 ю⁴ (этимологически — то же, что 又 ю⁴ 'кроме того'): 百六十有七 бай³ лю⁴ ши² ю⁴ ци¹ 'сто шестьдесят семь'.

Если за большим числом следовало меньшее — сочетание обозначало дробь; между двумя числительными могло быть вставлено (но не обязательно) служебное слово 之 чжи¹: 九 — цзю³ и¹ или 九之一 цзю³ чжи¹ и¹ — 'одна девятая'.

Количественные и порядковые числительные никак не различались.

Числа 4, 5, 100, 10 000 считались «круглыми», и соответствующие числительные могли употребляться в значении «все»: 五色 у³ сэ² 'пять цветов' ('все цвета'), 百工 бай³ гун¹ 'сто ремесел' ('все ремесла').

Числительные часто сочетались в предложении с названиями мер (尺 чи³ 'фут', 斤 цзинь¹ 'фунт' и т. п.). Эти последние по своим грамматическим свойствам близки к названиям разрядов: сочетание 三尺 сань¹ чи³ 'три фута' построено точно так же, как 三千 сань¹ цянью¹ 'три тысячи'.

Сочетание числительного и названия меры чаще всего ставилось перед существительным как определение, оформленное служебным словом 之 чжи¹, и служило для указания на размеры предмета, например: 六尺之杖 лю⁴ чи³ чжи¹ чжан⁴ 'посох длиной в шесть футов', 百畝之田 бай³ мочу³ чжи¹ тянь² 'поле размером в 100 му'. В этой конструкции вместо названия меры может быть и обыкновенное существительное, обозначающее составную часть предмета или его обязательную принадлежность: 九層之臺 цзю³ цэн² чжи¹ тай² 'башня в девять этажей'; 萬乘之國 вань⁴ шэн⁴ чжи¹ го² 'государство [с армией] из 10 000 боевых колесниц'.

Далее, сочетание числительного и названия меры могло стоять и после существительного, если речь идет не о раз-

мерах предмета, а о количестве чего-то, что не может считаться поштучно, например: 栗五乘 *су⁴ у³ бин³* 'пять бинов проса'.

Такая конструкция возможна и при обычном счете людей или предметов. Вместо названия меры ставится тогда слово, рассматриваемое как единица счета, например: 子七人 *цзы³ ци¹ жэнь²* 'семеро сыновей' (досл. 'семь человек сыновей'); 馬十乘 *ма³ ши² шэн⁴* 'десять запряжек лошадей' (в одной запряжке было четыре лошади).

В классический период употребление этой конструкции при поштучном счете встречалось редко, но в позднем древнекитайском оно широко распространилось; в качестве единиц счета брались какие-нибудь заметные части считаемых предметов: 頭 *тоу²* 'голова' — для животных (подобно тому как по-русски говорят *столько-то голов скота*), 領 *лин³* 'воротник' — для одежды, 株 *чжу¹* 'пень' — для деревьев, и т. п.

Количество могло быть выражено и без числительного, при помощи существительного со значением вместилища, употребленного как определение к другому существительному, обозначающему нечто не поддающееся поштучному счету, например: 輿薪 *юй² син¹* 'воз хворосту'; 箆食壺漿 *дань¹ сы⁴ ху² цзан¹* 'корзина еды и кувшин кислого напитка'. Перед такими сочетаниями может стоять числительное, как перед обыкновенным существительным (箆食 *и¹ дань¹ сы⁴* 'одна корзина еды').

Конструкция, в которых числительное (одно или с названием меры) является определением к существительному, рано начали смешиваться между собой. В позднем древнекитайском при штучном счете предметов возможны были три конструкции: 三牛 *сань¹ ню²*, 牛三頭 *ню² сань¹ тоу²*, 三頭牛 *сань¹ тоу² ню²* — 'три быка' (единица счета для быков — 頭 *тоу²* 'голова'). Для обозначения количества «исчисляемых» предметов в позднем древнекитайском употреблялись две конструкции (независимо от того, какими мерами выражается количество — настоящими, как фунт или фут, или такими, как корзина и кувшин): 米三斗 *ми³ сань¹ доу³*, 三斗米 *сань¹ доу³ ми³* 'три меры риса'.

Сочетание числительного и названия меры могло стоять в конце предложения, после прилагательного или после глагола (с дополнением или без него). Числительное с мерой после прилагательного указывает размер: 廣七尺 *гуан³ ци¹ чи³* 'имеет 7 футов в ширину'; 重千石 *чжун¹ цян¹ ши²* 'весит 1000 ши'.

Если такое сочетание стоит после прилагательного *фан¹* 'квадратный', это означает, что речь идет о размере по двум направлениям (в длину и в ширину), например:

宋之地方五百里 («Мо-цзы», 50) *Сун⁴ чжи¹ ди⁴ фан¹ у³ бай³ ли³* 'Земли государства Сун имеют 500 ли в длину и в ширину' (не '500 квадратных ли', как иногда неверно переводят!).

После глагола сочетание числительного с названием меры обычно обозначает расстояние, например:

復行數十步 (Тао Цянь, «Тао хуа юань цзи») *Фу⁴ син² шу⁴ ши² бу⁴* 'Он прошел еще несколько десятков шагов'.

Таким же образом строится предложение, где говорится о давности или длительности события:

單于...留騫十餘歲 («Ши цзи», 123) *Чань² юй²...лю² Цян¹ ши² юй² суй⁴* 'Шаньюй...держал у себя [Чжан] Цяня более десяти лет', или: 'Прошло более десяти лет с тех пор, как шаньюй оставил у себя [Чжан] Цяня'.

Сочетание числительного с названием меры или вместилища могло и само быть сказуемым:

其書五車 («Чжуан-цзы», XXXIII, 6) *Ци² шу¹ у³ цзюй¹* 'Его книг было пять возов' (т. е. он написал столько книг, что понадобилось бы пять возов, чтобы увезти их);

成而實五石 («Чжуан-цзы», I, 5) *Чэн² эр² ши² у³ ши²* 'Когда она (тыква) выросла, ее плоды имели объем в пять ши'.

Такое сказуемое обозначало либо количество, либо размер предмета.

ПОСЛЕЛОГИ

Слова, которые в китаеведении принято обозначать термином «последлоги», в древнекитайском языке имели очень мало общего с настоящими последлогами, например, алтайских языков; во всяком случае они вовсе не обязательно стояли после существительного или какого-нибудь другого слова. Только в современном языке они, утратив большую часть функций, которые они имели в древности, действительно превратились в последлоги. Слова примерно с теми же свойствами, которыми обладали так называемые последлоги древнекитайского языка, есть и в ряде других языков, но для них нет установившегося названия в общем языкознании, поэтому приходится сохранить для них традиционное наименование.

Последлоги служат для указания местоположения или направления, иногда — последовательности во времени. Их имеется всего около пятнадцати, например: 上 *шан⁴* 'наверху', 內 *нэй⁴* 'внутри', 後 *хой⁴* 'позади', 'после', 右 *ю⁴* 'направо', 東 *дун¹* 'на востоке'.

Последлоги часто сочетаются с существительными, причем могут стоять как перед ними, так и после них. Последлог перед существительным является определением к нему: 右手

ю⁴ шю³ 'правая рука', 東門 дун¹ мэнь² 'восточные ворота', 中國 чжун¹ го² 'центральное государство'. Если же послелог стоит после существительного — тогда, наоборот, существительное зависит от послелога: 門東 мэнь² дун¹ 'к востоку от ворот', 城上 чэн² шан⁴ 'на городской стене', 釜中 фу³ чжун¹ 'в котле'. В этом случае китайский послелог действительно выполняет функции, свойственные настоящим послелогам, например, алтайских языков.

Однако некоторые послелоги иногда даже и в позиции перед существительным подчиняют себе существительное, а не определяют его, например:

中谷有蕓 («Ши цзин», «Го фэн», VI, 5) Чжун¹ гу³ ю³ туй¹ 'Посреди долины [растет] пустырник';

衛侯先期入 («Цзо чжуань», 28-й год Си-гуна) Вэй⁴ хоу² сянь¹ цзи² жу⁴. 'Вэйский князь въехал [в столицу] раньше назначенного срока'.

Послелог, отдельно или с предшествующим существительным, в предложении обычно сочетается с предлогами 於 юй¹ или 自 цзи⁴, выражающими пространственные отношения, например:

王立於沼上 («Мэн-цзы», Ia, 2) Ван² ли⁴ юй¹ чжао³ шан⁴ 'Царь стоял на берегу пруда';

豹自後擊而殺之 («Цзо чжуань», 23-й год Сян-гуна) Бао⁴ цзи⁴ хоу⁴ цзи¹ эр² ша¹ чжи¹ [Фэй] Бао ударил его сзади и убил'.

Однако с конца III в. до н. э. предлог 於 юй¹ перед существительным с послелогом очень часто опускается, сочетание существительного с послелогом получает способность само, без помощи предлога, выражать пространственные отношения:

民... 迎君道中 («Чжань го цэ», «Ци цэ», IV, 1) Минь²... ин² цзюнь¹ дао⁴ чжун¹ 'Народ... встретил государя на середине пути'.

Сочетание существительного с послелогом могло употребляться как определение к другому существительному, присоединяясь к нему с помощью служебного слова 之 чжи¹, например: 城上之人 чэн² шан⁴ чжи¹ жэнь² 'люди, находившиеся на городской стене'; 漢東之國 Хань⁴ дун¹ чжи¹ го² 'государства, расположенные к востоку от реки Хань'.

Послелог без существительного часто употреблялся как определение к глаголу, указывая направление действия, например: 東飛 дун¹ фэй¹ 'лететь на восток', 下浮 ся⁴ фюу² 'плыть вниз по течению'.

Наконец, он мог сам быть сказуемым без связки. При этом иногда из контекста видно, что после него опущен глагол, например:

孔子先反, 門人後 («Ли цзи», III, 6) Кун³ цзи³ сянь¹ фань³, мэнь² жэнь² хоу⁴ 'Конфуций вернулся раньше, ученики его — позже'.

Но в других случаях, по-видимому, послелог действительно сам является сказуемым, обозначая движение в определенном направлении, например:

項王乃復引兵而東 («Ши цзи», 7) Сян⁴ ван² най³ фу⁴ инь³ бин¹ эр² дун¹ 'Тогда царь Сян опять во главе своей армии двинулся на Восток'.

Сказуемая функция послелога не связана с его определенной функцией отношениями «взаимной обратимости», которые существуют между этими функциями у предикативов.

НАРЕЧИЯ

В отличие от всех групп слов, рассмотренных до сих пор, наречия могут занимать в предложении только одно место: они ставятся между подлежащим и сказуемым (точнее, между группой подлежащего и группой сказуемого). Наречие не является определением к глаголу, потому что многие наречия могут стоять не только перед глаголом, но и перед связочным сказуемым. Оно связано с группой сказуемого в целом. К наречиям относятся такие слова, как 亦 и⁴ 'также', 又 ю⁴ 'кроме того', 果 го³ 'и в самом деле', 固 гу⁴ 'конечно'.

Наречиями были также отрицания — 不 бу⁴ 'не', 未 вэй⁴ 'еще не', 無 у² 'не...!'. Мы рассмотрим их подробнее несколько позже, когда будем говорить о классификации предложений.

В древнекитайском языке первоначально не было наречий степени. Слова, служившие для указания на высокую степень качества или чувства, были еще обычными прилагательными (иногда глаголами), употребленными как определение к другим прилагательным или глаголам. Например, слово 甚 шэнь⁴, которому обычно приписывается значение 'очень', вполне могло употребляться как сказуемое и даже входить в состав конструкции, выражающей сравнение:

所欲有甚於生者 («Мэн-цзы», VIa, 10) Со³ юй⁴ ю³ шэнь⁴ юй¹ шэнь¹ чжэ³ 'Есть вещи, которые нам дороже, чем жизнь' (досл. 'То, чего желают, бывает более «очень», чем жизнь').

Наречия степени оформились как особая группа слов с собственными грамматическими признаками не раньше эпохи Хань.

Слова со значением времени, такие, как 今 цзинь¹ 'теперь', 昔 си² 'прежде', 夏 ся⁴ 'летом', 夜 е⁴ 'ночью' и т. п., тоже нельзя считать наречиями. Эти слова ставились обычно не перед сказуемым, а в начале предложения; к тому же они могли употребляться и в других функциях (например,

以古非今 $и^3 гу^3 фэй^1 цзинь^1$ 'ссылаясь на древнее, осуждать современное'). Скорее всего они образуют особую группу существительных.

Вообще число наречий в древнекитайском языке было сравнительно невелико.

ПОКАЗАТЕЛИ ВРЕМЕНИ

Показатели времени занимают то же место в предложении, что и наречия, причем сочетаются не только с глаголами, но и с прилагательными, а иногда и с числительными. Они не отделены четкой границей ни от наречий, ни от модальных глаголов.

Древнекитайские показатели времени указывают относительное время, т. е. обозначают время не обязательно по отношению к моменту речи. Только в диалоге исходной точкой обычно является момент речи. Если в предложении есть название какого-то конкретного, объективного времени (дата, время дня и т. п.), показатель времени обозначает время по отношению к этому конкретному моменту или периоду времени. Наконец, при связном, последовательном описании событий, совершившихся в прошлом, эти события описываются так, как будто бы говорящий непосредственно наблюдает их (в русском языке тоже иногда прибегают к такому описанию прошлых событий, но тут оно несет определенную стилистическую нагрузку, в то время как в древнекитайском языке оно является единственно возможным); следовательно, в этом случае употребление показателей времени ориентируется на момент или период, когда происходят описываемые события.

В древнекитайском языке существуют показатели трех времен — прошедшего предшествующего, давнопрошедшего и ближайшего будущего. Учитывая то, что было сказано выше об общем характере обозначения времени в этом языке, может быть, правильнее утверждать, что эти показатели выражают не время, а, скажем, «предшествование», «воспоминание» и «ожидание»; значение прошедшего и будущего будет тогда лишь частным случаем этих более общих и неопределенных категорий.

Показателем прошедшего предшествующего времени в доклассическом древнекитайском и в первых памятниках классического периода является слово 既 $цзи^4$, потом — 已 $и^3$ (既 $цзи^4$ сохраняется только в придаточных предложениях). Служебное слово 已 $и^3$ происходит от знаменательного глагола 'кончить', 'перестать'.

Прошедшее предшествующее время означает, что действие совершилось до момента, по отношению к которому ведется

отсчет времени, или до другого действия. В первом случае это время имеет значение перфекта: говорящего интересует не прошлое, а настоящее, и указание на совершившееся ранее действие служит лишь средством описать нынешнее состояние. Например:

«此女安在?»... «此女...今已死矣» («Сю шэнь цзи», 15) «Цы³ нюй³ ань¹ цзай⁴?»... «Цы³ нюй³... цзинь¹ и³ сы³ и³» 'Где эта девушка?'... «Эта девушка... сейчас уже умерла»;

雞既鳴矣 («Ши цзин», «Го фэн», VIII, 1) Цзи¹ цзи⁴ мин² и³ 'Петухи уже пропели'.

Заметим, что в первом примере вопрос задан не о действии, а о состоянии; в ответе также употреблено слово 今 $цзинь^1$ 'сейчас' (хотя девушка умерла, конечно, не в момент речи, а — как известно из контекста — три года назад). Видно, что говорящих интересует не прошлое, а настоящее, и ссылка на прошлое событие служит лишь для того, чтобы ясно стало нынешнее положение дел. В этом и состоит значение перфекта. То же и во втором примере: говорящему важно не само пение петухов, а то, что «сейчас время уже позднее, пора вставать».

Когда показатель прошедшего предшествующего имеет значение перфекта, в конце предложения часто ставится конечная частица 矣 $и^3$.

Второй случай употребления прошедшего предшествующего — это обозначение действия, предшествующего другому действию. Показатель прошедшего предшествующего употребляется, если два действия называются не в том порядке, в каком они совершились:

至, 則既斬之矣 («Цзо чжуань», 2-й год Чэн-гуна) Чжи⁴, цзэ² цзи⁴ чжань³ чжи¹ и³ 'Когда он приехал, оказалось, что того человека уже казнили'.

Прошедшее предшествующее может быть употреблено в придаточном предложении:

楚已誅秦, 必加兵於趙 («Ши цзи», 48) Чу³ и³ чжу¹ Цинь², би⁴ цзя¹ бин¹ юй¹ Чжао⁴ 'После того как государство Чу уничтожит государство Цинь, оно обязательно обратит оружие против государства Чжао'.

Давнопрошедшее время выражается с помощью служебного слова 嘗 $чан^2$ 'некогда', 'прежде', 'как-то раз', происходящего от знаменательного глагола со значением 'пробовать'. Это время употребляется при речи о событиях, о которых в момент, служащий основанием для отсчета времени, можно судить только по памяти или по рассказам других людей. Например:

王嘗語莊子以好樂 («Мэн-цзы», 1б, 1) Ван² чан² юй⁴ Чжуан¹ цзы³ и³ хао⁴ юэ⁴ 'Вы, царь, как-то раз сказали господину Чжуану, что любите музыку';

牛山之木，嘗美矣…斧斤伐之 («Мэн-цзы», VIа, 8) Ню² шань¹
чжи¹ му¹, чан² мэи³ и³... Фу³ цзинь¹ фа² чжи¹ 'Некогда де-
ревья на горе Нюшань были прекрасны, но... топоры вы-
рубали их'.

В поздний период древнекитайского языка прежний пока-
затель давнопрошедшего времени был вытеснен другим слу-
жебным словом — 曾 цэн².

Наконец, показателем ближайшего будущего является
слово 將 цзян¹, тоже глагольного происхождения. Оно ука-
зывает, что событие ожидается в скором времени. Часто оно
имеет оттенок намерения, но употребляется и при названиях
действий, не зависящих от воли субъекта, т. е. в таких
случаях, где значение намерения исключается. Вот примеры
употребления 將 цзян¹:

我將見楚王 («Мэн-цзы», VIб, 4) Во³ цзян¹ цзянь⁴ Чу³ ван²
'Я собираюсь увидеться с царем Чу';

楚子將死矣 («Цао чжуань», 28-й год Сян-гуна) Чу³ цзы³
цзян¹ сы³ и³ 'Князь Чу уже скоро умрет'.

Если глагол, перед которым стоит показатель одного из
прошедших времен, всегда обозначает прошлое действие и
только в придаточном предложении прошедшее предшествую-
щее время может быть иногда перенесено в будущее (выше
был приведен один такой пример), то ближайшее будущее,
напротив, свободно может быть перенесено в прошлое, обо-
значая действие, которое ожидалось в какой-то момент
в прошлом, например:

其後四年，吳王將北伐齊 («Ши цзи», 66) Ци² хоу⁴ сы⁴ нянь²,
у² ван² цзян¹ бэй³ фа² Ци² 'Через четыре года после этого
царь У собрался идти походом на север против государ-
ства Ци'.

Ближайшее будущее, как и прошедшее предшествующее,
может быть употреблено в придаточном предложении, обо-
значая действие, которому непосредственно предшествовало
другое действие:

將入門，策其馬 («Лунь юй», VI, 15) Цзян¹ жу⁴ мэнь², цэ⁴
ци² ма³ 'Перед тем, как въехать в ворота, он ударил кнутом
свою лошадь'.

Иногда в значении 將 цзян¹ употребляется другое слу-
жебное слово — 且 це³ (может быть, это лишь два фонетиче-
ских варианта одного и того же слова). В позднем древне-
китайском было широко распространено еще одно слово,
выражавшее будущее время — 當 дан¹. В отличие от 將 цзян¹
оно имело дополнительный оттенок долженствования.

Показатели времени употребляются в древнекитайском
языке сравнительно редко. Время действия, обозначенного
глаголом без показателя времени, зависит от его собствен-
ного грамматического (видового) значения. Древнекитайские

глаголы довольно четко делятся на две группы: глаголы,
обозначающие законченные действия, например, 來 лай²
'прийти', 取 цюй³ 'взять', 殺 ша¹ 'убить', 聞 вэнь² 'услышать',
'узнать', 語 юй⁴ 'сказать', и глаголы, обозначающие длящиеся
действия или состояния, как 行 син² 'идти', 坐 цзо⁴ 'сидеть',
耕 гэн¹ 'пахать', 學 сюэ² 'учиться', 知 чжи¹ 'знать', 語 юй³
'разговаривать'. Первые, так называемые предельные, без по-
казателя времени почти всегда обозначают действие, закон-
чившееся до момента речи (например, 來 лай² значит 'при-
шел'); вторые, непредельные, в диалоге обычно относятся
к настоящему времени, а в связном повествовании — к про-
шедшему (行 син² 'идет' или 'шел').

ПОКАЗАТЕЛИ ЗАЛОГА

Если показатели времени, о которых говорилось выше,
могут стоять перед любым предикативом, то показатели
залога ставятся только перед глаголами, преимущественно
переходными. Они очень тесно связаны с глаголом и почти
ничем не могут быть от него отделены. Если кроме них при
том же глаголе есть модальный глагол, отрицание или по-
казатель времени, все эти слова ставятся перед показателем
залога.

Залогов, имеющих специальные показатели, как и вре-
мен, в древнекитайском три: страдательный, возвратный и
взаимный. Активное или пассивное значение переходного
глагола, не имеющего при себе показателя залога, как мы
уже знаем, зависит от наличия или отсутствия дополнения.

Страдательный залог выражается с помощью служебного
слова 見 цзянь⁴ (от глагола 'увидеть'), например:

隨之見伐，不量力也 («Цао чжуань», 20-й год Си-гуна) Суй²
чжи¹ цзянь⁴ фа², бу⁴ лян⁴ ли⁴ е³ 'Государство Суй подверглось
нападению потому, что не рассчитало своих сил'.

Страдательный залог образуется не только от подлинных
переходных глаголов, но и от глаголов чувства, например:
生則見愛，死則見哀 («Мо-цзы», 2) Шэн¹ цзэ² цзянь⁴ ай⁴, сы³
цзэ² цзянь⁴ ай¹ 'Пока он жив, им дорожат, когда он умрет,
о нем печалются'.

В позднем древнекитайском употреблялся другой показа-
тель страдательного залога — 被 бэй⁴.

Показателем возвратного залога является 自 цзы⁴, на-
пример:

自伐者無功 («Дао дэ цзин», 24) Цзы⁴ фа² чжэ³ у² гуи¹
'Тот, кто нападает сам на себя, не будет иметь успеха';

乃自賣爲奴 («Соу шэнь цзи», 1) Най³ цзы⁴ май⁴ вэй² ну²
'Тогда он продал себя в рабство'.

Слово 自 *цзы*⁴ показывает, что объект действия совпадает с действующим лицом. Отметим, что перед глаголом, имеющим в качестве дополнения целое предложение, 自 *цзы*⁴ соответствует только подлежащему предложения-дополнения (т. е. указывает, что с субъектом действия главного предложения совпадает субъект действия зависимого предложения), например:

項王自度不得脫 («Ши цзи», 7) *Сян*⁴ *ван*² *цзы*⁴ *до*⁴ *бу*⁴ *дэ*² *то*⁴
 'Царь Сян понял, что ему не удастся спастись'.

Заметим, что русская конструкция «понял, что ему не удастся спастись» — двусмысленна: слово «ему» может указывать на самого человека, который «понял», или же на какое-то другое лицо. В древнекитайском языке эти два случая строго различаются: в первом случае обязательно будет употреблена описанная конструкция с 自 *цзы*⁴, во втором — в качестве подлежащего предложения-дополнения будет употреблено обычное местоимение 3-го лица 其 *ци*².

Кроме возвратного значения ('себя') служебное слово 自 *цзы*⁴ может значить также 'сам', например:

何聞信亡, ... 自追之 («Ши цзи», 92) *Хэ*² *вэнь*² *Синь*⁴ *ван*²,
 ... *цзы*⁴ *чжуй*¹ *чжи*¹ [Сяо] *Хэ*, узнав, что [Хань] *Синь* бежал,
 ... сам бросился в погоню за ним'.

Когда 自 *цзы*⁴ значит 'сам', следующий за ним глагол сохраняет дополнение.

Для выражения взаимного залога служит слово 相 *сян*¹, родственное знаменательному глаголу 相 *сян*⁴ 'смотреть'. Например:

木與木相摩則然 («Чжуан-цзы», XXVI, 1) *Му*⁴ *юй*³ *му*⁴ *сян*¹
*мо*² *цзэ*² *жань*² 'Если два [куска] дерева трутся друг о друга, они загораются'.

父子不相見 («Мэн-цзы», Iб, 1) *Фу*⁴ *цзы*³ *бу*⁴ *сян*¹ *цзянь*⁴
 'Отцы и сыновья не видятся друг с другом'.

Между показателем возвратного или взаимного залога и следующим глаголом может быть вставлен предлог (чаще всего 與 *юй*³ 'с' или 爲 *вэй*⁴ 'для'). В этом случае показатели залога указывают на совпадение действующего лица не с прямым, а с косвенным объектом действия, например:

然而周之俗, 不自爲取妻 («Чжань го цэ», «Янь цэ», I, 14)
*Жань*² *эр*² *Чжоу*¹ *чжи*¹ *су*², *бу*⁴ *цзы*⁴ *вэй*⁴ *цуй*³ *ци*¹ 'Однако по обычаю династии Чжоу нельзя [самому] выбирать для себя жену';

沛公項羽相與謀 («Ши цзи», 7) *Пэй*⁴ *гун*¹ *Сян*⁴ *Юй*³ *сян*¹
*юй*³ *моу*² 'Пэйский герцог и Сян Юй совещались друг с другом'.

Когда показатель залога стоит перед предлогом, а не непосредственно перед глаголом, глагол сохраняет свои обычные свойства, т. е. если он переходный, то имеет дополнение.

Если показатели времени, как мы видели, трудно отличить от наречий, то показатели залога сближаются с местоимениями. В особенности это становится заметно в поздний период древнекитайского языка. В это время служебные слова 見 *цзянь*⁴ и 相 *сян*¹ часто употребляются вместо личных местоимений в функции дополнения: первое — вместо местоимения 1-го лица, второе — вместо любого личного местоимения. Например:

感君見載, 故以相語 («Соу шэнь цзи», 4) *Гань*³ *цзюнь*¹ *цзянь*⁴
*цзай*¹, *гу*⁴ *и*³ *сян*¹ *юй*⁴ 'Я благодарна за то, что вы подвезли меня, поэтому сказала вам [о том, что я должна съездить ваш дом]'.

В этом примере 相 *сян*¹ означает 2-е лицо (а 見 *цзянь*⁴, по общему правилу, — первое).

Употребление форм залога в значении личных местоимений придает речи вежливый оттенок (по-видимому, древнекитайской вежливой речи вообще было свойственно стремление избегать местоимений).

Все показатели залога и времени, этимологию которых можно выяснить, имеют глагольное происхождение.

ЧАСТИЦЫ

Частицы ставятся в начале предложения, в конце предложения или в середине — между группой подлежащего и группой сказуемого. Они выражают вопрос, повеление, а также некоторые оттенки предложения в целом, зависящие не от самого сообщаемого факта, а от отношения говорящего к сообщаемому. Серединные частицы по их месту в предложении не отличаются от наречий.

В конце предложения ставятся вопросительные частицы 乎 *ху*², 與 *юй*² и 耶 (邪) *е*², восклицательная частица 哉 *цай*¹, частица 夫 *фу*² 'увы', 耳 *эр*³ или 爾 *эр*³ 'только', 'просто' и, наконец, очень распространенная частица 矣 *и*³.

Частица 矣 *и*³ показывает, что то положение вещей, которое описано в предложении, рассматривается как новое и противопоставляется тому, что было раньше. Например: 吾死矣夫! («Мэн-цзы», IVб, 24) *У*² *сы*³ *и*³ *фу*²! 'Увы, теперь я погиб!';

子將隱矣 («Ши цзи», 63) *Цзы*³ *цзян*¹ *инь*³ *и*³ 'Теперь вы собираетесь скрыться от мира'.

Так же как и показатели времени, частица 矣 *и*³ вовсе не обязательно относится к чему-то происходящему в момент речи. В предложении или в контексте может быть указано время или условие, при котором создается новое положение вещей, например:

七八月之間旱，則苗槁矣 («Мэн-цзы», Iа, 6) *Ци¹ ба¹ юэ⁴ чжи¹ цзянь¹ хань⁴, цзэ² мяо² гао³ и³* 'Если в седьмом и восьмом месяце стоит засуха, всходы засыхают';

子欲善而民善矣 («Лунь юй», XII, 19) *Цзы³ юй⁴ шань⁴ эр² минь² шань⁴ и³* 'Раз вы хотите добра, народ будет [стремиться] к добру'.

Кроме того, при прилагательных, а иногда и при некоторых глаголах, частица *矣 и³* может указывать, что качество или состояние достигло полноты, предельной степени. Например:

是心足以王矣 («Мэн-цзы», Iа, 7) *Ши⁴ синь¹ цзу² и³ ван⁴ и³* 'Этих чувств вполне достаточно, чтобы царствовать'.

Основное значение частицы *矣 и³* близко к значению прошедшего предшествующего времени, поэтому показатель этого времени и частица часто сопутствуют друг другу.

К числу конечных частиц можно отнести и связку *也 е³*, которая тоже всегда находится в конце предложения. Однако связка при именном сказуемом, как правило, не может быть опущена, в то время как обычные частицы никогда не являются обязательной частью предложения.

Срединными частицами являются *豈 ци³* 'разве' (показатель риторического вопроса) и *其 ци²*. Эта последняя может иметь повелительное значение (хотя наличие ее в повелительном предложении вовсе не обязательно), например:

君其勿許 («Цзо чжуань» 7-й год Си-гуна) *Цзюнь¹ ци² у⁴ сюй³* 'Государь, не соглашайтесь на это';

吾其還也 («Цзо чжуань», 30-й год Си-гуна) *у² ци² хуань² е³* 'Давайте вернемся'.

Частица *其 ци²* употребляется только в таких повелительных предложениях, которые имеют подлежащее; но и в этом случае она не обязательна.

Кроме того, *其 ци²* встречается в предложениях, оканчивающихся вопросительной частицей. Иногда она при этом никак не меняет смысл предложения, но во многих случаях превращает его из вопроса в сильное утверждение, относящееся чаще всего к будущему времени, например:

今茲宋鄭其饑乎 («Цзо чжуань», 28-й год Сян-гуна) *Цзинь¹ цзы¹ Сун⁴ Чжэн⁴ ци² цзи¹ ху²* 'В этом году в государствах Сун и Чжэн несомненно будет голод'.

Начальные частицы — это *夫 фу²* и *蓋 гай⁴*. Первая указывает, что в предложении сообщается какой-то очевидный или общеизвестный факт, который, по мнению говорящего, собеседник не станет отрицать; вторая, напротив, придает высказыванию оттенок предположения или догадки. Например:

夫鼠晝伏夜動 («Цзо чжуань», 24-й год Сян-гуна) *Фу² шу³ чжоу⁴ фу² е⁴ ду⁴* 'Всем известно, что мышь днем прячется, а ночью бежит';

蓋有之矣，我未之見也 («Лунь юй», IV, 6) *Гай⁴ ю³ чжи¹ и³, ео³ вэй⁴ чжи¹ цзянь⁴ е³* 'Вероятно, [такие люди] есть, но я их никогда не видел'.

Частица *蓋 гай⁴* может стоять и в середине предложения. Частица *夫 фу²* употребляется также между глаголом и его дополнением, чтобы показать, что предмет или лицо, обозначенные дополнением, хорошо всем известны. Например:

王獨不見夫蜻蛉乎? («Чжань го цэ», «Чу цэ», IV, 4) *Ван² ду² бу⁴ цзянь⁴ фу² цин¹ лин² ху²?* 'О царь, видели ли вы когда-нибудь стрекозу?'.

Иногда в подобных примерах *夫 фу²* переводят как указательное местоимение — 'тот', однако в большинстве случаев (в том числе и в примере, приведенном выше) оно явно не является местоимением.

Частица *蓋 гай⁴* встречается преимущественно в памятниках конфуцианского содержания; *夫 фу²* можно найти в любых текстах.

К начальным частицам можно отнести также слово *唯 вэй²* 'только', хотя оно не относится к предложению в целом и в некоторых особых случаях стоит не в начале предложения.

МЕСТОИМЕНΙΑ

Классификация местоимений

Местоимения можно классифицировать двояким образом. Во-первых, их все нетрудно разделить на две группы — вопросительные и не вопросительные. Во-вторых, местоимения можно классифицировать по тому, какая синтаксическая функция им обычно свойственна или с какой группой знаменательных слов они могут соотноситься. По этому второму делению в древнекитайском языке различаются местоимения личные, указательные и определительные.

Личные местоимения всегда, во всех синтаксических функциях обозначают лицо или предмет. Будучи определенным, они имеют притяжательное значение, т. е. обозначают лицо, которому принадлежит то, что выражено определяемым. Этим они отличаются от указательных местоимений, которые в функции определения служат только для конкретизации определяемого и не обозначают отдельное лицо или предмет. Сравним, например, *其劍 ци² цзянь⁴* 'его меч' и *此劍 цы³ цзянь⁴* 'этот меч': слово *其 ци²* 'его' заменяет имя владельца меча, *此 цы³* 'этот' такого значения не имеет. Формально личные местоимения характеризуются тем, что имеют формы, встречающиеся только в определенных синтаксических позициях.

Что касается определительных местоимений, то они резко отличаются от остальных двух групп тем, что могут занимать в предложении только одно место — перед сказуемым.

Личные местоимения

Личные (не вопросительные) местоимения можно разделить на четыре основные группы:

1) местоимения 1-го лица, имевшие в древнекитайском языке начальные согласные *d* или *dh*: 予 (余) *юй*³, 朕 *чжэнь*⁴;

2) местоимения 1-го лица, имевшие начальный согласный *ng*: 吾 *у*², 我 *во*³;

3) местоимения 2-го лица, имевшие начальный согласный *n*: 汝 *жу*³, 若 *жо*⁴, 爾 *эр*³, 乃 *най*³, 而 *эр*²;

4) местоимения 3-го лица (разного происхождения, с разными начальными звуками): 其 *ци*², 之 *чжи*¹, 焉 *янь*¹.

В каждой группе здесь перечислены только более или менее употребительные слова.

Некоторые местоимения первых трех групп встречаются только в текстах определенной эпохи или определенного диалекта. Например, местоимение 2-го лица 乃 *най*³ свойственно доклассическому языку, 而 *эр*² встречается в диалекте исторических произведений, 若 *жо*⁴ появилось только в конце III в. до н. э.

Кроме того, между словами каждой группы были различия по синтаксической функции, которую они могли выполнять.

Эти различия достаточно последовательно проявляются только в 3-м лице. Здесь 其 *ци*² употребляется как определение или как подлежащее предложения, выполняющего функцию какого-то члена другого предложения (например, подлежащее предложения-дополнения, о котором нам уже приходилось говорить выше); например: 其子 *ци*² *цзи*³ 'его сын', 知其賢 *чжи*¹ *ци*² *сянь*² 'знаю, что он мудр'. Форма 之 *чжи*¹ (родственная указательным местоимениям) бывает дополнением после глагола или после предлога: 殺之 *ша*¹ *чжи*¹ 'убил его', 與之言 *юй*³ *чжи*¹ *янь*² 'разговариваю с ним'. Наконец, 焉 *янь*¹ употребляется в тех же функциях, что и существительное с предлогом 於 *юй*¹: сравним 學於孔子 *сюэ*² *юй*¹ *Кун*³ *цзи*³ 'учиться у Конфуция' и 學焉 *сюэ*² *янь*¹ 'учиться у него'. Нетрудно заметить, что в слове 焉 *янь*¹ как бы слиты две морфемы: предлог 於 *юй*¹ и местоимение 3-го лица. Исторически 焉 *янь*¹, вероятно, представляет собой именно слияние в один слог этого предлога с каким-то не сохранившимся местоимением. Местоимение 之 *чжи*¹ всегда ставится непосредственно после слова, которому оно подчинено, а 焉

*янь*¹, если глагол имеет дополнение, помещается после дополнения.

Для функции подлежащего специальной формы 3-го лица не было. Местоимение 3-го лица как подлежащее просто всегда опускалось (иногда его заменяли указательным местоимением или повторяли существительное). Пропуск подлежащего-местоимения наблюдается и в других языках (польском, испанском и т. п.), но там лицо выражается в таких случаях формой глагола, в древнекитайском же языке спряжения глагола не существует. Здесь само отсутствие подлежащего имеет значение указания на 3-е лицо, подобно тому, как, например, в русском языке отсутствие связки в предложениях с именовым сказуемым (*Он студент*) имеет значение настоящего времени. Иначе говоря, древнекитайское местоимение 3-го лица в функции подлежащего представлено нулевой формой. Поэтому при переводе предложений, не имеющих подлежащего, следует добавлять в качестве подлежащего слово «он» (иногда «это»). Местоимения первых двух лиц, в отличие от 3-го лица, могли опускаться только в диалогах, состоявших из коротких реплик, где никакой двусмысленности не возникает, т. е. в неполных предложениях.

В других группах такое различие по функциям гораздо менее четкое. Все же и здесь можно установить некоторые правила. Так, местоимение 吾 *у*² чаще всего бывает подлежащим, и никогда — дополнением, а 我 *во*³ как раз преимущественно бывает дополнением; 乃 *най*³ и 而 *эр*² обычно являются определением и не могут быть дополнением, в то время как 汝 *жу*³ и 若 *жо*⁴ определением быть не могут; 朕 *чжэнь*⁴ главным образом употребляется как определение. Это явление — употребление разных форм местоимений в разных синтаксических функциях — иногда называют «склонением местоимений», но едва ли это правильно. Функция местоимения в древнекитайском языке узнается по его месту в предложении, и форма местоимения нигде не служит единственным или решающим признаком, по которому мы определяем функцию.

Как мы видели, местоимения 1-го лица образуют две группы — «группу *d*» и «группу *ng*». В доклассическом древнекитайском, точнее — в древнейших частях «Ши цзина» и части песен «Ши цзина» между этими группами существует такое же различие, как между современными китайскими местоимениями 我 *во*³, 我們 *во*³ *мэнь*⁰, с одной стороны, и 咱們 *ца*² *мэнь*⁰, с другой: местоимения первой группы имели «исключающее» (эксклюзивное) значение, т. е. «я» или «мы» (в отличие от вас), а местоимения второй группы — «включающее» (инклюзивное) значение, т. е. «я и ты» или «я и вы»;

иначе говоря, они указывали одновременно на говорящего и на собеседника. Рассмотрим следующие фразы из одной и той же главы «Шу цзина» (IV, 1):

我后不恤我衆 *Во³ хоу⁴ бу⁴ сюй⁴ во³ чжун⁴* 'Наш князь не жалеет нас, народ';

時日曷喪, 予及汝皆亡? *Ши² жи⁴ хэ² сан⁴, юй² цзи¹ жу³ цзе¹ ван²?* 'Когда же это солнце исчезнет, и мы погибнем вместе с тобой?'

В обоих случаях речь идет о народе и князе. Но там, где народ говорит о князе в третьем лице, где люди обращаются не к князю, а друг к другу, употреблено местоимение *我 во³* 'мы (с вами)'; там же, где народ непосредственно обращается к князю, он называет себя *予 юй²* 'мы (без тебя)'. Вообще местоимение *予 юй²* или *朕 чжэнь⁴* в доклассических текстах в большинстве случаев бывает противопоставлено местоимению 2-го лица; там же, где такого противопоставления нет, — употребляется *我 во³*.

В классический период это грамматическое различие между двумя группами местоимений стерлось. Слово *予* (в диалекте исторических памятников — *余*) *юй²* может здесь значить только 'я', причем употребляется тогда, когда вышедший по положению говорит о себе в присутствии низшего. Этим словом может называть себя князь, говоря с подданным, учитель — с учеником, отец — с сыном, дух — с человеком. Часто это местоимение указывает на недовольство или раздражение говорящего, неуважение к собеседнику (или к человеку, о котором идет речь). Слово *朕 чжэнь⁴* в начале классического периода исчезло из языка, но в 221 г. до н. э. был издан закон, согласно которому император, говоря о себе, должен был пользоваться этим местоимением.

В вежливой речи местоимения 1-го и 2-го лица обычно заменялись различными описательными выражениями. В разное время для указания на собеседника употреблялись слова *子 цзы³* (это, собственно, значит 'сын', и не совсем ясно, почему оно стало вежливым обращением), *君 цзюнь¹* 'государь', *公 гун¹*, при обращении к жене — *卿 цин¹* (последние два слова были названиями высоких должностей). Себя говорящий часто называл своим «детским именем» (это — имя, которым родители называют детей или учитель — учеников; при обращении к людям, равным по положению, употребляют другое, взрослое имя, и если в XXIX главе «Чжуан-цзы» разбойник называет Конфуция его детским именем *丘 Цю¹*, то это — оскорбление); говоря с князем или императором, называли себя *臣 чэнь²* 'подданный'; женщина, говоря с мужчиной, называла себя *妾 це⁴* 'наложница' и т. п.

Относительно местоимений 3-го лица следует заметить, что по смыслу они иногда приближаются к указательным.

Местоимение *之 чжи¹* может иметь значение 'это', заменяя целое предложение-дополнение. Так, *見之 цзянь⁴ чжи¹* может значить не только 'увидел его', но и 'увидел это'; таким же образом *知之 чжи¹ чжи¹* значит 'знаю об этом', *學之 сюэ² чжи¹* 'учился этому' и т. п. Местоимение *焉 янь¹* (поскольку оно включает в себя предлог *於 юй¹*, который часто имеет значение места) может значить 'там': *在焉 цзай⁴ янь¹* 'находится там'.

Одинаковые с личными местоимениями синтаксические свойства имеет возвратное местоимение *己 цзи³* 'себя'. Исторически оно родственно местоимению 3-го лица *其 ци²*. Слово *己 цзи³* обозначает то же лицо, что и подлежащее предложения. Следует, однако, иметь в виду, что, будучи употреблено в составе предложения-дополнения, *己 цзи³* указывает на лицо, обозначенное подлежащим главного предложения, например: *高渠彌...懼其殺己也* («Цзо чжуань», 17-й год Хуань-гуна) *高¹ Цюй² ми² ... цзюй⁴ ци² ша¹ цзи³ е³* 'Гао Цюй-ми... боялся, что он убьет его'.

В этом примере в предложении-дополнении подлежащим является *其 ци²* — местоимение 3-го лица, а дополнением — местоимение *己 цзи³*; следовательно, речь идет о том, что кто-то убьет Гао Цю-ми, а не о том, что Гао Цю-ми убьет кого-то (китайское предложение — совершенно ясное, в то время как параллельное русское двусмысленно). Считать, что *己 цзи³* здесь значит 'себя' (... что он убьет себя), было бы совершенно неверно.

Указательные местоимения

Указательные местоимения чаще всего бывают в предложении определением, причем в отличие от личных местоимений не имеют в этой функции притяжательного значения. Однако они могут быть также подлежащим и дополнением. Тогда они, так же как личные местоимения, заменяют названия лиц или предметов.

Указательные местоимения древнекитайского языка образуют две пары антонимов: *彼 би³* 'тот' — *此 цы³* 'этот'; *是 ши⁴* 'этот' — *他 то¹* 'другие'. Первые два слова употребляются также соответственно в значении 'там' и 'тут'.

В доклассическом языке вместо *此 цы³* употребляется *兹 цзы¹*, а вместо *是 ши⁴* — *時 ши²*. В конфуцианских памятниках наряду с *此 цы³* встречается в том же значении *斯 си¹*. Слово *彼 би³* в классический период крайне редко употребляется как указательное местоимение; обычно оно значит 'он', но в отличие от настоящих местоимений 3-го лица употребляется только при подчеркивании или противопоставлении

(«он, в противоположность мне»), например: 彼衆我寡 («Цзо чжуань», 22-ой год Си-гуна) Би³ чжун⁴ во³ гуа³ 'Их много, а нас мало'.

Остальные перечисленные выше местоимения, хотя и могут выполнять в предложении функции подлежащего или дополнения (в значении «это» и «нечто другое»), указывают при этом не на лиц, а на предметы или обстановку в целом.

Разница между 此 *цы*³ 'этот' и 是 *ши*⁴ 'этот', кажется, состоит в том, что первое указывает на предмет, непосредственно видимый говорящему, находящийся вблизи от него, а второй — на предмет, упомянутый перед этим в речи.

К указательным местоимениям относится также слово 某 *моу*³ 'некий', 'такой-то'. Будучи подлежащим или дополнением, оно, как и 彼 *би*³, заменяет название лица — 'некто'. Однако 某 *моу*³ находится еще ближе к личным местоимениям: в функции определения, если после него есть служебное слово 之 *чи*¹, оно имеет притяжательное значение и только если этого слова нет — указательное. Сравним 某之子 *моу³ жи¹* 'сын такого-то' и 某日 *моу³ жи⁴* 'такой-то день'.

Вопросительные местоимения

Из вопросительных слов, соответствующих личным и указательным местоимениям, важнейшими являются 誰 *шуй*² 'кто' и 何 *хэ*² 'что'. Первое употребляется при вопросе о людях и соответствует личным местоимениям. Второе служит для вопроса о предметах. В функции определения оно ведет себя как указательное местоимение, т. е. не имеет притяжательного значения.

Местоимение 誰 *шуй*² 'кто' чаще всего бывает в предложении дополнением или связочным сказуемым. В функции подлежащего в конфуцианских памятниках вместо него чаще употребляется определительное местоимение 孰 *шу*² 'кто из' (в исторических памятниках, напротив, само 誰 *шуй*² часто употребляется вместо 孰 *шу*²). Слово 誰 *шуй*² может быть и определением ('чей') и в этом случае оно обычно имеет после себя служебное слово 之 *чи*¹.

Слово 何 *хэ*² в значении 'что', так же как и 誰 *шуй*² 'кто', может быть дополнением и сказуемым (со связкой). Кроме того, оно употребляется как определение (чаще всего — определение к именной части сказуемого) в значении 'какой', например: 此何木也哉? («Чжуан-цзы», IV, 5) 此³ хэ² му⁴ э³ *цай*¹? 'Какое же это дерево?'

Наконец, 何 *хэ*², в отличие почти от всех остальных местоимений, часто бывает определением к сказуемому, получая значение 'почему' или 'как', например:

夫子何晒由也? («Лунь юй», XI, 26) Фу¹ цзы³ хэ² шэнь³ Ю² э³? 'Почему вы, учитель, усмехнулись [тому, что сказал] Ю?'

Местоимение 何 *хэ*² как определение к сказуемому, если оно оказывается перед отрицанием 不 *бу*⁴, может сливаться с ним в один слог — 盍 *хэ*² 'почему не' (в древнекитайском слова 何 *хэ*² 'почему' и 盍 *хэ*² 'почему не' звучали по-разному — *ghä* и *ghäp*). Впрочем, значение 盍 *хэ*² отличалось от значений составлявших его элементов: это слово скорее обозначало совет поступить так-то и так-то; во всяком случае, если в предложении есть 盍 *хэ*², субъектом действия всегда является лицо, к которому обращена речь, как в повелительных предложениях. Например:

寇至, 盍去諸 («Мэн-цзы», IVб, 31) Коу⁴ чжи⁴, хэ² цюй⁴ чжу¹ 'Появились разбойники, вам следовало бы скрыться от них'.

Наряду с 何 *хэ*² в памятниках конфуцианской литературы употребляется совпадающее с ним по значению местоимение 奚 *си*². В некоторых текстах встречается и третье слово с тем же значением — 胡 *ху*². Все три в сущности представляют собой три фонетических варианта одного и того же слова; их древнее произношение было почти одинаково (соответственно *ghä*, *ghe*, *ghä*).

Общей особенностью всех вопросительных слов древнекитайского языка было то, что, употребляясь как дополнение, они ставились всегда перед управляющим ими глаголом, а не после него, как все другие слова, например:

吾誰敢怨? («Цзо чжуань», 27-й год Чжао-гуна) У² шуй² гань³ юань⁴? 'На кого я осмелюсь роптать?'

不索何獲? («Цзо чжуань», 27-й год Чжао-гуна) Бу⁴ со³ хэ² хо⁴? 'Что найден, если не ищешь?'

Это значит, что слово 何 *хэ*² (и его варианты) как дополнение и как определение к глаголу занимает одно и то же место в предложении. Если глагол, перед которым стоит 何 *хэ*², имеет после себя дополнение, то 何 *хэ*² — определение, в противном случае оно само является дополнением.

Когда вопросительные местоимения управляются не глаголом, а предлогом, они тоже стоят перед ним, а не после него (чаще всего встречаются сочетания 誰與 *шуй² юй³* 'с кем', 何以 *хэ² и³* 'чем', 'почему', 何爲 *хэ² вэй⁴* 'для чего'). Например:

吾又誰與爭? («Цзо чжуань», 4-й год Чжао-гуна) У² ю⁴ шуй² юй³ чжэн¹? 'С кем тогда еще мы будем бороться?'

何以利吾國? («Мэн-цзы», Ia, 1) Хэ² и³ ли⁴ у² го²? 'Чем бы принести выгоду моему государству?'

Наконец, даже когда 何 *хэ*² является определением к дополнению, оно вместе с дополнением ставится перед глаголом; после дополнения вставляется служебное слово 之 *чи*¹. Впрочем, эта конструкция встречается довольно редко. Например:

王何卿之問也? («Мэн-цзы», Vб, 9) Ван² хэ² цин¹ чжи¹ вэнь⁴ е³?
«О какого рода министры вы, о царь, спрашиваете?»

Рассмотренные выше вопросительные слова не сочетаются с предлогом 於 юй¹. Вместо сочетания вопросительного местоимения с 於 юй¹ употребляется уже известное нам слово 焉 янь¹, но только в вопросительном значении оно по общему правилу ставится перед глаголом, а не после него. Вопросительное 焉 янь¹ имеет много синонимов, появившихся несколько позже (их почти нет в наиболее старых памятниках классического периода): 安 ань¹ (фонетический вариант 焉 янь¹), 惡 у¹, 惡乎 у¹ ху². Все эти вопросительные слова обычно заменяют названия предметов, но иногда могут служить и вопросом о лицах; они имеют значение 'где', 'куда', 'откуда', иногда 'от кого', например:

公焉在? («Цзо чжуань», 30-й год Сян-гуна) Гун¹ янь¹ цзай¹? 'Где находится герцог?';

子獨惡乎聞之? («Чжуан-цзы», VI, 4) Цзы³ ду² у¹ ху² вэнь² чжи¹? 'От кого же вы узнали об этом?'

Следует отметить, что вопрос о месте («где?» и т. п.) может быть выражен и местоимением 何 хэ², когда оно стоит перед глаголом, дополнение к которому обычно указывает на место, например:

牛何之? («Мэн-цзы», Ia, 7) Ню² хэ² чжи¹? 'Куда идет бык?'

Определительные местоимения

Определительными местоимениями являются 各 гэ⁴ 'каждый', 或 хо⁴ 'кто-то', 'некоторые', 莫 мо⁴ 'никто'. Из вопросительных местоимений им соответствует 孰 шу² 'кто', 'кто из' (или 'что', 'что из'). В их фонетическом облике есть некоторое сходство: все они в древнекитайском языке кончались согласным к. Все они служат для выражения того, что в логике называется «распределенностью», т. е. показывают, для всех ли предметов, обозначенных подлежащим, справедливо то, что утверждается (или отрицается) в сказуемом.

Определительные местоимения всегда стоят перед сказуемым. Подлежащее перед ними часто может отсутствовать. В этих случаях всегда речь идет о лицах, а не о предметах, например:

莫我知也夫! («Лунь юй», XIV, 37) Мо⁴ во³ чжи¹ е³ фу²?
'Увы, меня никто не знает!'

Если подлежащее перед определительным местоимением есть, оно переводится на русский язык с предлогом «из» («некоторые из», «кто из» и т. п.) или, если это возможно, местоимение в переводе делается определением к подлежащему, например:

宋人或得玉 («Цзо чжуань», 15-й год Сян-гуна) Сун⁴ жэнь² хо⁴ дэ² юй¹ 'Кто-то из жителей государства Сун нашел яшму';
人各有以事君 («Цзо чжуань», 28-й год Сян-гуна) Жэнь² гэ⁴ ю³ и³ ши⁴ цзюнь¹ 'Каждый человек может чем-то служить государю'.

В предложении со словом 孰 шу² 'кто из' подлежащим могут быть два существительных, соединенных служебным словом 與 юй³ 'с', 'и'. Это бывает, в частности, когда речь идет о сравнении двух предметов, например:

吾與徐公孰美? («Чжань го цэ», «Ци цэ», I, 12) У² юй³ Сюй² гун¹ шу² мэй³? 'Кто красивее — я или господин Сюй?'

Существительное с предлогом 與 юй³ в таком вопросе могло ставиться и после 孰 шу², например:

吾孰與徐公美? («Чжань го цэ», «Ци цэ», I, 12) У² шу² юй³ Сюй² гун¹ мэй³? 'Красивее ли я, чем господин Сюй?'

Судя по русскому переводу, можно думать, что в предложении с определительным местоимением именно это местоимение является подлежащим (а существительное, стоящее перед ним, служит определением к нему). Но это не так; местоимение входит в группу сказуемого, а не в группу подлежащего. Это видно из того, что слова, ставящиеся всегда перед сказуемым (например, наречия), а также служебное слово 之 чжи¹, помещающееся после подлежащего в предложении-дополнении, оказываются перед определительным местоимением, а не после него. Например:

... 而未知有無之果孰有孰無也 («Чжуан-цзы», II, 5) ... Эр² вэй⁴ чжи¹ ю³ у² чжи¹ го³ шу² ю³ шу² у² е³ ... И непонятно, что же на самом деле существует, а что не существует — существующее или несуществующее?

Определительные местоимения возможны только перед бессвязочным сказуемым (кроме 莫 мо⁴ 'никто', которое встречается перед отрицательной связкой 非 фэй¹ 'не есть').

Слово 然 жэнь²

Совершенно особняком среди местоимений древнекитайского языка стоит слово 然 жэнь² 'так'. Оно соотносится не с именем, а с предикативом, т. е. с глаголом или прилагательным, а иногда с целым законченным предложением, иначе говоря, заменяет название качества, действия или целое высказывание. По своему значению и свойствам оно приближается к современным китайским 這樣 чжэ⁴ян⁴ или 那樣 на⁴ян⁴ 'так'; но в отличие от них 然 жэнь² может выполнять в предложении только одну функцию — бессвязочного сказуемого, т. е. оно скорее значит 'поступает так', 'дело обстоит так' и т. п. Например:

子無然 («Цзо чжуань», 28-й год Сян-гуна) Цзы³ у² жань² 'Не поступайте так';

已而果然 («Ши цзи», 47) И³ эр² го³ жань² 'Потом оказалось, что в самом деле так и было';

何以知其然邪? («Чжуан-цзы», X, 1) Хэ² и³. чжи¹ ци² жань² е²? 'Почему мы знаем, что это так?'

Вопросом, соответствующим слову 然 жань² 'так', является сочетание 何如 хэ² жу² или 何若 хэ² жо⁴ — 'как' (вернее, 'как поступает', 'как обстоит дело' и т. п.), близкое к современному 怎樣 цзэнь³ян⁴, например:

子之國何如? («Гунъян чжуань», 15-год Сюань-гуана) Цзы³ чжи¹ го² хэ² жу²? 'Как обстоят дела в [столице] вашего государства?';

子將何如? («Цзо чжуань», 9-й год Си-гуна) Цзы³ цзян¹ хэ² жу²? 'Как вы собираетесь поступить?'

Сочетание 何如 хэ² жу² может иногда быть и определением (в значении 'какой', 'что за'). Слово 然 жань² определением в значении 'такой' не бывает, но вместо него в этой функции и в этом значении может употребляться слово 若 жо⁴. Например:

此爲何若人? («Мо-цзы», 50) Цы³ вэй² хэ² жо⁴ жань²? 'Что это за человек?';

任公子得若魚, 離而腊之 («Чжуан-цзы», XXVI, 4) Жэнь² гун¹ цы³ да² жо⁴ юй², ли² эр² си² чжи¹ 'Сын жэньского герцога, поймав такую рыбу, разрезал и высушил ее'.

В позднем древнекитайском слово 然 жань² 'так' было вытеснено другим местоимением — 爾 эр³, с тем же значением. Это более позднее местоимение могло быть и определением.

И 然 жань², и 爾 эр³ ('так') представляют собой слияние глагола 如 жу² или 若 жо⁴ (досл. 'подобен', 'похож') с каким-то указательным или личным местоимением (все четыре упомянутых слова в древнекитайском начинались с одних и тех же звуков *ni*-). Этимологически они значат, следовательно, 'подобен этому'. Сочетание 何如 хэ² жу² тоже дословно значит 'чему подобен'. Однако подлинное значение всех этих слов и сочетаний довольно далеко отошло от первоначального.

Слова, выражающие вопрос о количестве

Упомянем в заключение сравнительно редко встречающееся вопросительное местоимение 幾 цзи³ 'сколько' и сочетание 幾何 цзи³ хэ² 'сколько', 'как долго'. Первое соответствует числительному, второе — сочетанию числительного с названием меры, например:

車中幾馬? («Ши цзи», 103) Цзюй¹ чжун¹ цзи³ ма³? 'Сколько лошадей [запряжено] в колесницу?';

人生幾何? («Цзо чжуань», 31-й год Сян-гуна) Жэнь² шэн¹ цзи³ хэ²? 'Как долго живет человек?'

В первом случае ответ гласил: 六馬 лю⁴ ма³ 'шесть лошадей'. Во втором — вопрос риторический, но и по значению сочетания 幾何 цзи³ хэ², и по его месту в предложении видно, что оно заменяет числительное и название единицы времени.

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложение в древнекитайском языке четко делится на две основные части — группу подлежащего и группу сказуемого. Первая состоит из подлежащего и его определений, вторая — из сказуемого и различных подчиненных ему слов. Существует ряд служебных и знаменательных слов (наречия, некоторые частицы, определительные местоимения и другие), для которых единственным или почти единственным возможным местом в предложении является позиция между группой подлежащего и группой сказуемого или в начале группы сказуемого. По этим словам легко определить границу между двумя основными частями предложения. Группы подлежащего может и не быть (хотя чаще всего отсутствие ее — лишь мнимое, подлежащим является нулевая форма местоимения 3-го лица); группа сказуемого, по-видимому, обязательна. В начале предложения, перед подлежащим, могут стоять только некоторые частицы, а также слова со значением времени. Если сказуемое — связочное, группа сказуемого строится точно так же, как и группа подлежащего: она состоит из самого сказуемого (точнее, его именной части) и определений к нему. Но при бессвязочном сказуемом структура предложения может быть значительно более сложной.

После бессвязочного сказуемого часто стоит дополнение. При нем может находиться также одно или несколько косвенных дополнений, подчиненных ему посредством предлогов. Дополнение без предлога ничем не может быть отделено от сказуемого, кроме собственных определений. Дополнение с предлогом помещается либо перед сказуемым, либо после беспредложного дополнения. Перед сказуемым может стоять определение к нему. Если это определение — односложное, после него часто нет никакого служебного слова. Однако определение к сказуемому может присоединяться к нему и с помощью специального служебного слова 以 эр². Определением к сказуемому можно считать и сочетание числительного с названием меры, стоящее в конце предложения; о нем уже говорилось выше.

Существительное, являющееся дополнением (безразлично, с предлогом или без), может иметь определения — такие же,

как подлежащее или именная часть сказуемого. Предикатив, употребленный как определение к сказуемому с 卍 эр², может подчинять себе те же члены предложения, что и бессвязочное сказуемое — различные дополнения и определения.

Центром группы сказуемого может быть глагол или близкое к глаголу служебное слово, требующее после себя другого глагола — знаменательного или глагола-связки. Так построены предложения с модальными прилагательными, а также побудительная конструкция и некоторые другие близкие к ней типы предложений; первые уже рассматривались подробно, о вторых будет идти речь несколько позже. Каждый глагол в таких конструкциях сохраняет полностью или частично способность иметь различные дополнения и определения.

Почти все члены предложения, в функции которых можно употребить существительное, могут быть представлены не словом, а целым зависимым предложением, как бы вставленным внутрь основного предложения. Один такой случай нам уже известен — это предложение-дополнение.

Описанная структура предложения может иногда нарушаться; основные части предложения меняются местами, зависимые слова занимают необычное место по отношению к словам, которым они подчинены, некоторые слова могут быть вынесены в самое начало предложения, до подлежащего. Однако эти изменения обычного порядка слов тоже подчинены определенным правилам и выражают определенное значение.

ВОПРОС И ОТРИЦАНИЕ

Предложения древнекитайского языка делятся на повествовательные, повелительные и вопросительные. Первые два типа почти не имеют положительных признаков и даже не всегда могут быть формально разграничены.

Вопросительные предложения в свою очередь делятся на предложения, выражающие частный и общий вопрос.

Частным вопросом говорящий пользуется для того, чтобы получить какие-то новые для него сведения; предложения этой группы всегда содержат какое-нибудь вопросительное местоимение.

Общим вопросом пользуются, чтобы получить подтверждение или опровержение каких-нибудь предложений говорящего, например:

傷人乎? («Лунь юй», X, 17) Шан¹ жэнь² ху²? 'Ранило ли кого-нибудь из людей?';

能復飲乎? («Ши цзи», 7) Нэн² фу⁴ инь³ ху²? 'Можешь ли выпить еще?'

Общий вопрос, как видно из примеров, не содержит вопросительных местоимений. Он образуется с помощью вопросительной частицы в конце предложения (при частном вопросе, т. е. при наличии в предложении вопросительного слова, такая частица возможна, но встречается редко).

Предложение-дополнение тоже могло быть вопросительным, подобно самостоятельному предложению. Частный вопрос при этом выражался точно так же, как и в самостоятельном предложении. С общим вопросом дело обстоит сложнее: частицу здесь употребить нельзя было, так как она относилась бы к предложению в целом, а не к его части — предложению-дополнению. Поэтому для выражения общего вопроса к концу предложения-дополнения добавляли отрицание 否 фой³ 'не' (вроде русского «... или нет?»), например:

世莫知其然否 («Ши цзи», 63) Ши⁴ мо⁴ чжи¹ ци² жань² фой³ 'В наше время никто не знает, так это или нет'.

Иероглиф 否 фой³ — это, собственно, лишь особое написание обычного отрицания, которое в других случаях пишется 不. В древнекитайском языке оба знака читались одинаково; написание 否 употреблялось вместо 不 в конце предложения. Позднее в разговорном языке появилось новое отрицание (современное 不⁴), но для записи его взяли старый иероглиф 不, который, таким образом, получил чтение 不⁴; поэтому сейчас 否 и 不 читаются уже по-разному. Но первоначально никакой разницы между ними, кроме графической, не было.

Независимо от деления предложений на повествовательные, повелительные и вопросительные, их можно разделить еще на положительные и отрицательные. Отрицательными считаются те, в которых перед сказуемым стоит отрицание.

Важнейшими отрицаниями древнекитайского языка являются 不 бу⁴, 未 вэй⁴ и 無 у². Первое — обычное отрицание, не имеющее никаких дополнительных оттенков. Второе — 未 вэй⁴ — значит 'еще не'. Оно соответствует в положительном предложении показателю прошедшего предшествующего времени 既 жи⁴ (已 и³) или конечной частице 矣 и³, например: 由也, 升堂矣, 未入於室也 («Лунь юй», XI, 15) Ю² е³, шэн¹ тан² и³, вэй⁴ жу⁴ юй¹ ши⁴ е³ 'Ю уже поднялся в главный зал [учения], но еще не вошел в [его] внутренние покои'.

Перед показателем давнопрошедшего времени — 嘗 чан² — также употребляется только отрицание 未 вэй⁴, а не 不 бу⁴; сочетание 未嘗 вэй⁴ чан² значит 'никогда'. После этого сочетания в свою очередь может быть добавлено 不 бу⁴: 未嘗 не вэй⁴ чан² бу⁴ 'всегда' (досл. 'никогда не было, чтобы не...').

Третье отрицание, 無 у², употребляется в повелительных предложениях, т. е. выражает запрещение:

碩鼠碩鼠，無食我麥 («Ши цзин», «Го фэн», IX, 7) Ши² шу³ ши² шу³, у² ши² во³ май⁴ 'Большие крысы, большие крысы, не ешьте нашу пшеницу';

無畏! 寧爾也 («Мэн цзы», VIIб, 4) У² вэй⁴! Нин² эр³ е³ 'Не бойтесь! Я несу вам мир'.

Эти три отрицания имеют сходные грамматические свойства. Они употребляются перед бессвязочным сказуемым, а также иногда перед предикативом в других синтаксических функциях. Некоторые другие слова древнекитайского языка по их значению тоже могут считаться отрицаниями, но имеют другие грамматические особенности. К их числу принадлежит, в частности, местоимение 莫 мо⁴ 'никто', о котором мы уже говорили. Далее, есть отрицательная связка 非 фэй¹ 'не есть', 'не является' и глагол 無 у² 'нету', 'не имеется' (антоним слова 有 ю³ 'есть', 'имеется'), например:

子非魚，安知魚之樂? («Чжуан-цзы», XVII, 6) Цзы³ фэй¹ юй², ань¹ чжи¹ юй² чжи¹ лэ⁴? 'Вы же не рыба, откуда вы знаете, что рыба радуется?';

羊牛有角，馬無角 («Гунсунь Лун-цзы», 4) Ян² ню² ю³ цзюэ², ма³ у² цзюэ², 'У барана и быка есть рога, у лошади нет рогов'.

Глагол 無 у² 'нету' фонетически и по написанию совпадает с запретительным отрицанием 無 у² 'не...!' Однако в доклассическом древнекитайском в значении «нету» употреблялись другие слова, несколько отличавшиеся по произношению от слова, выражающего запрещение. Эти два отрицания («нету» и «не...!») перестали различаться только в классический период. В поздний период в свою очередь слово 莫 мо⁴ 'никто' постепенно начинает вытеснять 無 у² в запретительном значении.

Наконец, существует еще отрицание 微 вэй² 'если бы не было', 'если бы не', 'без'. Оно употребляется в придаточном условном предложении и может управлять существительным или целым предложением. Например:

微禹，吾其魚乎 («Цзо чжуань» 1-й год Чжао-гуна) Вэй² Юй³, у² ци² юй² ху² 'Если бы не император Юй, [который победил потоп], мы бы [жили как] рыбы'.

В значении, очень близком к 微 вэй², употребляется также слово 非 фэй¹, например:

民非水火不生活 («Мэн-цзы», VIIа, 23) Мин² фэй¹ шуй³ хо³ бу⁴ шэн¹ хо² 'Без воды и огня народ не [может] жить'.

Значение слова 非 фэй¹ в этом примере резко отличается от обычного его значения как отрицательной связки.

Отрицательное предложение обладает любопытным грамматическим свойством: если в нем дополнением без предлога является местоимение, оно ставится не после сказуемого, как обычно, а после отрицания, например:

爾無我叛 («Цзо Чжуань», 16-й год Чжао-гуна) Эр² у² во³ пань⁴ 'Не бунтуйте против меня';

莫之能禦也 («Мэн-цзы», IIа, 1) Мо⁴ чжи¹ нэн² юй⁴ е³ 'Никто не сможет воспротивиться этому'.

Как видно из второго примера, если отрицание стояло перед модальным глаголом, последний выступал вместе со следующим за ним обычным глаголом как единое целое.

Если местоимение 之 чжи¹ 'его' оказывалось после отрицания 不 бу⁴, оно сливалось с ним в один слог 弗 фу²; таким же образом, если 之 чжи¹ 'его' оказывалось после запретительного отрицания 無 у², оно сливалось с ним в один слог 勿 у⁴. Слова 弗 фу² и 勿 у⁴ в древнекитайском языке оканчивались согласным -i, который и представлял собой остаток местоимения. Итак, слова 弗 фу² и 勿 у⁴ значат соответственно 'не ... его' и 'не ... его!' (или 'не... это' и 'не... это!'). Например:

得之則生，弗得則死 («Мэн-цзы», VIа, 10) Дэ² чжи¹ цзэ² шэн¹, фу² дэ² цзэ² сы³ 'Если получишь это (пищу и питье), будешь жив, если не получишь этого, умрешь';

楚人曰：勿殺... 莒人殺之 («Цзо чжуань», 9-й год Чэн-гуна) Чу³ жэнь² ю¹: у⁴ ша¹. ... Цзюй³ жэнь² ша¹ чжи¹ 'Люди из государства Чу сказали: «Не убивайте его»... Люди из государства Цзюй убили его'.

Впрочем, после отрицания 不 бу⁴ местоимение 3-го лица может просто выпасть, не оставив никаких следов.

Правило о необычном положении дополнения действует и в том случае, если отрицание стоит перед глаголом, который не является сказуемым предложения. С другой стороны, это правило не распространяется на предложения с отрицаниями 無 у² 'нету' и 非 фэй¹ 'не есть'.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ

Отношения между подлежащим и сказуемым в древнекитайском языке — обычно такие же, как в русском. Например, если сказуемое обозначает действие, то подлежащее указывает действующее лицо; если сказуемое обозначает качество, подлежащее указывает носителя качества, и т. п. Но кроме того, древнекитайское подлежащее может иметь значение места. Иногда обыкновенное существительное, стоящее на обычном месте подлежащего и не имеющее после себя послелога, обозначает место действия, причем это его необычное грамматическое значение никак формально не выражается, например: 道不拾遺，山無盜賊 («Ши цзи», 68) Дао⁴ бу⁴ ши² и², шань¹ у² дао⁴ цзэй² 'На дорогах не подбирали потерянного, в горах не было разбойников и воров'.

Подлежащим могут быть также слова, по самой своей грамматической природе обозначающие не предмет, а место — послелого (или сочетания существительного с послелогом), причем они встречаются и перед таким сказуемым, которое трудно себе представить без подлежащего, в частности перед связочным сказуемым, например:

四海之内, 皆兄弟也 («Лунь юй», XII, 5) *Сы⁴ хай³ чжи¹ нэй⁴, цзе¹ сюн¹ ди⁴ е³* 'Между четырьмя морями все [люди] — братья';

其中爲公田 («Мэн-цзы», IIIa, 3) *Ци² чжун¹ вэй² гун¹ тянь²* 'Посредине [находится] общественное поле'.

Если подлежащее предложения обозначает место, после него нельзя добавить обозначение действующего лица. Поэтому нельзя предположить, что подлежащее в таких примерах опущено; слово со значением места в них действительно является подлежащим.

Слова со значением времени (вроде *昔 си²* 'прежде'), стоящие в начале предложения, тоже имеют нечто общее с подлежащим; например, в зависимых предложениях (где после подлежащего обычно ставится служебное слово *之 чжи¹*), если подлежащего нет и предложение начинается со слова типа *昔 си²* 'прежде', *之 чжи¹* ставится после такого слова, как если бы оно было подлежащим. Тем не менее это не подлежащее, потому что в предложении может иметься одновременно и слово со значением времени, и следующее за ним настоящее подлежащее.

Сказуемое в древнекитайском языке бывает связочное и бессвязочное. Бессвязочное сказуемое было уже рассмотрено выше в связи с вопросом о разделении знаменательных слов на имена и предикативы. Напомню, что сказуемым без связки в древнекитайском могут быть не только глаголы, но и прилагательные, числительные и послелого, а иногда и некоторые существительные.

Существительное в большинстве случаев бывает связочным сказуемым. Связкой в классическом древнекитайском является слово *也 е³*, которое ставится в конце предложения и может поэтому рассматриваться как особая конечная частица, например:

孔子賢人也 («Чжань го цэ», «Чжао цэ», III, 9) *Кун³ цзы³ сянь² жэнь² е³* 'Конфуций был мудрый человек'.

В отрицательном связочном предложении вместо обычного отрицания *不 бу⁴* употребляется специальное отрицание *非 фэй¹*, например:

白馬非馬 («Гунсунь Лун-цзы», 2) *Бай² ма³ фэй¹ ма³* 'Белая лошадь не есть лошадь'.

Это отрицание исторически представляет собой слияние двух слов в один слог. В доклассическом древнекитайском существовала связка *唯 (維) вэй²*, которая ставилась не в конце

предложения, а перед группой сказуемого, как в европейских языках. Отрицание *不 бу⁴* помещалось непосредственно перед этой связкой и обычно сливалось с ней, образуя слог *非 фэй¹* (или *匪 фэй³*). В классический период функции слова *唯 вэй²* изменились, оно превратилось в частицу со значением 'только'; но слово *非 фэй¹* 'не есть' продолжало употребляться как и раньше. Если перед сказуемым стоит отрицание *非 фэй¹*, связка *也 е³* может отсутствовать, так как это отрицание само уже содержит в себе связку.

В вопросительном предложении при связочном сказуемом употребляется конечная вопросительная частица *與 юй²* или *耶 (邪) е²*, а при бессвязочном — *乎 ху²*. Разница между двумя первыми частицами — диалектная: в конфуцианских памятниках употребляется только *與 юй²*, в остальных — преимущественно *耶 е²*. И ту, и другую частицу можно объяснить как слияние связки *也 е³* и обычной вопросительной частицы *乎 ху²*: в древнекитайском языке частицы *與 юй²*, *耶 е²* и *也 е³* одинаково начинались с согласного *d*, а с другой стороны *與 юй²*, *耶 е²* и *乎 ху²* имели одну и ту же финаль — *a* и одинаковый тон.

Итак, в древнекитайском языке классического периода были три связки: положительная *也 е³* 'есть', отрицательная *非 фэй¹* 'не есть' и вопросительная *與 юй²* (или *耶 е²*) 'есть ли'. Отрицательная связка стояла перед группой сказуемого, остальные две — в конце предложения.

Все три связки употреблялись и как настоящие частицы, т. е. они могли стоять и при сказуемом-предикативе; в этом случае предложение и без них было законченным, и они, подобно другим частицам, лишь придавали ему некоторые дополнительные оттенки.

Частица *也 е³* после сказуемого, не требующего связки, придает предложению характер настойчивого утверждения, подчеркивает уверенность говорящего лица в справедливости того, что он говорит, или обращает внимание на важность сказанного (эти оттенки трудно отразить в русском переводе). Например:

將軍攻狄, 不能下也 («Чжань го цэ», «Ци цэ», VI, 4) *Цзян¹ цзюнь¹ гун¹ Ди², бу⁴ нэн² ся⁴ е³* '[Я утверждаю, что] если вы, генерал, атакуете город Ди, вы не сможете его взять'.

Далее, частица *也 е³* может показывать, что предложение, содержащее ее, сообщает причину какого-то факта, о котором рассказано раньше, или как-то иначе объясняет, комментирует его. Например:

鮑叔不以我爲貪, 知我貧也 («Ши цзи», 62) *Бао⁴ шу¹ бу⁴ и³ во³ вэй² тань¹, чжи¹ во³ пинь² е³* 'Бао-шу не считал меня жадным, так как он знал, что я беден'.

王曰: ...皆聚於中軍矣。曰: 合謀也 («Цзо чжуань», 16-й год Чэн-гуна) *Ван² юэ¹: ... цзе¹ цзюй⁴ юй¹ чжун¹ цзюнь¹ и³. Юэ¹:*

хэ² mou² е³ 'Царь сказал: «... Вот теперь они все собрались в середине лагеря». [Бо Чжоу-ли] сказал: «Это значит, что они все вместе совещаются между собой»'.

Те же дополнительные оттенки (подчеркивание важности сообщения, разъяснение сказанного ранее) получает предложение со сказуемым-предикативом, если в нем для выражения отрицания будет употреблено 非 фэй¹ или для выражения вопроса — 與 юй² (耶 е²). При этом отрицание 非 фэй¹ особенно часто употребляется при наличии противопоставления:

趙王獵耳，非爲寇也 («Ши цзи», 77) Чжао⁴ ван² ле⁴ эр³, фэй¹ вэй⁴ коу⁴ е³ 'Царь Чжао просто охотится, а не имеет целью напасть [на нас]'.

Впрочем, и обычное связочное сказуемое в отдельных случаях служит для объяснения причины, например:

城門之軌，兩馬之力與? («Мэн-цзы», VIIб, 22) Чэн² мэнь² чжи¹ гуй³, лян³ ма³ чжи¹ ли⁴ юй²? 'Разве колея в городских воротах получилась от усилий [только одной] пары лошадей?'

Помимо 也 е³ и других связок, описанных выше, в древнекитайском языке существовало еще одно служебное слово со связочной функцией — 爲 вэй² (оно не имело ничего общего со связкой 唯 вэй² доклассического периода: древнее произношение этих двух слов было совершенно разным). Связка 爲 вэй² происходит от знаменательного глагола 爲 вэй² 'делать'. Если обычное связочное предложение разъясняет, что представляет собой предмет, обозначенный подлежащим, то предложение со связкой 爲 вэй² преимущественно указывает на временную функцию субъекта (например, на должность) или на превращение одного предмета в другой, например:

曹沫爲魯將 («Ши цзи», 86) Цао² Мо⁴ вэй² Лу³ цзян⁴ 'Цао Мо был главнокомандующим в государстве Лу';

高岸爲谷，深谷爲陵 («Ши цзин», «Сяо я», IV, 9) Гао¹ ань⁴ вэй² гу³, шэнь¹ гу³ вэй² лин² 'Высокие берега превратились в долины, глубокие долины стали холмами'.

Связка 爲 вэй² может стоять не только перед существительным, но и перед прилагательным. В этом случае она имеет подчеркивающее значение, и прилагательное обычно переводится в превосходной степени, например:

民爲貴，...君爲輕 («Мэн-цзы», VIIб, 14) Минь² вэй² гуй⁴,... цзюнь¹ вэй² цин¹ 'Народ — это самое драгоценное ... государь — это самое неважное'.

Сказуемое со связкой 爲 вэй² имеет формальные свойства глагольного, а не именного сказуемого: перед ним могут стоять модальные глаголы, показатели времени, определительные местоимения — слова, всегда связанные с предикативом, а не с именем, оно может иметь дополнение с предлогом, и т. п.

ДОПОЛНЕНИЕ

Дополнение стоит (одно или со своими определениями) после бессвязочного сказуемого (обычно глагола) или предлога.

О дополнениях, стоящих непосредственно после глагола, уже подробно говорилось выше, в связи с вопросом о классификации глаголов. Существует три основных вида беспредложных дополнений. Дополнение к переходным глаголам обозначает объект действия, т. е. лицо или предмет, которые как-то изменяют свое состояние (в частности, создаются или уничтожаются) под влиянием направленного на них действия, например: 殺人 ша¹ жэнь² 'убить человека', 掘井 цзюэ² цзин³ 'выкопать колодезь'. Такой же характер имеет дополнение при словах, употребленных в каузативном (побудительном) значении. Дополнение к глаголам, которые могут иметь после себя зависимое предложение, обозначает объект чувства или умственной деятельности, например 好樂 хао⁴ юэ⁴ 'любить музыку'. Сюда относится также дополнение к прилагательному, когда последнее имеет значение «считать таким-то». Наконец, третий вид дополнения — это дополнение со значением места. Оно возможно после глаголов со значением движения и пребывания на месте. Формально оно отличается от первых двух видов дополнений тем, что перед ним всегда можно вставить предлог 於 юй¹ без того, чтобы значение конструкции изменилось: сочетания 反魯 фань³ Лу³ и 反於魯 фань³ юй¹ Лу³ одинаково значат 'вернуться в государство Лу'.

Дополнение с предлогом может стоять и после сказуемого, и перед ним. Предлогов в древнекитайском языке немного: настоящими предлогами можно считать только 於 юй¹, 以 и³, 與 юй³, 爲 вэй⁴, 自 цзы⁴ и 由 ю².

Предлог 於 юй¹ имеет фонетические варианты 于 юй² и 乎 ху². В классической литературе встречается только форма 于 юй². В «Цзо чжуане» и «Го юе» 于 юй² сохранилось при ряде глаголов, имеющих отношение к войне и дипломатии, в остальных случаях используется форма 於 юй¹. Для остальных намятников нормой является 於 юй¹, но встречается и 乎 ху².

Дополнение с 於 юй¹ имеет два основных значения: во-первых, оно указывает косвенный объект действия — лицо, которому нечто дается или у которого нечто берется; во-вторых, оно обозначает место или направление действия. Например:

乞食於野人 («Цзо чжуань», 23-й год Си-гуна) Ци² ши² юй¹ е³ жэнь² 'Он попросил еды у крестьянина';

將飲馬於河而歸 («Цзо чжуань», 12-й год Сюань-гуна) Цзян¹

инь⁴ ма³ юй¹ Хэ² эр² гуй¹ 'Они собирались напоить коней в реке Хуанхэ и вернуться'.

Предлог 於 юй¹ может также вводить название действующего лица при переходных глаголах, употребленных пассивно. Далее, дополнение с предлогом 於 юй¹ после прилагательного обозначает предмет, с которым производится сравнение, например:

季氏富於周公 («Лунь юй», XI, 17) Цзи⁴ ши⁴ фу⁴ юй¹ Чжоу¹ гун¹ 'Глава рода Цзи был богаче Чжоу-гуна'.

Есть и другие, более редкие значения. Вообще из всех предлогов 於 юй¹ наиболее многозначный.

Дополнение с предлогом 於 юй¹, как правило, ставилось после сказуемого; в некоторых значениях это было единственно возможное его место.

Для дополнения с предлогом 以 и³ основным является значение орудия действия, например:

王何以戈擊之 («Цзо чжуань», 28-й год Сян-гуна) Ван² Хэ² и³ гэ¹ цзи¹ чжи¹ 'Ван Хэ ударил его алебардой'.

Такое дополнение может также указывать, по какой причине или на каком основании совершается действие, например:

孔子辭以疾 («Лунь юй», XVII, 20) Кун³ цзы³ цы² и³ цзи¹ 'Конфуций отказался [принять его], сославшись на болезнь'.

Предлог 以 и³ имеет и другие значения; в частности, он может вводить дополнение со значением предмета при глаголах давания. Дополнение с этим предлогом может ставиться как перед глаголом, так и после него.

Предлог 與 юй³ 'с' выражает отношения совместности, например:

來! 予與爾言 («Лунь юй», XVII, 1) Лай²! Юй² юй³ эр³ янь² 'Иди сюда! Я [хочу] поговорить с тобой'.

Этот предлог может выражать не только отношения между дополнением и сказуемым, но и сочинительную связь между двумя существительными или местоимениями. В таких случаях он соответствует русскому сочинительному союзу «и» (иногда «или»). Например:

我與若知之 («Чжуан-цзы», XXII, 1) Во³ юй³ жо⁴ чжи¹ чжи¹ 'Я и ты знаем об этом'.

Однако в большинстве случаев сочинительная связь выражается без помощи служебных элементов, простым порядком слов.

В доклассическом языке и в диалекте исторических памятников вместо 與 юй³ часто употребляется предлог 及 цзи² с теми же значениями, например:

陳及鄭平 («Цзо чжуань», 25-й год Сян-гуна) Чэнь² цзи² Чжэн⁴ пин² 'Государство Чэнь заключило мир с государством Чжэн'.

Предлог 爲 вэй⁴ имеет значение 'для'; стоящее после него дополнение обозначает лицо, ради которого совершается действие, иногда — цель действия. Например:

冉子爲其母請粟 («Лунь юй», VI, 4) Жань³ цзы³ вэй⁴ ци² му³ цин³ су⁴ 'Господин Жань попросил проса для своей матери'.

Последние два предлога — 自 цзы⁴ и 由 ю² — имеют одинаковое основное значение и оба переводятся 'из', например:

女自房觀之 («Цзо чжуань», 1-й год Чжао-гуна) Нюй³ цзы⁴ фан² гуань¹ чжи¹. 'Девушка смотрела на них из комнаты'.

Дополнения со всеми предлогами, кроме 於 юй¹ и 以 и³, ставятся, как правило, перед сказуемым; только 及 цзи² и 自 цзы⁴ могут иногда находиться после сказуемого (главным образом в древнейших памятниках). Таким образом, чем более многозначным является предлог и чем более общими, отвлеченными значениями он обладает, тем чаще дополнение с этим предлогом следует за сказуемым; напротив, предлоги с сравнительно конкретным значением чаще предшествуют сказуемому.

Мы уже знаем, что вместо сочетания предлога 於 юй¹ с местоимением 3-го лица употребляется особое местоимение 焉 янь¹. Что касается предлогов 以 и³, 與 юй³ и 爲 вэй⁴, то после них местоимение 3-го лица часто опускается, и тогда они оказываются непосредственно перед глаголом, например: 以告之 и³ гао⁴ чжи¹ 'сказал ему об этом', 與戰 юй³ чжань⁴ 'сразился с ним'.

Некоторые предлоги могут управлять не только словом, но и целым зависимым предложением. В частности, 以 и³ и 爲 вэй⁴ управляют предложением со значением причины. В этом случае они значат «потому что», «из-за того что». Предлог 爲 вэй⁴ имеет несколько более узкое значение, чем 以 и³, он указывает не на объективную причину, а скорее на мотивы действия («принимая во внимание, что»). Например:

我以伐君在此矣 («Цзо чжуань», 13-й год Дин-гуна) Во³ и³ фа² цзюнь¹ цзай⁴ цы³ и³ 'Из-за того, что я нанал на государя, я оказался здесь [в изгнании]'.

天不爲人之惡寒也輟冬 («Сюнь-цзы», XVII, 3) Тянь¹ бу⁴ вэй⁴ жэнь² чжи¹ у⁴ зань² е³ чо⁴ дун¹ 'Небо не отменяет зиму из-за того, что человек не любит холода'.

Дополнение с предлогом в большинстве случаев подчинено сказуемому. Однако предлог вместе с зависящим от него словом может и сам быть употреблен как сказуемое предложения (правда, часто при этом видно, что подлинное сказуемое опущено, и оно легко восстанавливается из контекста). Например:

禹八年於外 («Мэн-цзы», IIIa, 4) Юй³ ба¹ нянь² юй¹ вай⁴ 'Император Юй восемь лет [находился] вдали от дома'.

奚自? («Лунь юй», XIV, 41) *Си² цзы⁴? 'Откуда [ты]?'*;

臣聞以德和民, 不聞以亂 («Цзо чжуань», 4-й год Инь-гуна) *Чэнь² вэнь² и³ дэ² хэ² минь², бу⁴ вэнь² и³ луань⁴* 'Я слышал, что добиться согласия в народе можно добродетелью, но не слышал, чтобы [этого можно было достичь] беспорядками'.

Таким образом, различие между глаголом и предлогом состоит не в том, что глагол обычно бывает в предложении сказуемым; предлог с зависящим от него словом тоже может выполнять эту функцию. Однако предлоги могут занимать в предложении место, не свойственное глаголам. Так, часть предлогов может стоять после глагола-сказуемого, между тем как глагол, если он подчинен другому глаголу, всегда находится перед ним. Кроме того, любой предлог, кроме 於 *юй¹*, может вставляться между служебным словом 所 *со³* и следующим глаголом (об этой конструкции будет подробнее сказано ниже); таким же образом предлог может отделять глагол от показателей залога и модальных прилагательных. С другой стороны, дополнение с предлогом очень редко отделяется от сказуемого служебным словом 而 *эр²*, которое обычно ставится между двумя грамматически связанными между собой глаголами.

В ходе истории древнекитайского языка в нем появилось несколько новых предлогов; самым ранним из них (III в. до н. э.) был 從 *цун²* — третий предлог со значением 'из'. Кроме того, в нем было некоторое количество слов, которые обычно переводятся предлогами, но не имеют формальных признаков, свойственных этому разряду слов.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ К СКАЗУЕМОМУ И СЛУЖЕБНОЕ СЛОВО 而 *эр²*

Неоформленным определением к глаголу-сказуемому может быть существительное, прилагательное, числительное, послелог. Примеры были приведены выше при рассмотрении функций отдельных частей речи. Однако после определения к глаголу может стоять и специальное служебное слово 而 *эр²*. После определения, состоящего из одного слова (слога), 而 *эр²* встречается редко, но после двухсложного определения оно почти обязательно; например, 中道而反 *чжун¹ дао⁴ эр² фань³* 'вернуться с середины пути'.

Слово 而 *эр²* обязательно также в том случае, если определение само тоже представляет собой глагол или целое зависимое предложение. Такое определение имеет много общего со сказуемым; в частности, оно может иметь дополнение, перед ним можно поставить отрицание. Иногда глагол-определение переводится на русский язык дееприча-

стием, но чаще бывает удобнее перевести его финитным глаголом и соединить с главным глаголом с помощью союза.

В зависимости от того, является ли глагол, употребленный как определение, предельным или неопредельным, два слова, соединенные с помощью 而 *эр²*, обозначают последовательные или одновременные действия, например:

孔子... 取瑟而歌 («Лунь юй», XVII, 20) *Кун³ цзы³... цюй³ сэ⁴ эр² гэ¹* 'Конфуций... взял цитру и запел';

哭而送之 («Цзо чжуань», 4-й год Чжао-гуна) *Ку¹ эр² сун⁴ чжи¹* 'Она плача проводила его'.

Глагол-определение может иметь также различные дополнительные значения, например способа совершения действия или причины действия (последнее обычно наблюдается у глаголов чувства):

匠人斲而小之... («Мэн цзы», Iб, 9) *Цзян⁴ жэнь² чжо² эр² сяо³ чжи¹...* 'Если плотник, обрубив его (бревно), уменьшит его...';

吾聞之, 喜而不寐 («Мэн-цзы», VIб, 13) *У² вэнь² чжи¹, си³ эр² бу⁴ мэй⁴* 'Когда я услышал об этом, я от радости не [мог] заснуть'.

Наконец, 而 *эр²* может просто служить для противопоставления двух действий, состояний или качеств. В таких случаях обычно перед сказуемым или перед определением к нему стоит отрицание либо слова, соединенные с помощью 而 *эр²*, являются антонимами. Например:

爾... 不耕而食, 不織而衣 («Чжуан-цзы», XXIX, 1) *Эр³... бу⁴ гэн¹ эр² ши², бу⁴ чжи¹ эр² и⁴* 'Ты... не папешь, а ешь, не ткешь, а одеваешься'.

Если глагол-определение не имеет дополнения, а после глагола-сказуемого стоит местоимение 3-го лица 之 *чжи¹* 'его', оно обычно относится к обоим глаголам одновременно, т. е. оба действия имеют один и тот же объект, например:

受而飲之 («Цзо чжуань», 16-й год Чэнь-гуна) *Шоу⁴ эр² инь³ чжи¹* 'Он принял его (вино) и выпил'.

Во всех примерах, которые были приведены выше, субъект действия, обозначенного глаголом-определением, совпадает с подлежащим предложения. Но так бывает далеко не всегда. Если два действия, названия которых соединены служебным словом 而 *эр²*, принадлежат разным лицам, это означает, что определением к сказуемому является целое зависимое предложение. Существительное, стоящее в начале предложения, в одних случаях связано с первым, в других — со вторым глаголом, т. е. является подлежащим то зависящего, то главного предложения, например:

雞初鳴而衣服 («Ли цзи», VIII, 1) *Цзи¹ чу¹ мин² эр² и⁴ фу²* 'Когда петухи пели в первый раз, он одевался';

道行之而成 («Чжуан-цзы», II, 4) *Дао⁴ чин² чжи¹ эр² чин²* 'Дорога получается потому, что по ней ходят'.

Если подлежащее есть и в главном, и в зависимом предложении, предложение с 而 эр² ставится перед главным предложением в целом, а не перед его сказуемым, например:

兵未發而晉伐鄭 («Ши цзи», 66) Бин¹ вэй⁴ фа¹ эр² Цзинь⁴ фа² Чжэн⁴ 'Не успела еще армия выступить в поход, как государство Цзинь напало на государство Чжэн'.

После 而 эр² иногда ставится слово 後 хой⁴ (букв. 'потом'), которое подчеркивает, что второе действие никак не могло совершиться раньше первого. На русский язык сочетание 而後 эр² хой⁴ переводится словом 'только' (или 'только когда', 'только после того как') перед глаголом-определением, иногда — словами 'прежде чем' перед сказуемым. Например:

醒而後知之 («Цзо чжуань», 30-год Сян-гуна) Син³ эр² хой⁴ чжи¹ чжи¹ 'Только после того как он протрезвел, он узнал [о том, что произошло]'.

В ряде случаев, хотя далеко не всегда, вместо 而 эр² можно в той же конструкции употребить другое служебное слово — 以 и³, например:

楚人伐宋以救鄭 («Цзо чжуань», 22-й год Си-гуна) Чу³ жэнь² фа² Сун⁴ и³ цю⁴ Чжэн⁴ 'Люди из государства Чу напали на государство Сун, чтобы защитить государство Чжэн'.

Хотя это 以 и³, стоящее между двумя глаголами, обычно переводят как «чтобы», в действительности оно вовсе не обозначает цель действия. Вероятно, оно является (по крайней мере по происхождению) предлогом с опущенным после него местоимением 3-го лица; глагол перед 以 и³ всегда показывает, каким образом совершается главное (второе) действие. Поэтому приведенный выше пример дословно значит: 'Люди из государства Чу, напав на государство Сун, этим защитили государство Чжэн'.

Предлог 以 и³ вместо обычного служебного слова 而 эр² может употребляться не только в позиции после глагола, но и после других определений к сказуемому, например:

箠食壺漿以迎王師 («Мэн-цзы», 16, 10) Дань¹ сы⁴ ху² цзян¹ и³ ин² ван² ши¹ 'Они встречали войско царя корзинами еды и кувшинами кислого напитка'.

В значении, близком к 而 эр², может употребляться также 且 це³; но оно чаще соединяет два прилагательных, чем два глагола. Это служебное слово имеет и ряд других значений.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ К СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМУ И СЛУЖЕБНОЕ СЛОВО 者 ЧЖЭ³

Определение к существительному имеет одни и те же свойства, независимо от того, является ли существительное в предложении подлежащим, дополнением или именной частью сказуемого.

Определение, стоящее перед существительным, как и определение к сказуемому, может быть неоформленным или оформленным; в последнем случае после него имеется специальное служебное слово 之 чжи¹ (фонетически совпадающее с местоимением 3-го лица и, может быть, имеющее с ним общее происхождение). Определения, состоящие более чем из одного слова (слога), почти всегда бывают оформлены. Кроме того, одиночное (т. е. само не имеющее определений) существительное, употребленное как определение к другому существительному, получает после себя 之 чжи¹, если определение имеет притяжательное значение, например: 堯之宮 Яо² чжи¹ гун¹ 'дворец [императора] Яо', 舜之妻 Шунь⁴ чжи¹ ци¹ 'жена [императора] Шуня'. Определением к существительному может быть, кажется, любая часть речи; в этой функции можно употребить также различные словосочетания или даже целое зависимое предложение.

Особый вид определения, не встречающийся в русском языке (равно как и в современном китайском), — определение, в котором перечисляются различные разновидности того, что обозначено определяемым, например: 弓戟之兵 гун¹ цзи³ чжи¹ бин¹ 'оружие, как, например, лук или копье-трезубец'; 水旱之災 шуй³ хань⁴ чжи¹ цзай¹ 'наводнение, засуха и другие стихийные бедствия'.

До сих пор речь шла об определении, стоящем перед существительным. Но в древнекитайском языке существует и постпозитивное определение к существительному. В частности, рассматривая числительное, мы видели, что сочетание числительного с названием меры может иногда стоять после определяемого.

Постпозитивное определение другого типа образуется от бессвязочного сказуемого, т. е. им могут быть только такие слова или сочетания слов, которые могут употребляться как бессвязочное сказуемое. Определение этого типа всегда бывает оформлено: после существительного-определяемого ставится служебное слово 之 чжи¹, а после определения — служебное слово 者 чжэ³ (одно из этих двух слов — чаще первое — иногда опускается). В остальном же определение этого типа имеет такую же форму или состав, как и группа сказуемого, от которого оно образовано. Сравним:

人見之 Жэнь² цзянь² чжи¹ 'Люди видели это';

人之見之者 жэнь² чжи¹ цзянь² чжи¹ чжэ³ 'те люди, которые видели это'.

Постпозитивное определение всегда имеет выделительное значение, т. е. всегда подразумевается, что признак, сообщаемый в определении, относится не ко всем лицам или предметам, обозначенным в определяемом. Например, приведенное выше сочетание слов можно употребить только в том

случае, если говорящий хочет показать, что «далеко не все видели это».

Если в качестве постпозитивного определения употреблено прилагательное, оно обычно переводится в превосходной степени, например: 城之大者 чэн² чжи¹ да⁴ чжэ³ 'самый большой из городов' (досл. 'тот город, который большой').

Постпозитивное определение может субстантивироваться, т. е. определяемое (вместе с 之 чжи¹) может быть опущено, и тогда определение само употребляется в предложении в тех функциях, в которых обычно употребляется существительное; чаще всего оно бывает подлежащим, например:

知者不惑 («Лунь юй», IX, 29) Чжи⁴ чжэ³ бу⁴ хо⁴ 'Тот, кто мудр, не сомневается';

逆天者亡 («Мэн-цзы», IVa, 7) Ни⁴ тьянь¹ чжэ³ ван² 'Тот, кто ослушается неба, погибнет'.

Служебное слово 者 чжэ³ входит также в состав сочетаний, по значению близких к определительным местоимениям; в этом случае 者 чжэ³ ставится в конце предложения, а перед группой сказуемого (там, где обычно стоит определительное местоимение) вставляются слова 有 ю³ 'есть', 無 у² 'нет', 多 до¹ 'много' или 少 шао³ 'мало', например:

齊人無以仁義與王言者 («Мэн-цзы», IIб, 2) Ци² жэнь² у² и³ жэнь² и⁴ юй³ ван² янь² чжэ³ 'Никто из жителей государства Ци не говорит с царем о гуманности и долге';

羣臣多諫太子者 («Чжань го цэ», «Вэй цэ», II, б) Цюнь² чэнь² до¹ цзянь⁴ тай⁴ цзы³ чжэ³ 'Среди подданных многие укоряли наследника престола'.

Формально можно считать, что в таких конструкциях сказуемым являются слова 有 ю³ 'есть', 多 до¹ 'много' и т. д., а остальная часть предложения представляет собой субстантивированное определение, употребленное как дополнение к этим словам, т. е. например, конструкцию 無... 者 у²... чжэ³ 'никто из...' можно дословно перевести как 'среди... нет таких, которые говорят с царем о гуманности и долге'.

Наконец, 者 чжэ³ может употребляться для подчеркивания подлежащего связочного предложения (подобно русскому «это»); предложения, содержащие 者 чжэ³ в этом значении, имеют характер определения термина или комментария. Например:

地者, 國之本也 («Ши цзи», 110) Ди⁴ чжэ³, го² чжи¹ бэнь³ е³ 'Земля — это основа государства'.

Иногда перед 者 чжэ³ вставляется при этом связка 也 е³: 富也者, 福也 («Ли цзи», XI, 27) Фу⁴ е³ чжэ³, фу² е³ 'Богатство — это счастье'.

Перед 者 чжэ³ в этой последней конструкции могут стоять разные части речи, но все они переводятся на русский

язык существительными. Таким образом, сочетание одного и того же слова с 者 чжэ³, в зависимости от значения последнего, переводится на русский язык двумя разными способами; например, 射者 шэ⁴ чжэ³ (射 шэ⁴ — 'стрелять из лука') значит либо 'тот, кто стреляет из лука', либо 'стрельба из лука — это...' (примеры обоих значений этого сочетания действительно существуют в текстах).

СЛУЖЕБНОЕ СЛОВО 所 со³

Слово 所 со³ ставится только перед такими словами и словосочетаниями, которые могут иметь дополнение. Если из предложения удалить дополнение и перед группой сказуемого вставить 所 со³, образуется конструкция, употребляющаяся в функциях, обычно свойственных существительному. Эта конструкция имеет много общего с конструкцией, образуемой с помощью 者 чжэ³. Разница между ними состоит в том, что 者 чжэ³ заменяет название действующего лица, в то время как 所 со³ заменяет название объекта действия. Сравним:

殺之者 ша¹ чжи¹ чжэ³ 'тот, кто убил его', 'убивший его';
其所殺 ци² со³ ша¹ 'тот, кого он убил', 'убитый им'.

После конструкции с 所 со³ может стоять дополнительно слово 者 чжэ³ (особенно если конструкция не заканчивается собой предложением); ничего нового в значение конструкции оно не вносит.

Перед 所 со³ может стоять слово, обозначающее действующее лицо, иногда — место или время действия. Оно оформляется как определение, т. е. может иметь после себя служебное слово 之 чжи¹. Дополнение после глагола с 所 со³, как правило, отсутствует, так как название объекта действия как раз и заменяется словом 所 со³.

Если после 所 со³ стоит прилагательное, оно получает то же значение, что и в тех случаях, когда оно имеет дополнение («считать таким-то» или «сделать таким-то»); например, 其所善 ци² со³ шань⁴ значит 'то, что он считает хорошим'.

Между словом 所 со³ и следующим глаголом может быть вставлен любой предлог, кроме 於 юй¹. Сочетания 所 со³ с предлогом заменяют различные косвенные дополнения, в зависимости от значения предлога: 所以 со³ и³ значит 'то, чем' или 'то, почему' (т. е. 'причина, по которой...'), 所與 со³ юй³ — 'тот, с кем', 所自 со³ цзы⁴ — 'то, откуда' ('место, откуда'), и т. п., например:

此所以破燕也 («Чжань го цэ», VI, 4) Ци³ со³ и³ по⁴ Янь¹ е³ 'Это — причина того, что [вы] разбили государство Янь';

揖所與立... («Лунь юй», X, 3) И¹ со³ юй³ ли⁴... 'Когда он приветствовал того, с кем он стоял [рядом]...'

Чаще всего встречается сочетание 所以 со³ и³ 'причина того, что...'

Глагол, стоящий после сочетания 所 со³ с предлогом, сохраняет способность иметь свое обычное дополнение. Таким образом, глагол в составе конструкции с 所 со³ ведет себя таким же образом, как и глагол, сочетающийся с модальным прилагательным или показателем залога.

Предлог 於 юй¹ после 所 со³ не ставится; но 所 со³ само, без предлога, заменяет дополнение с 於 юй¹, когда стоит перед глаголом движения или пребывания на месте, либо перед переходным глаголом, сохраняющим беспредложное дополнение. В соответствии со значениями предлога 於 юй¹ слово 所 со³ в этих случаях значит 'там, где' или 'тот, у кого':

師之所處, 荊棘生焉 («Дао дэ цзин», 30) Ши¹ чжи¹ со³ чу³, цзин¹ цзи² шэн¹ янь¹ 'Там, где стояла армия, вырастает терновник';

盜所隱器, 與盜同罪 («Цзо чжуань», 7-й год Чжао-гуна) Дао⁴ со³ инь³ ци⁴, юй³ дао⁴ тун² цзуй⁴ 'Тот, у кого вор спрятал [украденную] вещь, так же виноват, как и сам вор'.

Конструкция с 所 со³ может употребляться в предложении как определение, например:

此韓非之所著書也 («Ши цзи», 63) Цы³ Хань² Фэй¹ чжи¹ со³ чжу⁴ шу¹ е³ 'Это — книга, которую написал Хань Фэй'.

Правда, до эпохи Хань такие примеры встречаются еще довольно редко.

Начиная с эпохи Хань, широкое распространение получает употребление конструкции с 所 со³ как сказуемого при связке 爲 вэй² 'стать'. В этом случае она переводится страдательным залогом глагола. Например:

遂爲虎所殺 («Соу шэнъ цзи», 2) Суй⁴ вэй² ху³ со³ ша¹ 'Поэтому он был убит тигром' (досл. 'стал тем, кого убил тигр').

Особое значение получает конструкция с 所 со³, являясь дополнением к глаголу 有 ю³ 'иметь' или 無 у² 'не иметь'. Сочетания 有所 ю³ со³ и 無所 у² со³ указывают на отсутствие или присутствие объекта действия и переводятся местоимениями: первое значит 'кого-нибудь', 'что-нибудь' (или 'кого-то', 'что-то'), второе — 'никого' или 'ничего', например:

荊軻有所待 («Чжань го цэ», «Янь цэ», III, 5) Цзин¹ Кэ¹ ю³ со³ дай⁴ 'Цзин Кэ кого-то ждал';

臣無所見 («Чжуан-цзы», XIX, 7) Чэнь² у² со³ цзянь⁴ 'Ваш слуга ничего не видел'.

Если глагол — непереходный или сохраняет дополнение, сочетание 無所 у² со³ перед ним заменяет дополнение с предлогом 於 юй¹ и значит 'негде', 'некуда', 'не у кого':

逃無所入 («Цзо чжуань», 20-й год Чжао-гуна) Тао² у² со³

жу⁴ 'Если бы [я] бежал, мне негде было бы искать убежища' (досл. 'некуда было бы войти').

Слово 所 со³ иногда опускается, так что глагол со значением «иметь» или «не иметь» оказывается непосредственно перед другим глаголом, например:

客無好也... 客無能也 («Чжань го цэ», «Ци цэ», IV, 1) Кэ⁴ у² хао⁴ е³... Кэ⁴ у² нэн² е³ 'Ваш слуга ничего не любит... Ваш слуга ничего не умеет'.

Мы знаем, что между 所 со³ и следующим глаголом может быть вставлен предлог. Однако 所 со³ между глаголом 有 ю³ (無 у²) и предлогом всегда опускается, т. е. предлог оказывается непосредственно между 有 ю³ (無 у²) и другим глаголом. Такое употребление наиболее обычно для 以 и³ — показателя орудных и причинных отношений, но возможно и для других предлогов. Например:

叟... 亦將有以利吾國乎? («Мэн-цзы», Ia, 1) Соу³... и⁴ цзян¹ ю³ и³ ли⁴ у² го² ху²? 'О старец! Вы... наверно собираетесь чем-то принести пользу моему государству?'

臣無由知之 («Цзо чжуань», 27-ой год Ай-гуна) Чэнь² у² ю² чжи¹ чжи¹ 'Мне, вашему подданному, неоткуда знать об этом'.

Слово 所 со³ или предлог со следующим глаголом чаще встречается после отрицательного глагола 無 у² 'не иметь', чем после 有 ю³ 'иметь'. Предлог в сочетании с 無 у² может частично утрачивать свое значение, и вся конструкция скорее просто подчеркивает невозможность действия.

ПОБУДИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Если действие, о котором говорится в предложении, совершается действующим лицом не по своей воле, а по желанию другого лица, употребляется побудительная конструкция. В этой конструкции перед названием действия стоят названия двух лиц (иногда — предметов), соединенных служебным словом 使 ши³ (первоначальное, знаменательное значение этого слова — 'послать', и в этом значении оно имеет свойства обычного переходного глагола); первое из этих лиц — то, по чьей воле совершается действие, второе — реальное действующее лицо, исполнитель действия. Например:

父母使舜完廩 («Мэн-цзы», Va, 2) Фу⁴ му³ ши³ Шунь⁴ вань² линь³ 'Отец и мать велели Шуню починить амбар'.

Названию действующего лица после 使 ши³ часто отсутствует, и тогда служебное слово оказывается непосредственно перед названием действия, например:

王使召之 («Цзо чжуань», 20-й год Чжао-гуна) Ван³ ши³ чжао⁴ чжи¹ 'Царь велел позвать их'.

Вместо слова 使 *ши*³ может быть употреблен какой-нибудь знаменательный глагол со значением «просить», «приказать», «посоветовать» и т. д. (об этих глаголах подробнее говорилось в разделе о переходных и непереходных глаголах). Однако в отличие от них 使 *ши*³ выражает побуждение, так сказать, в чистом виде, не осложненное никакими дополнительными лексическими оттенками. Можно сказать, что 使 *ши*³ так относится к другим глаголам, употребляющимся в той же конструкции, как в русском языке связка *быть* относится к различным так называемым «знаменательным связкам». В русском языке такого слова, обобщенно обозначающего побуждение, нет, и слово 使 *ши*³ следует переводить знаменательными словами, например: «послать», «велеть», «просить», «приказать», «позволить», «сказать, чтобы», «сделать так, чтобы» и т. п., подбирая нужное слово в соответствии с общим смыслом предложения.

Начиная с эпохи Хань, вместо 使 *ши*³ в том же обобщенном значении начинает употребляться другое слово — 令 *лин*⁴.

Конструкция с 使 *ши*³ может быть употреблена не только с глаголом, но и с прилагательным или с существительным, имеющим перед собой связку 爲 *вэй*² 'стать'. Тогда 使 *ши*³ значит 'сделать' («что каким» или «кого кем»).

Однако конструкция с этим последним значением от существительного может образовываться и иначе, а именно с помощью служебного слова 以 *и*³, перед существительным; сказуемым при этом ставится слово 爲 *вэй*², например:

將以其女爲后 («Цзо чжуань», 24-й год Си-гуна) Цзян¹ *и*³ цу² нюй³ вэй² хоу⁴ 'Он собирался сделать их (народа ди) женщиной царицей'.

Исторически 爲 *вэй*² в таких предложениях — не связка, а глагол 'делать', а 以 *и*³ — предлог (как в сочетаниях вроде 以木爲舟 *и*³ му⁴ вэй² чжоу¹ 'сделать из дерева лодку'); однако в примерах, подобных приведенному выше, значение этих слов уже заметно изменилось.

Еще чаще конструкция с 以 *и*³ и 爲 *вэй*² выражает мнение или предположение («считать кого-то каким-то», «думать о ком-то, что он...»). В этом значении после 爲 *вэй*² может стоять как существительное, так и предикатив, например:

吾以子爲鬼 («Чжуан-цзы», XIX, 9) У² *и*³ цзы³ вэй² гуй³ 'Я принял вас за злого духа';

吾以女爲死矣 («Лунь юй», XI, 23) У² *и*³ жу³ вэй² сы³ *и*³ 'Я думал, что ты погиб'.

Глагол после 爲 *вэй*² в таких случаях даже гораздо чаще встречается, чем существительное, и сохраняет все свои обычные свойства (например, может иметь дополнение).

Мы знаем, что после предлога 以 *и*³ местоимение 3-го лица, как правило, опускалось; это имело место и в кон-

струкции с 爲 *вэй*². Сочетание 以爲 *и*³ вэй² (с опущенным местоимением после 以 *и*³) часто ставилось после какого-нибудь другого глагола (который, вероятно, в таких случаях надо рассматривать как определение к сказуемому), например:

公輸子削竹木以爲鷗 («Мо-цзы», 49) Гун¹ шу¹ цзы³ сюэ⁴ чжу² му⁴ *и*³ вэй² цюэ⁴ 'Гуншу-цзы обстрогал [куски] бамбука и дерева и сделал из них сороку'.

Сочетание 以爲 *и*³ вэй² в этом примере имеет свое первоначальное значение («сделать что-нибудь из чего-нибудь»).

С III в. до н. э. слово 以 *и*³ начинает иногда просто заменяться различными знаменательными глаголами (подобно тому как в обычной побудительной конструкции вместо 使 *ши*³ можно употребить некоторые знаменательные слова), например:

乃自賣爲奴 («Соу шэнь цзи», 1) Най³ цзы⁴ май⁴ вэй² ну² 'Тогда он продал себя в рабство' (досл. 'продал себя, сделал рабом').

Слово, стоящее после 爲 *вэй*² (в нашем примере это 奴 *ну*² 'раб'), в таких случаях показывает, кем или чем становится (или считается) объект в результате действия, которому он подвергается.

ВЫРАЖЕНИЕ СРАВНЕНИЯ

В разделе о дополнении уже было сказано, что при выражении сравнения в древнекитайском языке к прилагательному-сказуемому присоединяется дополнение с предлогом 於 *юй*¹, обозначающее предмет, с которым сравнивается то, что обозначено подлежащим.

Но существовала и другая конструкция, в которой присутствие прилагательного было совершенно не обязательно: между названиями двух предметов ставилось слово 如 *жу*² или 若 *жо*⁴ (последнее встречается только в некоторых памятниках) с каким-нибудь отрицанием (обычно 不 *бу*⁴) перед ним. Слово 如 *жу*² отдельно значит 'похож'; но в сочетании с отрицанием оно имеет другое значение. Сочетание типа 不如 *бу*⁴ *жу*² между названиями двух предметов показывает, что второй из этих предметов в каком-то смысле следует предпочесть первому, что если бы случилось выбирать между ними, разумнее было бы взять второй, а не первый. Переводится 不如 *бу*⁴ *жу*² как «хуже», «меньше», «не так важно, как» или другим прилагательным, подходящим по общему смыслу фразы. Например:

子重...所獲不如所亡 («Цзо чжуань», 3-й год Си-гуна) Цзы³ чжу¹... со¹ хо¹ бу⁴ жу² со¹ ван¹ 'То, чего Цзы-чжун достиг, было не так важно, как то, что он потерял';

吾不如老農 («Лунь юй», XIII, 4) У² бу⁴ жу² лао³ нун² Я [знаю об этом] меньше, чем старый крестьянин'.

Первый из этих примеров вполне понятен сам по себе; значение второго становится ясным, только если известен контекст (эту фразу произнес Конфуций, когда один из его учеников попросил научить его сеять хлеб).

С помощью этой конструкции могут сравниваться не только предметы, но и действия; в последнем случае в переводе перед вторым членом сравнения можно употребить слова «лучше» или «лучше уж»:

盡信書，則不如無書 («Мэн-цзы», VIIб, 3) Цзинь⁴ синь⁴ Шу¹, цзэ² бу⁴ жу² у² Шу¹ 'Чем целиком верить «Книге истории», лучше бы уж вовсе не иметь «Книги истории»'.

Интересно, что одно и то же сочетание слов мы переводим то как «хуже», то как «лучше», хотя китайская конструкция в обоих случаях имеет одно и то же значение — всегда отдается предпочтение тому, о чем говорится после 如不 бу⁴ жу².

В состав конструкции с 不如 бу⁴ жу² может быть введено прилагательное или глагол; они ставятся после второго члена сравнения и присоединяются к нему с помощью служебного слова 之 чжи¹; таким образом, второй член сравнения оформляется как подлежащее предложения-дополнения. Например:

徐公不若君之美也 («Чжань го цэ», «Ци цэ», I, 12) Сюй² гун¹ бу⁴ жо⁴ цзюнь¹ чжи¹ мэй³ е³ 'Господин Сюй не так красив, как вы'.

Нетрудно заметить, что эта последняя конструкция имеет смысл, противоположный выражаемому обычным способом сравнения (с 於 юй¹): в ней предмет, обозначенный подлежащим, обладает качеством в меньшей степени, чем другой предмет, названный в предложении.

ВКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предложение может содержать в себе другое, зависимое предложение, выполняющее функции одного из его членов (например, подлежащего, дополнения и т. п.). Такое предложение называется включающим, а входящее в его состав зависимое предложение — включенным, или членным.

Включенное предложение занимает то же место, что и член предложения, функции которого оно выполняет; например, предложение-дополнение стоит после глагола, предложение-определение — перед определяемым и т. п. Предложение-определение оформляется теми же служебными словами, что и обычное определение: после него ставится 其 эр², если

это — определение к сказуемому, или 之 чжи¹, если это — определение к существительному. Все остальные включенные предложения (кроме определений) имеют один общий признак: после подлежащего в них обычно (хотя и не обязательно) ставится служебное слово 之 чжи¹; если подлежащим является местоимение 3-го лица, оно всегда имеет форму 其 ци².

Выше, в связи с описанием отдельных членов предложения, нам уже приходилось иметь дело с предложениями-дополнениями (с предлогом и без предлога) и предложениями-определениями.

Зависимое предложение может заменять также подлежащее и связочное сказуемое, например:

楚之羸，其誘我也 («Цао чжуань», 6-й год Хуань-гуна) Чу³ чжи¹ лэй², ци² ю⁴ во³ е³ 'То, что государство Чу [кажется] слабым, означает, что оно [хочет] заманить нас в ловушку'.

Это предложение состоит из двух частей, каждая из которых в свою очередь представляет собой зависимое предложение (что оба они — несамостоятельные, видно по оформлению подлежащего). Они соединены между собой связкой 也 е³ — так же, как может быть соединено подлежащее и сказуемое простого предложения.

На этом примере хорошо видно различие между положением включенного предложения во включающем и придаточного предложения в сложном: придаточное предложение подчинено главному, но главное само по себе является вполне законченным предложением, способным существовать самостоятельно; включенное же предложение входит в состав включающего на правах члена предложения, и остальная часть включающего предложения без него иногда оказывается незаконченной или просто не может существовать.

Последний тип включенного предложения занимает позицию, обычно свойственную словам со значением времени (вроде 昔 си² 'прежде'). Включенные предложения этого типа, так же как предложение-подлежащее, ставятся в начале предложения в целом и в большинстве случаев имеют временное значение, например:

女子之嫁也，母命之 («Мэн-цзы», IIIб, 2) Нюй³ цзы³ чжи¹ цзя⁴ е³, му³ мин⁴ чжи¹ 'Когда девушка выходит замуж, мать наставляет ее'.

Перед включенным предложением со значением времени может стоять слово 及 ци² 'когда', досл. 'дойдя до (такого состояния, что) ...'. Слово это является глаголом, и предложение, стоящее после него, хотя и обозначает время, формально должно считаться скорее предложением-дополнением.

Если предложение начинается с включенного предложения, за которым следует прилагательное (одно или с какими-нибудь зависимыми словами), — оно лишь формально считается вклю-

чающим, а по смыслу соответствует простому предложению. Прилагательное в нем обозначает характеристику действия, названного во включенном предложении, и переводится наречием образа действия. Мы знаем, что прилагательное может быть определением к сказуемому; но если говорящий придает признаку действия большое значение, если этот признак, а не само действие, и есть то новое и важное, что сообщается в предложении, название признака действия оформляется не как определение к сказуемому, а как сказуемое включающего предложения. Например:

故民之從之也輕 («Мэн-цзы», Iа, 7) Гу⁴ минь² чжи¹ цун² чжи¹ е³ цун¹ 'Поэтому народ слушается его легко';

鳥之將死, 其鳴也哀 («Луэнь юй», VIII, 4) Няо³ чжи¹ цзян¹ сы³, ци² мин² е³ ай¹ 'Когда птица уже скоро должна умереть, она поет печально'.

В последнем примере — два включенных предложения, одно из которых обозначает время, а другое образовано только для того, чтобы подчеркнуть характеристику действия.

Так же, как признак действия, может быть подчеркнут и признак предмета. В этом случае сказуемым включенного предложения является существительное (чаще всего — 人 жэнь² 'человек' или 物 у⁴ 'вещь', 'существо') со связкой 爲 вэй², например:

其爲人也好善 («Мэн-цзы», VIб, 13) Ци² вэй² жэнь² е³ хао⁴ шань⁴ 'Это — человек, который любит добро'.

Сказуемым «фиктивного» включающего предложения, т. е. подчеркиваемым словом, может быть не только прилагательное, но и некоторые другие слова и сочетания слов, в частности сочетание существительного с предлогом, а также слова 何也 хэ² е³ 'почему' (досл. 'чем является' или 'чем объясняется'). В последнем случае сказуемое включающего предложения — связочное.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. СОЮЗЫ

Сложное предложение состоит из двух (или более) простых, соединенных интонационно или с помощью союзов в одно целое, но не входящих одно в состав другого.

Важнейшими подчинительными союзами являются 若 жо⁴ (в некоторых памятниках 如 жу²) 'если', 'если бы' и 雖 суй¹ 'хотя', 'даже если'. Придаточное предложение стоит всегда перед главным. Союз обычно находится перед сказуемым придаточного предложения. Например:

子若欲戰, 則吾退舍 («Цзо чжуань», 33-й год Си-гуна) Цзы³ жо⁴ юй⁴ чжань⁴, цзэ² у² туй⁴ шэ⁴ 'Если вы хотите сражаться, я отведу войска назад на один переход';

楚雖大, 非吾族也 («Цзо чжуань», 4-й год Чэн-гуна) Чу³ суй¹ да⁴, фэй¹ у² цзэ² е³ 'Хотя государство Чу велико, [его князя] не нашего рода'.

Реже союз помещается в самом начале предложения, перед подлежащим. В этом случае предложение с союзом может иногда иметь формальный признак включенного предложения — служебное слово 之 чжи¹ после подлежащего.

Оба союза, 若 жо⁴ и 雖 суй¹, могут употребляться и как начальные частицы, подчеркивающие существительное, стоящее в начале предложения; тогда первое из этих слов значит 'же' или 'что же касается', второе — 'даже'. Например:

若孔子, 則聞而知之 («Мэн-цзы», VIIб, 38) Жо⁴ Кун³ цзы³, цзэ² вэнь² эр² чжи¹ чжи¹ 'Конфуций же знал его (учение древних мудрецов) потому, что слышал о нем';

雖大國必畏之矣 («Мэн-цзы», IIа, 4) Суй¹ да⁴ го² би⁴ вэй⁴ чжи¹ и³ '... И тогда даже большие государства будут бояться его'.

Придаточное условное предложение может вообще не содержать союза, например:

人不學, 不知道 («Ли цзи», XVIII, 2) Жэнь² бу⁴ сюэ², бу⁴ чжи¹ дао⁴ 'Если человек не учится, он не знает истины'.

Сложное предложение с бессоюзным придаточным трудно отличить на письме от двух простых. Вероятно, в устной речи оно отличалось от них интонацией (но проверить это предположение невозможно).

Перед главным предложением после придаточного условного (независимо от того, есть в нем союз или нет) часто ставится служебное слово 則 цзэ². Само оно, по-видимому, не выражает условных отношений, а служит для противопоставления; обычно оно употребляется после двух параллельных друг другу условных придаточных предложений, обозначающих две возможные альтернативы, например:

得之則生, 弗得則死 («Мэн-цзы», VIа, 10) Дэ² чжи¹ цзэ² шэн¹, фу² дэ² цзэ² сы³ 'Если получишь это (пищу и питье), будешь жив, если не получишь этого, умрешь'.

Употребление 則 цзэ² после придаточного условного — не единственная, а только наиболее частая его функция. Так, это слово может стоять в двух параллельных предложениях перед группой сказуемого, чтобы противопоставить два подлежащих или слова со значением времени, например:

冬日則飲湯, 夏日則飲水 («Мэн-цзы», VIа, 5) Дуи¹ жи⁴ цзэ² инь³ тан¹, ся⁴ жи⁴ цзэ² инь³ шуй³ 'В зимний день пьют горячий отвар, в летний день пьют [холодную] воду'.

Случается, что один из членов противопоставления в предложении с 則 цзэ² бывает опущен и узнается только по контексту. Кроме того, 則 цзэ² имеет некоторые значения, лишь исторически связанные с противопоставлением. Так, 則 цзэ²

может, находясь после подлежащего, просто подчеркивать его, делая наиболее важным по смыслу словом в предложении («это именно такой-то сделал то-то»), может также указывать на неожиданность того, о чем говорится после этого слова («оказывается»), и т. п.

В произведениях конфуцианской литературы в тех же значениях, что и 則 *цзэ*², употребляется также другое служебное слово — 斯 *сы*¹.

Сложносочиненное предложение в древнекитайском языке на письме не отличается от нескольких простых предложений, следующих друг за другом. Можно сказать, что сложносочиненных предложений в древнекитайском языке просто не существует. Возможно, что в устной речи предложения могли присоединяться одно к другому без паузы, образуя единое сложное целое; но по тексту этого установить нельзя.

Связь между двумя предложениями могла быть выражена специальными присоединительными союзами, как, например, 故 *гу*⁴ 'поэтому', 乃 *най*³ 'тогда' и т. п. Одни из них ставятся в начале второго предложения, другие — перед его группой сказуемого. Присоединительные союзы не отделены четкой границей от наречий и частиц (начальных и средних); разница между этими классами слов скорее смысловая, а не формальная.

Среди присоединительных союзов особого рассмотрения заслуживает только слово 況 *куан*⁴ 'тем более'. В предложении, перед которым оно стоит, всегда опускается сказуемое, так как по смыслу оно совпадает со сказуемым предшествующего предложения. В конце предложения с 況 *куан*⁴ 'тем более' ставится конечная частица 乎 *ху*², которая здесь не имеет, однако, своего обычного вопросительного значения. Например:

困獸猶鬪，況人乎 (Цзо чжуань», 4-й год Дин-гуна) *Кунь*⁴ *шюу*⁴ *юэ*² *доу*⁴, *куан*⁴ *жэнь*² *ху*² 'Даже зверь загнанный отбивается, тем более [будут отбиваться] люди'.

Помимо союзов, для выражения связи между предложениями широко употребляется слово 然 *жань*² [это] так', [дело обстоит] так' в сочетании с союзами и некоторыми другими служебными и полуслужебными словами, например:

甚矣懼! 雖然，吾今取此 (Гунъян чжуань», 15-й год Сюань-гуна) *Шэнь*⁴ *и*³ *бэй*⁴! *Суй*¹ *жань*², *у*² *цзинь*¹ *цой*³ *цзы*³ 'О, как страшно измучены они (жители осажденного города)! Но все равно я теперь захвачу этот [город]'.

Сочетание 雖然 *суй*¹ *жань*², которое здесь переведено как 'но все равно', в действительности является не союзом, а крошечным придаточным предложением, которое дословно значит 'даже если это так'. Таковую же природу имеют и другие сочетания с 然 *жань*², например:

然而 *жань*² *эр*² 'но', 'несмотря на это', 'тем не менее' (досл. 'когда это так');

然則 *жань*² *цзэ*² 'в таком случае', 'тогда' (досл. 'если это так');

不然 *бу*⁴ *жань*² 'иначе' (досл. 'если это не так');

然後 *жань*² *хоу*⁴ 'после этого', 'только после этого'.

Вместо 然而 *жань*² *эр*² могут в том же значении употребляться и отдельно 然 *жань*² или 而 *эр*² в начале предложения.

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

Любопытной особенностью древнекитайского языка было то, что прямая речь в нем могла вводиться только одним глаголом 曰 *юэ*¹ 'сказал'. Это слово могло быть единственным глаголом в предложении; но даже если в предложении уже имеется глагол речи, после него перед прямой речью все равно должно было быть вставлено слово 曰 *юэ*¹, например:

謂須賈曰：待我!... («Ши цзи», 79) *Вэй*⁴ *Сюй*¹ *Гу*³ *юэ*¹: *дай*⁴ *во*³!... 'Он сказал Сюй Гу: «Подожди меня!...».

Слово 曰 *юэ*¹ может значить также 'называется', например: 大野曰平 («Эр я», IX, 5) *Да*⁴ *е*³ *юэ*¹ *пин*² 'Большое поле называется «равнина».

Так или иначе, то, что вводится словом 曰 *юэ*¹, в переводе должно быть поставлено в кавычки.

Что касается косвенной речи, то она оформляется как предложение-дополнение к глаголам со значением «сказать», «спросить» и т. п.

НЕОБЫЧНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ

Выше, говоря о структуре древнекитайского предложения, мы рассматривали только обычный, наиболее часто встречающийся порядок его членов. В действительности порядок этот в определенных условиях может быть изменен.

Почти любое слово или группа слов (кроме сказуемого, а также определения к бессвязочному сказуемому) может быть поставлено в начале всего предложения; в том месте, где оно стояло бы при обычном порядке слов, оно заменяется личным местоимением 3-го лица. Такое слово, вынесенное в начало, называется словом-темой, или тематическим подлежащим. Оно указывает, о чем говорится в предложении; остальная часть предложения представляет собой то новое, что сообщается по поводу слова-темы. Например:

其聞之者，吾殺之矣 («Цзо чжуань», 23-й год Си-гуна) *Ци*² *вэнь*² *чжи*¹ *чжэ*³, *у*² *ша*¹ *чжи*¹ *и*³ 'Того, кто услышал об этом, я уже убил';

鳥吾知其能飛 («Ши цзи», 63) Няо³ у³ чжи¹ ци² нэн² фэй¹
‘О птицах мы знаем, что они умеют летать’;

晉國天下莫強焉 («Мэн-цзы», Ia, 5) Цзинь⁴ го² тянь¹ ся⁴ мо⁴
цян² янь¹ ‘Сильнее государства Цзинь нет никого в мире’.

Иногда тематическим подлежащим одновременно является настоящее подлежащее и какое-то другое слово; тогда это второе слово ставится не в начале предложения, а перед группой сказуемого. Между подлежащим и вынесенным вперед словом вставляются служебные слова 之於 чжи¹ юй¹, после вынесенного слова может помещаться частица 也 e³. Остальная часть предложения сообщает, какие отношения существуют между двумя лицами или предметами, названными в начале предложения. Например:

君之於氓也, 固周之 («Мэн-цзы», Уб, 6) Цзюнь¹ чжи¹ юй¹
ман² e³, гу⁴ чжоу¹ чжи¹ ‘Государь обязательно должен помогать переселенцу из другой страны’.

Такое тематическое подлежащее формально можно рассматривать как маленькое включенное предложение, сказуемым которого является сочетание существительного с предлогом 於 юй¹. Таким образом, только что приведенный пример дословно переводится приблизительно так: ‘Когда государь находится около переселенца из другой страны, он обязательно должен помогать ему’.

Во всех примерах, приведенных выше, как уже сказано, тематическое подлежащее дублируется в основной части предложения местоимением третьего лица. Теоретически его всегда можно подставить на место этого местоимения, поэтому вся конструкция выглядит как изменение обычной структуры предложения. Но встречается, хотя и значительно реже, тематическое подлежащее, для которого место в начале предложения является единственно возможным. В таких случаях в составе предложения имеется имя собственное, а тематическое подлежащее обозначает категорию, к которой относится то, что обозначено этим именем собственным. На русский язык оно переводится с предлогом «из» или «среди». Например:

漢東之國, 隨爲大 («Цзо чжуань», 6-й год Хуань-гуна) Хань⁴
дун¹ чжи¹ го², Суй² вэй² да⁴ ‘Из государств, расположенных к востоку от реки Хань, самое большое — это Суй’;

漁者有餘且乎? («Чжуан-цзы», XXVI, 6) Юй² чжэ³ ю³ Юй²
Цзюй¹ ху²? ‘Есть ли среди рыбаков [человек по имени] Юй Цзюй?’

Сказуемое предложения не может быть тематическим подлежащим. Однако группа сказуемого и группа подлежащего могут целиком поменяться местами. Такое изменение порядка слов придает предложению эмоциональный, восклицательный характер, например:

美哉禹功 («Цзо чжуань», 1-й год Чжао-гуна) Май³ цзай¹
Юй³ гу¹ ‘Как прекрасен подвиг Юя!’

Сказуемым в таких предложениях обычно бывает прилагательное. После группы сказуемого часто стоит частица 哉 цзай¹, иногда 乎 ху². Подлежащее может формально представлять собой включенное предложение:

異哉君之名子也 («Цзо чжуань», 2-й год Хуань-гуна) И⁴
цзай¹ цзюнь¹ чжи¹ мин² цзы³ e³ ‘Как странно назвал государь своих сыновей!’

Хотя между тематическим подлежащим и инверсией группы сказуемого есть некоторое формальное сходство, смысловое назначение этих двух конструкций не одинаково: первая связана с так называемым актуальным членением предложения, различием в нем «данного» и «нового», вторая же имеет только эмоциональное значение.

ГРАММАТИКА ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

К середине I тысячелетия н. э. грамматика китайского языка во многом изменилась. Значительная часть возникших в это время новых явлений в области грамматики объясняется одним и тем же процессом — исчезновением служебных слов и местоимений, которые в классическом древнекитайском языке были лишены ударения. Мы знаем, что эти слова уже в классический период были фонетически неустойчивы и могли сливаться с другими служебными словами в один слог, а иногда в определенных условиях и опускались; например, местоимение 3-го лица могло опускаться после предлогов и после отрицания. В древнекитайском языке позднего периода безударные слова могли свободно опускаться в любом положении (в разговорном языке они, скорее всего, совершенно исчезли), и соответствующие им значения должны были получить другие средства выражения.

Например, в классическом древнекитайском существовала связка 也 e³, ставившаяся в конце предложения. В позднем древнекитайском она стала факультативной, и вместо нее возникла новая связка 是 ши⁴, досл. ‘это’, помещавшаяся между подлежащим и сказуемым, например:

我是鬼 («Соу шэнъ цзи», 16) Во³ ши⁴ гуй³ ‘Я — злой дух’.
Первоначально это 是 ши⁴ представляло собой указательное местоимение, дублировавшее подлежащее.

Безударной была вопросительная частица 乎 ху², поэтому общий вопрос стал выражаться с помощью отрицания в конце предложения (в классический период такой способ выражения вопроса был возможен только в предложении-дополнении), например:

石在家否? («Соу шэнь цзи», 19) *Ши² цзай⁴ цзя¹ фюу²?* 'Дома ли [Лю Сюань-]ши?'

Выпало служебное слово 而 *эр²* между двумя глаголами. В связи с этим в позднем древнекитайском языке появились сложные глаголы — конструкция, состоящая из двух глаголов, первый из которых обозначает само действие, а второй — только его направление или результат, например: 飛來 *фэй¹ лай²* 'прилетел' (досл. 'летя пришел'), 溺死 *ни⁴ сы³* 'утонул' (досл. 'утонув умер'). Такие глаголы еще не обладали полным формальным единством: дополнение к переходному сложному глаголу могло стоять и после глагола в целом, и между его составными частями.

Показатель определения к существительному — 之 *чжи¹* в позднем древнекитайском обычно опускался, и признаком определения в таком случае было просто его место перед определяемым. Возможно, что для выражения отношений принадлежности могло служить слово 家 *цзя¹* (букв. 'семья') после определения, например:

乃袁公路家羊也 («Соу шэнь цзи», 18) *Най³ Юань² Гун¹ лу⁴ цзя¹ ян² е³* 'Оказалось, что это баран, [принадлежавший] Юань Гун-лу'.

Предлог 於 *юй¹*, как мы знаем, имел в классическом древнекитайском языке много различных функций. В позднем древнекитайском он свободно мог опускаться, и отдельные его значения стали выражаться совершенно разными способами. Так, для указания места действия служило теперь существительное с послелогом, присоединявшееся к глаголу без всякого предлога. Лицо, у которого нечто берется, обозначалось дополнением с предлогом 從 *цун²* 'у' (букв. 'из'). Лицо, которому нечто дается, или место, куда нечто помещается, вводились соответственно глаголами 與 *юй³* 'дать' и 著 *чжо²* 'положить', которые ставились после названия самого действия и образовывали с ним сложный глагол. Например:

松生石上 («Соу шэнь цзи», 14) *Сун¹ шэн¹ ши² шан⁴* 'Сосна растет на камне';

從婦求酒 («Ши шо синь юй», 23) *Цун² фю⁴ цю² цзю³* 'Он попросил у жены вина';

有犯罪者, 投與虎 («Соу шэнь цзи», 2) *Ю³ фань⁴ цзуй⁴ чжэ³, тоу² юй³ ху³* 'Если кто-нибудь совершает преступление, его бросают (досл. бросив дают) тиграм';

虎...下婦著地 («Соу шэнь цзи», 5) *Ху³... ся⁴ фю⁴ чжо² ди⁴* 'Тигр... опустил (досл. опустив положил) женщину на землю'.

Мы уже знаем, что начиная с эпохи Хань в китайском языке появляется новая страдательная конструкция, образующаяся с помощью связки 爲 *вэй²* и служебного слова 所 *со³*. Ее распространению тоже способствовала факультативность

предлога 於 *юй¹*, который в классическом языке мог указывать на действующее лицо при глаголе, употребленном пассивно: если этот предлог опускался, слово со значением действующего лица нельзя было отличить от обычного дополнения со значением объекта.

Местоимения в роли дополнения в классическом древнекитайском языке были безударными, поэтому в поздний период вместо них часто употребляли показатели залога. Местоимение 3-го лица 之 *чжи¹* обычно просто опускалось. В связи с этим отрицания 弗 *фу²* и 勿 *у⁴* перестали восприниматься как слияния двух слов (отрицания и местоимения) и могли употребляться как обычные «чистые» отрицания (в разговорном языке, по-видимому, 弗 *фу²* просто вытеснило обычное отрицание 不 *бу⁴* 'но', а в значении запрещения — 'не...!' — стало употребляться 莫 *мо⁴*, которое в классический период было местоимением 'никто').

Некоторые грамматические явления, характерные для позднего древнекитайского, встречаются уже в эпоху Хань или даже несколько раньше. С другой стороны, в текстах позднего периода параллельно употребляются новые и соответствующие им старые конструкции, хотя последние, вероятно, уже не были свойственны разговорному языку.

В позднем древнекитайском можно обнаружить и другие, не связанные с выпадением безударных слов, грамматические новшества. Заметна тенденция к упрощению некоторых грамматических правил, к исчезновению различий между некоторыми близкими между собой словами или конструкциями. Например, все формы личных местоимений могут уже в это время употребляться в любых синтаксических функциях; перестали действовать правила, согласно которым местоимения в роли дополнения иногда ставились перед сказуемым, а не после него. Появились также некоторые новые служебные слова. Среди них можно отметить 阿 *а⁴*, ставящееся перед терминами родства (например, 阿兄 *а⁴ сюн¹* 'старший брат'), и модальный глагол или показатель времени 當 *дан¹*, имевший очень широкий круг значений — долженствование, предположение, будущее время, приказание.

Все же язык этого времени по своей грамматике заметно ближе к классическому древнекитайскому, чем к среднекитайскому, и тем более современному. Все происшедшие в нем изменения означали в основном только упрощение или видоизменение уже существующих грамматических конструкций, циклики и некоторые совершенно новые конструкции (например, сложные глаголы), но число их было невелико. Действительно серьезные изменения в грамматическом строе китайского языка произошли лишь при переходе к следующему, среднекитайскому периоду.